

№7

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Мубариз ДЖАФАРЛИ. <i>Ожидаящий. Рассказ</i>	9
Фуад ВЕЛИЕВ. <i>Строки из дневника</i>	18
Андрей ЛОМОВЦЕВ. <i>Рассказы</i>	75
Фарида МАМЕДОВА. <i>Новеллы</i>	87
Рахим АЛИЕВ. <i>Рассказы</i>	98
<i>Кавказские очерки Владислава Стцельницкого</i>	122

ПОЭЗИЯ

Динара КАРАКМАЗЛИ. <i>Стихи</i>	17
Сергей ЖАДАН. <i>Стихи</i>	74
Елена МАМЕДОВА. <i>Стихи</i>	84
АЛИЯ. <i>Стихи</i>	120

ПУБЛИЦИСТИКА

ВАГИФ САМЕДОГЛУ – 85. Он был рожден словом!	3
Динара КАРАКМАЗЛИ. <i>Золотая долина Араза. Эссе</i>	15
Ширин МАНАФОВ. <i>К вопросу об актуальности академика Азада Мирзаджанзаде</i>	47
Марк ВЕРХОВСКИЙ. <i>Баксовет при Лемберанском</i>	65
Лариса ДЖАВАНШИР. <i>Музыка Франгиз Ализаде...</i>	68

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 26.6. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

ВАГИФ САМЕДОГЛУ – 85

ОН БЫЛ РОЖДЕН СЛОВОМ!

В слове «телеграмма» можно расслышать как некоторое беспокойство, так и уверенность. Эта форма, выражающая два полюса коммуникации своим понятием внезапности и ожидания, в то же время обладает значением некоего моста между ушедшими и оставшимися, между вчера и сегодня; если ушел, то раньше был здесь, если не знаком, всё же интересен, интересно, напомнит ли нам своими знаками то, чего мы ждали?

Весть о Вагифе Самедоглу тоже возымела эффект телеграммы; внезапность и ожидаемость. Как резонанс его первого стихотворного сборника «Телеграмма в пути».

Когда пришла «Телеграмма в пути», в пронизанной штампами идеологии было сильно восприятие национальных особенностей в самом общем виде в качестве провинциального колорита. Эта «телеграмма», дошедшая до нас спустя двенадцать лет после ухода Самеда Вургуня, и завершение «астрономического цикла» литературы представили нам поэта с оригинальным концептуальным взглядом в связи с реалиями эпохи. *«Вагиф больше пытается означивать, нежели выбирать. Стараются смотреть на мир со своего ракурса, изобретать новые качества, новые признаки. И именно в этом ракурсе возникает его индивидуальный стиль»* (И.Гасымзаде, «Телеграмма в пути», 1968). Разделившиеся на лагеря традиционалистов и модернистов думали да гадали: интересно, эта «телеграмма» отправлена с Пути Самеда Вургуня? Конечно, не в чем их упрекать: поэзия Самеда Вургуня по сей день воспринимается как выражение азербайджанской души, и в наши дни честь народа задевают камни, что бросают в его огород. И, безусловно, ошибаются те, кто думает, что творчество Самеда Вургуня – выражение локального сознания. Ибо величие Самеда Вургуня в том, что он, как и все великие мыслители, выражая национальный характер, душу своего народа, смог сделать его неотъемлемой частью мировой культуры. В этом смысле творчество Вагифа Самедоглу лучший ответ на попытки представить Самеда Вургуня как закрытую страницу. Творчество Вагифа Самедоглу, являющееся событием культуры, благодаря гармонии интеллекта, опыта, врожденного таланта с умным и тонким вкусом, однозначным образом оказалось чуждым догматизму.

Разве то, что мы называем творчеством, не является созданием новых ценностей, и как тут наряду с воображением, опытом, умением можно предать забвению новую форму общественных отношений?!

Еще не отметив семидесятилетие, Вагиф Самедоглу произнес последний монолог надежды и любви за все жизни с азербайджанской сцены.

*Меня больше не мучает
То, что годы
Текут вверх,
То, что жизнь стекает вниз!
Знаю,
Все следы на земле
Проходят через жизнь...
А я ищу причин то жить,
То умереть.
Живу, терплю...*

Всё еще не могу понять, почему в 75-летний юбилей Вагифа Самедоглу я думала о путях, ведущих в Шушу, о путях, уводящих из Шуши... Почему я думала о победном пути нашего великого возвращения в Шушу. Почему думала о Людях, которые изменяют время путей-дорог!.. Почему я думала о том, что тяжесть и святость дороги в Шушу, напоминающей путь в Мекку, для азербайджанцев есть величайшее испытание... Слушая поэта, делящегося на сцене своей любовью к жизни, женщине, человеку, я думала еще и о том, что Вагиф Самедоглу – как и его отец Самед Вургун, как и его брат Юсиф Самедоглу – этот редкий талант, сумевший стать живым классиком азербайджанской культуры, проживает Судьбу Избранного, как и наша Избранная Шуша. И тогда я поняла, что больше никогда не смогу думать об этой четверице врозь.

«Шуша – это Солнце, Шуша – это Луна», пишет Самед Вургун. «Какими красками нарисуют на картах мою страну?», задается вопросом Вагиф Самедоглу. Эти строки и этот вопрос подтверждают возможность освобождения понятия «синдром Кассандры» от негативных оттенков за счёт большого таланта.

Вопрос рожден не только неверием и сомнением, и дело не только в масштабе горизонтов воображения, вопрос в то же время указывает на необходимость перемен, это желание чего-то другого, чего-то иного... Это заражение «желанием увидеть нечто большее, чем мы видим» (Расул Рза) за счет переворота привычного образа мышления. Художественные вопросы порой встречаются с патетикой, пафосом, спешкой шаблонного, стереотипного толкования, но, по сути, это утешение посредством красоты жизни, смешанной со страхом безнадежности скорби, потерпевшей поражение, скорби, оставленной беспомощным временем, друзьями, ушедшими через открытую дверь, покинувшими самих себя, покинувшими нашу память. Юсиф Самедоглу, пустившийся в путь, отталкиваясь от вопроса Самеда Вургуня «Победит ли совершенство в мире?», вывел память в лабиринт, выраженный вопросом «Где родина людей, едящих честный свой хлеб?» Вагиф в этом лабиринте затосковал:

*Чайка, ищи меня,
Унеси меня отсюда...
Внутри меня темная ночь,
Внутри меня тесная улочка.
Чайка над морем, скажи,
Который час?*

Вагифу Самедоглу (и нам!) пришлось долго ждать Ответа... После долгой разлуки он потряс тишину этой безответности:

Слышишь ли?.. Я здесь...

Читая обратившиеся в статью Глаза, шепчущие о том, что слова созданы для Бога и Женщины, Вагиф успел задать чуть ли не все вопросы; спросил у кривой дороги, сиротливого тупичка, одинокого граба, далекого отголоска, близкой тени, спросил у скачущего мимо всадника, дерева, ветра, у одиночества и уединенности, души и духа, Бога...

Ожидая ответа на эти непростые вопросы, он вписал в память страхов вкус-портрет милых разлук, пламенных дождей, одиночества, тающего под снегом, падающим с земли на небо. Не найдя в памяти ничего, что могло бы утолить жажду, он вспомнил свой Голос:

*Холод пробежал
Между мной и солнцем
В пустыне миллионов людей,
Где я мерзну от одиночества...
Мама, где голос мой?*

Он казался «чужим» не только из-за этих неудобных вопросов. Вагиф Самедоглу всколыхнул интонацию стиха, интонацию «экзотической национальности» эпигонской, однообразной традиции.

*Тоска по краюшке хлеба
Заволокла тучей луну и солнце.
Настали черные дни.*

Вагиф никоим образом не гнал прочь традицию, не отрицал пройденный путь, он видел точку, где пересекались различие и сходство традиции и устарелости.

*Нельзя сказать «прощай» быломu,
Человек способен проститься
Лишь с будущим.*

Его взгляд на прошлое и будущее был столь ясным и спокойным, что Расул Рза сказал: «прочти это невежа даже сотню раз, всё равно не понял бы».

*Не бойтесь нас, нет,
Бойтесь тех, кто придет после...
Никто не знает, почему и с чем,
С каким намерением приходят они.
Никому не придет на ум,
Откуда появятся те,
Кто идет после нас...*

*Какими будут их песни, слова этих песен,
О чем они будут?
Придут лишь, чтобы убить,
Или
О чем-то вам поведают
Перед тем, как занести
Меч над головой?
Бойтесь,
Бойтесь тех, кто идет после нас...*

Как и все настоящие и большие таланты Вагиф Самедоглу не думал о выстраивании образа поэта, Вагиф Самедоглу стал Образом. Как и Вагиф Мустафазаде, открывший новую страницу в интерпретации мугама с джазом, Вагиф Самедоглу создал в поэзии интерпретацию «джаза с сазом», и тем самым сошел в суть национальной идентичности – дал общечеловеческое выражение национально-духовной сущности и, наряду с тем, в очередной раз подтвердил, что национальная идентичность обладает серьезными социологическими проблемами.

*Ты ведь слышал на стольких языках
Слово «Свобода».
Ты ведь мог отличать
Правду и кривду мира сего.
Ты ведь прочел
Слезы надежды,
Стихи, написанные для того,
Чтобы как платком утереть.
Ты ведь через многие окна мира
Видел утро...*

Вагиф Самедоглу всегда видел, как его отец Самед Вургун негодовал из-за попранный свободы народов Африки, и этот сын, доверив свое сердце памяти отца, утешал всеми силами мерзнущую на стуже свободу:

*Падает на нашу землю
Снег иных земель.*

Вопросы, задаваемые Вагифом Самедоглу, не оставались в поле пассивно-романтического поэтического сознания, но целились в конце 60-х годов обвиняющим перстом в Организацию Объединенных Наций, привлекая внимание к трагедии во Вьетнаме, выписывали рецепт знакомой скорбной боли родины, поделенной надвое.

*Родина так сладка,
Сладка, хоть и разорена...
Но вдвойне сладка Родина,
Поделенная надвое!
... В таком случае ее судьба зависит
От вдвойне крепкой отваги,
От чести, которая в нужное время
Обратится в оружие.*

Вагиф Самедоглу считал горе Родины самой надеждой Человека. Вагиф Самедоглу никогда не признавался в любви к Родине с трибун, высоких кафедр. Вагиф Самедоглу проживал Родину – проживал как любовь, проживал целиком. Вагиф Самедоглу пришел в этот мир научить общество культуре оппозиции, умению принимать инакомыслие, при этом оставаясь сплоченным и единым народом...

*Не держитесь от меня подальше,
И друг от друга.
Не оставляйте меня одного
И друг друга.*

Что бы и в каком бы жанре ни писал Вагиф Самедоглу, он писал, чтобы научить людей любить. Своими произведениями он сам стал Жанром. Он не обучался стихам ни у кого; **он был рожден Словом.**

*Научи меня писать стихи,
Научи, о волчий след...
Чтобы видно было откуда
И куда идут мои слова.
Пусть мои стихи имеют право
Жить,
И как ты отпечататься в земле,
Пусть, о волчий след.*

Вагиф Самедоглу научил своего читателя видеть человека как цвет, как звук, как слово. Цвет его творчества ближе к фиолетовому – соединению нескольких цветов. Хотя в этом цвете участвуют красный и синий – два основных цвета – фиолетовый не столь теплый, как красный, но склонен, как и он, к отрицанию, выражает свободу внутренней энергии, выражает, как и синий, торжество света над тьмой. В фиолетовом есть и желтый – позиция между синим и красным; немного пессимизма, немного усталости... Творчество Вагифа Самедоглу – это синтез, как и фиолетовый цвет, на который оно походит. Особый образец презента, призывающего к сравнению эпох, манер, культур. Его творчество напоминает метеор, сошедший на землю из иных времен, иного способа мыслить. Его поэтический синтаксис крайне драматургичен, в высшей степени аристократичен, в высшей степени всечеловечен... Оно будет интересным всегда, будет призывать к взаимному общению.

Слово «поминать» по отношению к Вагифу Самедоглу кажется излишним. Мало прочесть Вагифа Самедоглу, Не следует обучаться Вагифу Самедоглу, И не следует изумляться Вагифу Самедоглу. Вагифа Самедоглу надо просто прожить. Ведь он не оставляет другого пути...

*Если вдруг
Захочешь мне написать
Надпиши вот так
Это письмо:
«...Москва К9.....
До востребования.
Самому несчастному»...
Столько рук человеческих
Протянутся к твоему письму
В узкое телеграфное окошко.
И одиночество рук моих
Затеряется среди всех этих рук...*

СУДАБА АГАБАЛАЕВА

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

МУБАРИЗ ДЖАФАРЛИ

Ожидающий

Рассказ

*Приди, о смерть!
Эта жизнь нас убивает...*

Саиб Табризи

Если утром, проснувшись ото сна, у него ничего не болело, он думал, что дух покинул его тело... Но в последнее время он не помнил, чтобы мог безболезненно открыть глаза, а значит, не следовало опасаться, если что-то болит, то не все потеряно.

В последнее время он размышлял о том, что не стоит сидеть и ждать, из этого мира желательно уйти, пока ты в форме!..Распрощаться с жизнью следовало уже услышав весть о смерти сына. Он задыхался от боли сердца, горечь груди отражалась болью в спине, но эта горечь была только ничтожной искоркой рядом с огнем, возникшим от вести об умершем. Наверное поэтому, набравшись терпения, он вернулся...

После прекращения огня он думал, что эта битва не что иное, как битва престолов. Моему сыну было предписано стать жертвой этой войны. Может, и не стоило так унывать, сын на фронт пошел добровольцем. Воюющий должен быть или мучеником, или проповедником...На долю его сына выпало мученичество.

...Он уже смирился со своей судьбой, не было ни волнения, ни боли в сердце. И судьбу больше не проклинал, напротив, часто повторял: «Судьбу не обманешь». Всевышний знает свое дело. Смертным этого не понять. Для этого нужно иметь крылья и уметь летать...

Распластанные по земле и схватившиеся за эту жизнь четырьмя руками так и уйдут из этой жизни слепцами. В этой приходящей и уходящей жизни только сынам Адама суждено прожить предписанное. Порой испытание, называемое жизнью, становится таким бесконечным. Кто сказал, что жизнь сладка?! Кто заверил о радости и несчастье, о горечи и сладости?!

Позавчера, спускаясь по лестнице, выйдя из подъезда, он поскользнулся. Если бы он сломал ногу, то благодарил бы за это Бога... Следовательно – все относительно. Относительно и неизвестно... Хорошо, что соседи пришли ему на помощь, подняли его, и он передумал идти в магазин. Три дня, как не выходил из дома. Выбрал самый легкий выход. В магазин за кое-какими продуктами, так, по мелочам, он посылал соседского мальчика. Сказать по совести, мальчик-школьник был уступчивым, никогда ему не отказывал, более того, с удовольствием готов был услужить. Но кажется, и на руку был очень метким, лукавил в расчетах. Этот мальчик не пропадет, у него светлое будущее. Если, конечно же, это будущее наступит... А ведь для этого сколько надо преград перейти, сколько рассветов встретить!.. Ожидая – стареешь и жалеешь об этом. Будущее подобно камням под ногами Александра Македонского. Кто возьмет, пожалеет, кто не взял – пожалеет тоже...

Жалеет и тот, кто с надеждой ждет утро и отпускает его, и тот, кто остается на полпути. Но знать, жалеет ли тот, кто остался на полпути, и судить о них простым смертным не дано, ни рукой не достанут, ни умом не осияют. Может, сейчас его сыну намного лучше, чем ему самому. Может, сын его и в самом деле на небесах. В любом случае, седьмое небо намного прекрасней давно немойтой, исходящей неприятным запахом и вонью, полуразваленной двухкомнатной квартиры...

Тогда зачем же говорят: «Лучше один день быть живым, чем тысячу лет мертвым»? Ну, и что с того, что говорят. Мало ли что они говорят. Да простит нас Аллах, это же, в конце-то концов, не аяты из Корана. Если уж кто-то и говорил, то понятное дело, что среди этого сборища были и глупцы, и мудрецы.

Писать совместно книгу – есть бессмысленный труд, так же, как и иметь одну общую жену на двоих. Вместе можно и в футбол играть, и войну затеять, и бороться, но если дело касается особого подхода к чему-либо, то объединение мнений бессильно. В книге, у которой много авторов, не найдешь ничего интересного. Так же, как нельзя суммировать умы. Сравни игру в шахматы. Если подойти к задаче, требующей особого подхода, коллективно, она никогда не будет разрешена.

Опроверг еще одну народную поговорку: «Ум уму рознь»... Ничего подобного! Ум не может быть розню уму уже только потому, что сравнение умов само по себе немислимо. Бесспорно, есть люди умные и мудрые, глупые и сумасшедшие, но нет третьего умного лица, «нейтрального судьи», который бы сравнил разумного и сумасшедшего. Впрочем, разница между сумасшествием и гениальностью мизерная. Вот так! После этого не скажешь: «Ум уму рознь». Если мы ищем истину, то вернее было бы сказать: «Умы различны...» Различны настолько, что не сравнимы. Раньше он не философствовал, так долго и длительно размышляя сам про себя, наверное, это тот самый случай, возникший вследствие одиночества.

В последнее время он настолько углублялся в свои раздумья, что едва придя в себя, посмотрев в окно, замечал, что наступил закат. Когда мучала бессонница, он играл в шахматы. Правда, у него не было сил привести в движение свои иссохшие конечности, одна кожа да кости, дрожащими пальцами он не мог сдвинуть ни шахматные фигуры, ни шахматную доску... Было бы куда лучше переписать все мысли, приходящие в голову, на бумагу, но, увы, он давно не брал в руку ручки. Настолько тряслись руки, что и сам не мог разобрать своего почерка. Жаль, что в молодости в голову приходили бессмысленные мысли, которые когда-то он переписал в большие книги, сегодня же у него не осталось ни охоты читать эти книги, ни искры в очах. Может быть, это закономерность; самые ценные мысли – ненаписанные, так же, как и мгновенно раскрывшиеся цветы: незаметно раскрываются и быстро вянут. Ожидание того, что еще когда-нибудь этот цветок, этот бутон раскроется, очень нудно, а когда ты опустил руки и потерял всю надежду, цветок внезапно распустится, вновь в твоей ладони ничего не останется, и не успеешь моргнуть глазом и прийти в себя, он опять завянет... Но сейчас для игры в шахматы ему не нужно было ничего, без шахматной доски и фигур он мысленно строил игру. От начала до конца...

Что самое интересное, он мог раздваивать личность, как совершенно разные люди, как конкуренты, строящие друг другу уловки. Его мозг, разум и сознание были намного надежней, чем руки, ноги и тело. И на память не жаловался, просто не мог вспомнить какое-либо памятное событие. С возрастом самые интересные события в жизни казались ему обычными; и смерть жены, и смерть сына-шехида он принимал как нестираемое писание, и не было другого выхода, как молча смириться с судьбой... Кроме того, сын по собственной воле сделал свой выбор, он знал об обеих сторонах медали и поистине осознавал, почему сын принял это решение. Он осознанно не вмешивался. Сын, женатый уже десять лет, после исполнения сорока лет никак не мог смириться. Всякому терпению есть предел. Он же не пророк Моисей, чтобы сорок лет терпеть. Поистине, пойти на войну было самым лучшим выходом из ситуации. Опасность смерти была праздником по сравнению с насмешкой жены: «Да, я беременна, ты думал, я до конца жизни буду девственницей? Я не виновата, вся вина на тех, кто тебя женил...» И сын был хорош; он не ел и не пил вот уже трое суток, только лежал ничком на кровати. Муж с женой не решались подойти к нему близко, только изредка и исподтишка посматривали за ним из-за дверей комнаты. Невеста уложила «сундук» на кровать и навсегда покинула их...

Затем «сундук» поднялся с кровати и направился на войну. Позже умерла и жена. У мужчины осталась единственная отрада, он ждал рождения «внука». Ждал с нетерпением и беспокойством. Хотя и не видел невестку, но слышал о ней, до события стать «дедушкой» оставалось мало. Он настолько уверил себя в этом, что вся Вселенная не могла бы лишиться его титула «дедушки». Рано или поздно этот младенец узнает его дом, вырастет и озарит очаг этого дома. Что ни говори, остальное все бессмысленно. Он уже не держал обиду на невестку, более того, собирался помириться с ней и привести домой. Ждал рождения «внука», чтобы позже наладить все дела. Но, увы, в руках его «внука» был меч «Ангела смерти». Мало того, что раздумал появляться на свет, так он и мать увел с собой...

Теряя силы жизни и чувствуя боль, память, как зеркало, отражает прошлое, но смотреть на это не остается желания. Больше думаешь не о месте, где являешься гостем, а о том, куда попадешь. Мечтаешь о том, чтобы смерть не была концом, в молодости на жизнь после смерти мы смотрим сквозь пальцы и как на сказку, но с годами, размышляя все глубже об этом, от безысходности глубоко вздыхаем. Нет, он не считал себя трусом. Но кто о себе плохо выскажется? Неужели из этой жизни трудно уйти, нагло хлопнув дверью? Хлопнуть дверью не трудно, она сама по себе захлопнется, и не стоит ею хлопать, а вот через порог перейти довольно трудно. Вот если этот порог не заканчивается, так это да, это задача. Покойная мать была парализована и язык у нее отнялся. Лишь глаза смотрели живым взглядом, и сердце билось нормально. Когда после длительной болезни мать умерла, он был очень рад. Комната матери была наполнена запахом лекарств, мочи, болезни и смерти, и три года этот смешанный неприятный запах разносился по комнатам и всей квартире. Ровно три года мать ждала на пороге, три года тихо и молча стуча в дверь, она не ныла и не стонала. В этом отношении ей повезло. А то и ночью не могла бы спокойно спать...

Неоднократно он без умолку говорил своей жене: «Мама очень страдает, бедная женщина, если бы умерла, ей было бы легче». Правда, каждый раз эти слова он говорил по пьяни. В те времена он часто выпивал, чтобы отвлечься и забыть про свое горе. Он и впрямь жалел мать, но в этой заботе была и жалость к самому себе; перед его глазами вставали и собственные трудности. Оказывается, жертвовать жизнью ради самого родного человека – самое малое, подвергнуть жизнь трудностям возможно лишь в случаях стресса. На словах ведь легко жертвовать собой ради других. А когда касается сути дела, задача усложняется... И сон его пропал так же, как и воспоминания, он не мог уснуть и далеко за полночь, а когда засыпал, ему снились абсолютно незнакомые люди. Может, он их и знал, но просто не помнил. Или же эти люди изменили облик...

Он не опасался ни снов, которые видел, ни страшных выражений на лицах людей из своих сновидений, напротив, когда ему ничего не снилось, он был очень обеспокоен. Были хотя бы снящиеся во снах, Аллах и в этом ограничил его, днем он был обречен на молчание, на кого ему было рассчитывать, старику, дверь которого никто не открывал? Оставался единственный путь к Всевышнему, от страданий на этом пути с самого начала у него темнело в глазах. Он не был тяжело больным, как мать, но, несмотря на это, и летом, и зимой в его квартире стоял этот невыносимый терпкий запах. Но старик уже привык к этому запаху и считал это естественным. Но самое худшее было впереди; когда он умрет, об этом никто не узнает, и труп его этим запахом охватит не только квартиру, но и весь жилой дом. Несколько раз сосед из квартиры напротив уговаривал старика, чтобы объединить их квартиры, обещая обеспечить старику спокойную старость. Сосед убеждал старика, что они помогут скрасить его одиночество, что очень уважительно относятся к нему, что жена и дети будут очень снисходительны, никто не скажет ему грубого слова. Никто, мол, не застрахован от смерти, дай Аллах тебе долгую жизнь, сын твой стал шехидом за Родину, мы все очень тронуты его смертью и каждый четверг читаем молитвы для него. По-

жертвовать своей жизнью – дело не каждого из нас, только сын такого мужчины, как ты, мог так поступить. Да упокойт его душу Аллах! Может, потусторонний мир намного лучше, не грусти, живи столько, сколько тебе дано, а когда умрешь, не беспокойся, я тебя как следует похороню, по всем обычаям устрою поминальные дни и сорок дней, я мужчина, и если что-то сказал, так и под дулом пистолета сдержу свое слово. На все это старик ответил: «Двум хозяевам в одном доме не ужиться».

Слова старика не дошли до соседа и, указав пальцем вверх, он продолжил: «Только Аллах знает, что с кем случится и кто сколько будет жить...» Через неделю соседа сбила машина, он до сих пор еще хромал. Старик отнюдь не проклинал соседа, но, честно говоря, когда тот высказывал эти слова, ему хотелось, чтобы с соседом случилось что-то плохое... Через пару часов он уже забыл этот разговор. За всю свою жизнь старик и мухи не обидел, не держал ни на кого зла и дома был молчаливым. Но, кажется, если что-то изредка и скажет, то все кувырком перевернет.

Случайно увидев соседа, он произвольно вспоминал тот разговор, и то состояние в сердце, схожее с семенем ненависти, и тотчас же отводил в сторону взгляд своих помутневших глаз. По совести, сосед больше не затрагивал тему «купли-продажи» и «смерти», что-то почувствовав, отчего-то нехотя здоровался со стариком и довольствовался этим; хорошо, что старик не виделся с соседом с тех пор, как похолодало. Зима, пришедшая на порог, словно непреодолимый шторм, разогнала по домам и квартирам встречных на пути, город заболел своей неизлечимой болезнью; часто гасили свет. При зажженной свече сердце старика наполнялось страхом, он радовался каждому порыву ветра, стучавшего в его окна, что конец света еще не наступил, в округе есть признаки жизни, снова наступит утро, и не жгучее блеклое солнце появится в небе. В принципе, его не пугал факт наступления конца света, своему-то концу оставалось всего-то ничего, но в полутемной комнате при зажженной свече его очень пугало огромное, старинное, овальное зеркало, висящее на стене, при виде которого его худощавые ноги начинали трястись, и, сидя за круглым столом на ветхом стуле, чтобы скрыть свой страх, он льстиво покашливал, вслед за чем начинал захлебываться от настоящего кашля, дойдя до слез и покраснения и задыхаясь. А когда успокаивался, холод, пронизывающий его до костей, тут же выходил из его тела, которое покрывалось горячим потом, так как тени, показавшиеся в зеркале, помахивая рукой, шепотом звали его. Старик, слышащий отчетливый длительный шепот – в иное время он был глухим на слух – не мог различить, голос женщины ли это или мужчины. Даже если он и не мог отчетливо слышать, нежное слово ритмично повторялось в мозгу вместе со стуком в висках: «Иди...» И старик охотно поднялся, подошел к зеркалу и сконцентрировал свое внимание, чтобы уточнить видение и узнать хозяина тайного голоса, неустанно зовущего его. Узнать это было очень трудно, ведь пока он приближался к зеркалу, тени удалялись, наконец, старик дошел до «границы», он соприкоснулся головой с зеркалом, но зеркало не было тем же, оно было хрупким и, шагнув правой ногой, он прошел через него. О, Боже, что это – за зеркалом нет стены, ее заменял полутемный туннель. Как ни ускорял старик свой шаг, он так и не мог догнать тени, идущие впереди. Тени так и шли беззвучными шагами, зовя его за собой. Хоть его глаза и привыкали ко тьме, он не мог ничего различить, кажется, и не было ничего интересного. Что же заставило его идти вперед по этой томительной и тесной дороге? Зачем голоса этих теней так притягательны? Ведь в них нисколько не было приказного тона, никакой властности, так откуда столько силы и власти в мелодичном, нежном и поэтичном голосе?!

Голос голосом, но шагая вперед, он хотел коснуться стены, а она «отходила». Руки уходили в пустоту, и он чуть не упал, потеряв равновесие. Значит, в этом бесконечном туннеле он не мог ни до чего дотронуться? Если б он решил поменять направление и дойти до стены, это было бы опять же бессмысленным, напрасным трудом, у этого пути не было ни конца, ни края. Даже если бы он шел до бесконеч-

ности, все равно не достиг бы цели. Этот путь потерял свой смысл и не предназначался для визита из пункта в пункт, это была кольцевая дорога, и, остановившись, он увидит, что находится на том же месте, откуда пришел. Бесконечность этой дороги и ее суть была в ее точкообразности...

Старик за всю свою долгую жизнь перечитал несчетное количество книг, написал несколько книг, обучился науке, сам обучал науке, но в своем престарелом возрасте млел от удивления, что стоит перед зеркалом, уткнувшись в него носом, который уже обмерз, и зеркало это никакое не хрупкое, а то же самое зеркало. Это событие все чаще повторялось, он потерял счет, ему надоело считать, в итоге, он приходил к простому выводу: «старость – не радость»...

Какими бы многоэтажными и нематериальными являлись понятия счастье и несчастье, старик нашел спрятанное счастье. Самый счастливый – тот человек, кто родился мудрым. Но когда шаг за шагом достигаешь этой ступени, в итоге разочаровываешься тому, что все приобрел, но увы, потратить это не было ни возможности, ни времени...

А может, он дремал, сидя на стуле, и с возрастом превращался в лунатика, и сонным, подойдя к зеркалу на стене, стоял перед ним? Ведь со времени смерти ни сын, ни жена ни разу не приснились ему, а те, кто снились, были совершенно ему незнакомы. Прямо как в зазеркалье... На снившихся он смотрел и не узнавал, а лица тех из зазеркалья были не видны из-за черной завесы на их лицах. Обычно смерть на этом свете настагает тех, у кого не осталось серьезных дел, и тех, кто своей смертью прокладывает тропинку для остальных. Как странно ни казалось бы с первого взгляда, он не сомневался в правдивости этой мысли, но спорить по этому поводу он сам по себе не собирался. Молодым умрешь или стариком покинешь этот мир, не имеет значения, значит, так надо, значит, время вышло, завершил свои дела, все в сторону. Если так и есть, значит, что-то его удерживало здесь, какая-то задача не была решена, какой-то кирпич не был поставлен. Старик много размышлял, но что поделаешь, если дух не покидал его тело, значит, чего-то он не завершил и не поставил последнюю точку. Вот и думай теперь над этой точкой. Все равно не найдешь. Все само по себе завершится, рано или поздно приходишь к концу, но не узнаешь об этом, не поймешь. И что руки твои согревает огонь – не поймешь...

«Что ты бредешь, старый хрыч, не ищи ничего тайного в своем бессмертии, ну, не принимаает тебя земля...» Умеющий один играть в шахматы, как два соперника, он мог иногда с усмешкой и грубо шутить с собой.

С годами прожитое человеком кажется ему сказкой, кинофильмом, запоминающиеся фрагменты которого ты наблюдаешь со стороны, словно зритель, и наблюдая, удивляешься своему хладнокровию, будто происходящее не имеет к тебе никакого отношения, и вообще, ты не герой этого фильма. Время потому лечит раны, что за разные отрезки жизни и на каком-то определенном этапе возраста веревка раздумий и мыслей обрывается. К примеру, человек двадцати пяти-тридцати лет, перейдя семидесятилетний возраст, смотрит на происходящее вокруг совершенно другими глазами, и потом, пока ступаешь от юности, молодости до старости, веревка мыслей и раздумий обрывается несколько раз. Некоторые не чувствуют этот обрыв, эти изменения и обороты, но если бы все понимали внутренние и внешние изменения, то какая бы разница была между горячим и холодным, черным и белым? За одну жизнь человек проживает несколько жизней. Момент или моменты поворота и обрыва каждого человека могут наступать в различные времена. Ведь у каждого есть своя душа... Если не так, то зачем пережитое не мучало или радовало старика? И на смерть сына он смотрел естественно. Он был способен посадить на место тех, кто считал его черствым и безумным. Конечно же, если был бы настроен спорить. Но после всего этого он никому ничего не собирался доказывать и объяснять. При разлуке жизнь становится тайной и бесцветной. Хочешь не хочешь, со временем он жил

жизнью отшельника. Такая жизнь и эта доля имела присущие ей оттенки и преимущества. Как минимум, не нужно было никому объяснять и отчитываться за приходящие в голову безумные мысли. А еще одиночество возвышает человека над другими, только одинокие, живущие лучезарной жизнью, в итоге смотрят на окружающих сверху. Недаром священные люди уединялись в леса, горы, пещеры. Среди общества можно быть похожим только на общество. На кого же или на что старик был похож сейчас?.. Днем в зеркало он смотрел изредка, случайно касаясь взглядом. Когда у него было хорошее настроение, стоя перед зеркалом, он моргал своими веками без ресниц и, взглянув на свое морщинистое лицо и худые, как «спички», ноги, улыбался. Ему хотелось взять альбом и рассматривать свои фотографии в молодости. Иногда он так и делал. Эти фотографии не согревали его душу и тело и не напоминали ему ничего, как будто он смотрел на совершенно незнакомые, не касающиеся его фотографии. Но при внезапных и неожиданных сердечных приступах он всегда вспоминал свое детство, каждый раз перед глазами вставала одна и та же сцена.

«Зачем ты плачешь, малыш?» – горячая волна прошла через его лысину, словно та же, как много лет назад, теплая рука гладила его мягкие, шелковистые волосы.

«Я боюсь...» – сказал он, шмыгнув носом.

«Боишься чего?»

«Умереть...»

И вместо ответа скорчившийся от боли в сердце старик слышал хрупкий, нежный смех. Не было никаких сомнений в вечности этого голоса, он ясно слышал доносящийся до него смех из детства. И больше ничего не казалось ему таким родным. Если даже он вспоминал отдельные фрагменты, остальное стало чуждым...

А сейчас он не боялся смерти, он вспоминал, как в детстве боялся умереть, сейчас это казалось ему смешным. Он где-то вычитал, что со старостью человек хватается за жизнь четырьмя руками и больше боится смерти. Что касалось его, он был совершенно противоположного мнения. С возрастом человек еще больше бывает готов к смерти и принимает эту мысль с легкостью, так как старость – это подготовка к смерти, к другому миру. Наступает такой момент жизни, что граница, разделяющая два мира, стирается. В этот миг тихая смерть и спокойный конец кажутся человеку такими сладкими, и бесконечное спокойствие захватывает его в свои объятия. На последующие события ты поистине будешь смотреть свысока, у тебя не будет ничего болеть, радость и счастье будут тебе безразличны, и ты и вправду будешь стойким. Даже если ветер, дождь, тепло и холод поменяют цвет земли, они не смогут затронуть тебя. Оказывается, смерть делает человека могущественным, и не стоило бояться, шарахаться и ужасаться, ступая по границе двух миров. В конце становишься сонным, так же, как и в начале тебя не ставят в известность. Человек со временем удаляется, так как круг начинает замыкаться. Конечная точка является и началом, и концом...

Если б он был помоложе, мог бы переписать все свои длительные размышления на бумагу. Значит, не судьба. Когда-нибудь кто-то напишет его размышления. Когда настанет время...

А пока он жил... Наверное, какие-то его дела оставались незавершенными. Может, будет видно, когда наступит весна и станет тепло? Думать о смерти и понапрасну утруждать свой мозг – склеротично. Конец наступит в свое время и не будет спрашивать разрешения.

А пока он ждал и жил. А может, и наоборот – жил и ждал...

ДИНАРА КАРАКМАЗЛИ

ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА АРАЗА

Эссе

Зиудзудду – у шумеров, Ной – в еврейской легенде, Девкалион – у греков, Нух – у азербайджанцев... Под такими именами известен праведник, спасшийся от всемирного потопа. Легенда у всех народов одна и та же, просто отличается какими-то мелкими штрихами. Она отличается лишь легкими вариациями.

Одна из наиболее древних – шумерийская. В Ветхий завет она вошла как легенда о Ное, позднее эта же легенда упоминается в Коране, но зовут его уже Нух.

Легенда гласит, что божественные силы решают истребить человеческий род посредством Великого потопа. Тайное решение открывает человеку Бог, который велит ему построить большое судно, чтобы спастись в нем самому и спасти всякое «семя жизни». Избранник бога – Ной, в десятом колене являющийся потомком Адама, строит огромное судно, осмаливает его древесной и горной смолой, чтобы сделать его непроницаемым для воды, сажает в ковчег свою семью и «всякой твари по паре». От потопа, вызванного продолжающимся ливнем, гибнет все человечество, за исключением Ноя и его семьи. Чтобы узнать, не идет ли потоп на убыль, Ной выпускает голубя. Через некоторое время голубь, не найдя нигде места, где можно было бы присесть, возвращается в ковчег. Через семь дней Ной вновь выпускает птицу. Во второй раз на лапках птицы обнаруживается земля. И наконец, в третий раз птица не возвращается. И тогда Ной понимает, что потоп идет на спад и где-то близко есть земля. Ковчег пристает к горе. Ной приносит на вершине горы благодарственную жертву за свое спасение. Боги вдыхают аромат жертвы, и гнев их сменяется.

Сказания о великих потопах распространены среди различных народов мира. Как считает английский ученый Джеймс Джордж Фрэйзер, сходства, существующие между этими легендами, отчасти является результатом заимствований одним народом у другого, а отчасти следствием совпадающих, но вполне самостоятельных наблюдений за великими наводнениями в различных местах земного шара, вызывающими представления о всемирном потопе. Таким образом, изучение этих легенд, может оказаться полезным в смягчении спора о том, кому принадлежит пальма первенства в маршруте Ноева ковчега. Фрэйзер в книге «Фольклор в Ветхом завете», проанализировав сходства и различия этих легенд, выразил надежду, что в этом споре, как и во многих других, истина оказывается не на чьей-то стороне, а где-то посередине. Он изложил в своей книге сказания самых разных этносов о Великом потопе. Некоторые из них довольно самобытны по своему происхождению.

По словам Фрэйзера, «имеются все основания предполагать, что многие предания о потопе, рассеянные по всему миру, обусловлены воспоминаниями о действительно происшедших катастрофах. С другой стороны, везде, где предания описывают грандиозные изменения поверхности земного шара, в различные геологические эпохи, мы имеем перед собой не записи современников – очевидцев, а умозаключения мыслителей поздних времен. По сравнению с созданными природой величественными чертами земного лика, человек есть создание вчерашнего дня и его воспоминания не идут далее сновидений минувшей ночи.

И, что интересно, почти во всех странах, где живут эти предания, есть могила Ноя. Есть своя версия легенды о Ноевом ковчеге и в Азербайджане. Экспедиция азербайджанских археологов выявила немало подробностей этих преданий.

Река Араз течет из рая

О том, что Золотая долина Араза имеет отношение к Ноеву ковчегу знают и ученые, и местные жители, хранящие легенды предков о всемирном потопе. О маршруте Ноева ковчега, пролегающего через Золотую долину Араза, незадолго до своей смерти поведал известный археолог, профессор Рашид Геюшев. По его мнению, вряд ли есть в истории письменности другой такой памятник, о котором бы столько писали, спорили, как Библия. Многие поколения ученых разных специальностей бились над разрешением проблемы происхождения мифов, вошедших в Ветхий и Новый заветы.

Плывущая ладья на Гямигая – это Ноев ковчег

По версии Рашида Геюшева, из Рая текут четыре реки для орошения сада. Почти все исследователи-христиановеды сходятся в мнении о том, что одна из них – это река Фаз, которая в дальнейшем получила название Араз. По словам ученого, по библейскому сказанию, в долине Араза имеются залежи золота и других драгоценных ископаемых, которые, видимо, и предопределили ее название – Золотая долина. И что весьма интересно, по данным библейской географии, всемирный потоп и маршрут Ноева ковчега также имеют отношение к долине реки Араз и ряду топонимических названий географических пунктов, которые расположены в этой долине. Местное население хранит многочисленные мифы и легенды, связанные с всемирным потопом и Ноевым ковчегом. К примеру, Гямигая в районе Ордубада, как считают местные жители, названа так в честь Ноева ковчега. Чуть дальше, в Джульфинском районе, есть гора Хачадаг. По существующей легенде, Ноев ковчег ударился здесь о гору и расколол ее, а сам ковчег, цел и невредим, благополучно продолжил плавание.

В Нахчыване есть местность, которую здешнее население называет Нухи даван (могила Ноя). Далее, на территории Турции, у подножья горы Агрыдаг имеется селение Ной. Таким образом, складывается единая цепь топонимических названий в долине Араза, которая связана с событиями всемирного потопы.

Примечателен и тот факт, что исследователи Библии располагают земной рай между современным Анадолю (Турция) и Ираком, то есть по верхнему течению реки Араз. Азербайджанские археологи, открывшие в свое время наскальные изображения Гямигая, на которых нашими пращурами изображена плывущая ладья, считают, что это и был Ноев ковчег.

Богословы толкуют легенду о Ное, как своеобразное предупреждение человеку, чтобы он вел себя хорошо. Не забывал Бога, не отступал с пути истинного, ценил природу... Если люди впадают в грех алчности и распутства, на них может обрушиться гнев богов. Существует еще одна легенда, в которой говорится, что потоп произошел от встречи мужских вод, падающих с неба, с женскими водами, поднимающимися от земли. Для стока верхних вод, Бог сделал в небе два отверстия, сдвинув с места две звезды из созвездия Плеяды; а для того, чтобы впоследствии приостановить потоки дождя, Бог заткнул отверстия парой звезд из созвездия Медведицы. Вот почему Медведица до сих пор гонится за Плеядами... Она требует назад своих детей. Конечно, человеку удобно думать, что Медведице не догнать Плеяду во веки веков. Но... Когда видишь, как изменился человек, испорченный ложью, взятками, алчностью, то невольно охватывает страх... А вдруг чаша терпения Бога переполнится?...

Ветер

Мы не видим ветра,
но ощущаем
его разрушительную силу.
Он гнет молодые деревца,
срывает листья,
уносит в небеса кепки, шляпы, шали...
Оповещает людей:
осень пришла!..
А мне уже нет дела до осени –
иду по аллее,
усыпанной кленовыми листьями,
и мерещится мне,
что это чьи-то озябшие души...
Очертания этих листьев
в виде сердец –
идти по ним не по себе...
Подгоняет в спину свирепый ветер,
лицо которого я не вижу,
но ощущаю его разрушительную силу.
И твердят мне погибшие листья:
всё на этом свете –
лишь дуновение ветра....

Быстротечно....

Как дикие звери
заматают следы,
вползая в свои берлоги –
вот так же и я,
иду по жизни тихо-тихо,
почти крадучись,
чтобы судьба не заметила...
Минуя освещенную полосу жизни,
вхожу под тенистую кровлю
своей стоянки,
откуда просматривается путь
в мирозданье.
Когда тебе уже нечего предложить обществу,
остается одно –
сохранить себя до Судного дня.
И то, что мир
в русле быстротечного времени
громогласно сходит с ума,
не причина отказа
от милого занятия
своего личного бытия:
вращивать на песчаной земле цветы
и кормить с руки птиц...

ФУАД ВЕЛИЕВ

СТРОКИ ИЗ ДНЕВНИКА

(Авторский перевод с азербайджанского*)

Книги, которыми мы зачитывались в юности, наши старые друзья. Спустя годы, в преддверии старости, вновь перелистывая эти книги, нам хочется снова пережить те же чувства, которые испытали при нашем первом знакомстве. Но, увы, не всегда это получается. Жизнь, прожитая, значительно меняет нас, и случается, что мы не можем заново насладиться чувствами, пережитыми в далеком прошлом. Подчеркнутые когда-то мысли иногда кажутся нам наивными, а иногда и вовсе чуждыми. Но есть книги, дружба с которыми со временем сохраняет свою свежесть.

Однажды, просматривая свой книжный архив, я наткнулся на одну, весьма пожелтевшую, тонкую книжечку. Жюль Ренар, Дневник, Молодежное Издательство, 1984... Мой старый друг, приветствую тебя! Когда-то, много лет тому назад, ты очень понравился мне... Я перечитывал твои строки, подчеркивая понравившиеся мысли... Мой друг, ты не изменился, а как насчет меня? Перечитывая тебя сейчас, в почтенном возрасте, захотел бы я снова подчеркнуть те же мысли?

Например, «Попытка почистить Авгиевы конюшни зубной щеткой», «Талант-это что-то вроде денег, вам не нужно иметь его, чтобы говорить о нем», «Есть друг, нет настоящего друга», «Кто такой критик? Читатель, обижающий писателя», «Не нужно говорить всю правду, важно говорить только саму правду», «Птица не чувствует боли, когда ей вырезают крылья, но после этого она не может летать», «Держитесь на расстоянии от меня, чтобы я мог уважать вас», «В любой момент я гасну, а затем снова зажигаюсь. В моем сердце куча сгоревших спичек», «Во время спектакля одна женщина заснула, есть же на свете еще честные женщины» и т.д.

Эти строки вновь показались мне интересными, и кроме того, я дополнительно обнаружил мысли, которые только сейчас стали понятными. Это означает, что наша дружба продолжается. Жюль Ренар, ты меня заинтриговал. Просматривая свой дневник, я тоже загорелся идеей выписать некоторые мысли, которые могут быть интересными и для других.

Итак, **Строки из Дневника...**

*

Призрак в короне. Более двух лет по миру бродил Призрак – Covid 19-й... Еще одно предупреждение Человеку, анонс нового этапа истории человечества... Человек на перепутье. *Придется делать выбор!*

*

Не только физическая, но и духовная энтропия мира экспоненциально растет... Ящик Пандоры открыт, и из него вылезло все Зло, и очень трудно снова вернуть его и запереть.

*

Любить труднее, чем ненавидеть. Вот почему любви между людьми так мало, а ненависти столь много.

*Fuad Vəliyev, Gündəlikdən sətirələr, «Azərbaycan» jurnalı, 2023, № 9, 11

*

Пиррова победа. Человек, обращается с природой как агрессор и добился при этом «великих побед»... Однако, расплата налицо – глобальный экоэнергетический и духовный кризис, в котором мы пребываем...

*

«Человек-хозяин Природы». Этот самый хозяин, возгордившись своей наукой, нарушил божественное равновесие в экосистеме, гармонию в природе, создал с помощью генетических манипуляций новые виды растений, животных, бактерий, осуществил клонирование, изобрел атомно-ядерные бомбы, химическое, биологическое оружие, способные уничтожить жизнь в одно мгновение, и превратил планету Земля в грандиозную свалку...

*

Двуликий Янус: человек, который служа дьяволу, просит помощи у Бога...

*

Вожделение (Nafs,az.). Возможно ли такое, чтобы люди подавляя искушения отказались от расточительности в расходе энергии, одежде, еде, от излишеств, роскоши в образе жизни, от чрезмерных развлечений, вожделений?!

Увы... Человек стал беспомощным рабом перед своим собственным Нафс-ом...

*

Обезьяна и апельсин. В некоторых азиатских странах используют очень простой метод для охоты на обезьян. Коробка с фруктом, например, с апельсином внутри, крепится к дереву в лесу. В коробке делается прорезь размером с ладонь обезьяны. Обезьяна чует фрукт, просовывает руку в коробку через эту щель, берет апельсин, однако вытащить руку из коробки уже не может – ладонь выросла. Она видит, что люди идут, наверно понимает, что ее поймают, могут убить. Чтобы спастись она должна сделать только одно – отпустить апельсин и убежать. Однако даже под страхом смерти она не отпускает этот злополучный апельсин...

Человечество, точно так же как эта обезьяна, будучи жертвой своих неумных вожделений, обрекает себя на гибель. Однако, чтобы выжить, придется все-таки отпустить этот самый «апельсин». Иначе...

*

Надо строить новый Ноев Ковчег... В Антарктиде, в Арктике ледники катастрофически тают...

*

Наблюдая «атомный гриб», образовавшийся при первом взрыве атомной бомбы, один из создателей этой бомбы, великий Энрико Ферми, воскликнул с огромным воодушевлением: *ах какая прекрасная физика!*

Вот эта «прекрасная физика» в одно мгновение превратила в пепел 200 тысяч мирных людей в Хиросиме и Нагасаки...

*

Поскольку правда часто бывает горькой, люди обычно проглатывают ее в капсуле лжи.

*

Космический корабль «Земля» уже миллиарды лет находится в величественном движении вокруг Солнца и совместно с Солнцем в бесконечной Вселенной...

Если жестокость, изуверство Человека по отношению к Природе не приостановить, то, в ближайшем будущем, космическое путешествие «Земли» продолжится уже без пассажиров...

*

Холизм (Wholeism). Человек и Природа – это одна единая система – уничтожая живые существа, растения, природу, мы фактически уничтожаем себя.

*

Абсурд. Ежегодные суммарные военные расходы во всем мире составляют около 2 триллионов долларов. То есть почти 4 миллиона долларов за 1 минуту!... Дьявол в своем амплуа...

*

Две бесконечности. «Две вещи бесконечны в этом мире – человеческая глупость и Вселенная. Впрочем, я не совсем уверен насчет второй», А.Эйнштейн.

*

Перед каждой вестью обязательно приходит предвестье.... Достаточно, чтобы вы его услышали, почувствовали и вовремя сделали выводы.

*

Предвестье. «Мы, род человеческий, теперь внезапно почувствовали, что серьезно больны, и нам нужно подумать о лечении, чтобы избежать гибели. Уже звенят колокола тревожно, и у человечества осталось не так уж много времени, чтобы решить существующие проблемы. Лет пятьдесят...». Петр Капица, лауреат Нобелевской премии по физике.

P.S. Это было сказано пятьдесят лет тому назад...

*

Источником всех противостояний на Земле – от бытовых ссор до больших войн – в конечном итоге является недоразумение.

*

Если бы каждый обитатель Земли транжирил столько же материальных благ, сколько среднестатистический житель Катара, то наша планета была бы слишком мала для человечества – она, как минимум, должна была быть в 7 раз больше. Так почему же этот самый катарский мусульманин не следует аяту Корана, который он читает на своем же родном языке?! *«Ешьте, пейте, но не излишествуйте! Воистину, Аллах не любит излишествующих».* (7- 31).

*

Античная мудрость. Еще в древнем мире Аристотель выступил с таким проклятием: «Пусть дети наших врагов растут в роскоши!»

*

Человеческая комедия. Человек, наш современник, очень даже похож на балзаковского Рафаэля, обладателя волшебной шагреновой кожи...

*

21-й год XXI века... Нет более человека, возгордившегося своей могучей наукой, технологиями, безграничными познавательными возможностями, считающего себя хозяином природы. Есть существо, маленькое, жалкое, растерянное перед силами природы, перед божественной волей, беспомощное даже перед невидимым вирусом в наноразмерах...

*

Вавилонская башня. Нынешнее состояние человечества весьма напоминает историю строительства Вавилонской башни. Люди, возгордившись своими научными достижениями, нарушили божественное равновесие в мире, гармонию в природе, действуя как владыки мироздания. Наконец, в XXI веке, оказавшись в «горе от ума», они осознали необходимость достижения согласия. Однако, к сожалению, это пока не получается... Люди не только говорят на разных языках, но, самое главное, не могут понять друг друга из-за разных убеждений, враждебных друг другу мировоззрений...

Вавилонская башня вновь, видимо, окажется незавершенной...

*

Единение противоположностей. За линией абсурда все отождествляется – добро и зло, любовь и ненависть, свет и тьма...

*

Безнравственная Наука. Наука не только может дарить человечеству счастье, благополучие, но при отсутствии нравственного обеспечения может привести и к глобальной катастрофе, поставить под сомнение само существование человечества в целом.

Наука без нравственного обеспечения подобна быстро движущемуся автомобилю с неисправными тормозами. В этом случае водителя – Человека ждет довольно драматичная судьба...

*

Говорят, из-за сокращения промышленных выбросов в период Covid пандемии, вонючие сточные воды венецианских каналов самоочистились, и даже рыба начала появляться...

Значит, Природа все еще может восстановить себя – если только человек соизволит...

*

В Бразилии тропические леса беспощадно вырубаются.

Что-то трудно мне стало дышать...

*

Каждый день сотни людей погибают в горячих точках по всему миру. Прimitивный терроризм постепенно сменяется «интеллектуально-государственным» терроризмом, вооруженным современными научно-техническими средствами, и кто может гарантировать, что однажды все человечество не станет его заложником.

Духовная энтропия мира ускоренно растет...

*

Господи, укажи мне четвертое измерение – так и хочется сбежать, спастись от этого сумасбродного мира...

*

Наука достигла такой степени сложности, что даже ученые сами не могут осознать полностью свои же научные результаты...

«Тот, кто говорит, что он понял квантовую теорию, он не понял эту теорию».
Ричард Фейнман, один из создателей квантовой электродинамики.

*

За последние сто лет в фундаментальной науке было сделано множество революционных открытий. Тем не менее, мы не можем утверждать, что физическая картина мира сегодня более очевидна, прозрачна, чем это было сто лет назад.

Перед лицом абсолютной истины мы, люди, как были, так и остались невеждами...

*

Канонизированные преступления. Под лозунгом «*Этого требуют высшие интересы государства!*» сколько было совершено в истории преступлений... ..Султан Мехмед III, едва вступив на престол, велел умертвить 19 своих братьев, включая младенцев, за одну ночь... и верх цинизма – на следующий день он устроил для «любимых» братьев пышные похороны...

...Во время испытания первой советской атомной бомбы в 1954-ом году, по приказу маршала Жукова на Тоцком полигоне были размещены 45 тысяч солдат. Целью было изучение воздействия радиации, ударной волны на живых людей при ядерном взрыве...

...Взрыв в Чернобыле произошел 26 апреля 86-го года. А 1-го мая, в самый разгар интенсивности радиации, в Киеве состоялся многолюдный праздничный парад. Как ни в чем не бывало...

...Во Вьетнаме погибло 50 тысяч американских солдат, а в Афганистане-15 тысяч советских. Как жертвы доктрин...

И так далее, по сей день...

*

Катарсис. В реальной жизни, это состояние духовного очищения, возвышения, как отдельных людей, так и общества, нации в целом, вследствие пережитых страданий и моральных потрясений. Но для того, чтобы эффект катарсиса состоялся, существует одно императивное требование – необходимо, чтобы человек или общество осознали и искренне признали свою собственную вину в возникновении страданий, бед которым они подверглись.

Если нет исповеди, нет покаяния – не будет и катарсиса, и новые страдания, бедствия станут неизбежными.

*

Классификация Паскаля. Согласно Блезу Паскалю, есть три категории людей:

– некоторые из людей имеют Бога и служат ему. *Они умны и счастливы.*

– другие далеки от Бога и даже не ищут его. *Они глупы и несчастны.*

– третьи не имеют Бога, но они ищут его. *Они умны, но пока несчастны.*

*

Число Авогадро. 1 грамм-моль водорода (2 грамма) содержит $6,022 \cdot 10^{23}$ молекул. Если равномерно разбросить такое количество песчинок по всей поверхности Земли, то образуется слой высотой около 1 метра...

Тут уж, хочется вскрикнуть, WOW!

*

Количество молекул в одной капле воды больше, чем количество капель в Каспийском море... *WOW!*

*

Доля жизни. Все живое и неживое в этом мире обречено на смерть, и после определенного возрастного предела все и вся заканчивает свою жизнь. Элементарные частицы – не исключение. Среди них есть долгожители, а также те, кто живет только мгновением жизни... Например, предел существования протона составляет 1030 лет, то есть практически – вечность. А время жизни частиц, называемых резонансами, составляет порядка 10-23 секунды – одна секунда деленная на 100 миллионов миллиардов миллиардов!... *WOW!*

*

Мудрость и благочестие. Надпись на гербе Абердинского университета и надгробном памятнике Максвеллу гласит: «*INTIUM SAPIENTIE TIMOR DOMINI*», т.е. *страх Божий – начало мудрости.*

Как созвучна эта мудрая фраза со словом, сказанным нашим Пророком еще 14 веков назад: «*Главное положение мудрости это страх перед Богом*».

*

Темное мироздание. Современная физика, с некоторым разочарованием, пришла к выводу, что известные нам фундаментальные физические законы можно отнести к материальному миру, который охватывает лишь 5% Вселенной. А остальные 95% Вселенной, существующие вне нашего познания, где господствуют фундаментальные законы, о которых мы абсолютно ничего не ведаем, состоят из *Темной Энергии и Темной Материи.* Воистину, *божественная мудрость безгранична и бесконечна...*

*

Антропный принцип. Главный вывод современных научных исследований состоит в том, что все фундаментальные физические, химические, биологические параметры, закономерности в природе, законы сохранения, мировые константы, будучи в синергетической согласованности, были изначально нацелены на зарождение жизни, живых существ, и наконец, на появление Человека на Земле.

*

Риторический вопрос атеисту. Существование Вселенной и Жизни базируется на величественных физических законах.

Неужто эти основополагающие парадигмы породили сами себя?!

*

Голем. Существует легенда о том, что в средние века священник по имени Йехуда Лёв бен Бецалель создал огромное человекоподобное существо по имени Голем и оживил его. Однако, не имея необходимых инструкций по духовности, Голем после обретения полной свободы, превращается в необузданное разрушительное существо, в результате чего бен Бецалель вынужден был уничтожить собственное же создание.

Трагическим фактом является то, что уничтожение големов, созданных в настоящее время, является чрезвычайно трудной задачей, поскольку они уже вышли из подчинения и действуют вопреки воле их создателей.

*

Основа поклонения. Первый ниспосланный аят Корана (Сура «Алак»,1) начинается с приказа: *«Читай! Читай во имя Бога-Творца!»* Это означает, что чтение, овладение наукой, знаниями, поминание Творца посредством науки является основополагающим повелением в Исламе.

*

Следуя заповедям Корана, а также многочисленным высказываниям Пророка с призывами к учению, исламское сообщество в свое время (до 15-го века) являлось центром научного мира.

В настоящее же время перед нами печальный факт: только около 1% научных публикаций в мире принадлежат мусульманским ученым.

Риторический вопрос: В чем же причина этой постыдной рецессии?!

*

Жизнь не так сложна, как мы о ней думаем – она намного сложнее!

*

Лучше сделать одно, пусть маленькое, но доброе дело, чем впустую бесконечно проклинать зло.

По словам Конфуция, лучше зажечь свечу, чем проклинать тьму.

*

Жестокая казнь: убийство времени...

*

Я боюсь Бога, но и безбожника тоже...

*

Нет смысла впадать в ностальгию и возвращаться в прошлое – *там тебя, увы, никто уже не ждет...*

*

Несчастливая Поэзия осталась в стороне, никто ею не занимается – *все занимаются стихотворством...*

*

Один знакомый спросил меня: «Что такое энтропия?» Ответил я: «Энтропия это мера беспорядка». «А я и не знал, – сказал он. – Оказывается, у меня высокая энтропия, пойду-ка, попробую снизить ее...»

*

Рост физической энтропии окружающей среды и рост духовной энтропии человечества – два взаимодействующих, разрушительных процесса...Однако, в действительности, духовная энтропия растет более ускоренно. *Это значит, что духовная гибель человечества произойдет раньше физической.*

*

Знамение. Я, как и Эдисон, наблюдая траву, прорывающуюся сквозь асфальт, преклонялся бы со смирением перед Творцом, даже если бы не было бесконечное количество других знамений.

*

В отличие от языка, глаза не способны лгать...

*

Самоотрицание. Бабочка посмотрела на гусеницу и сказала: Фу, какая мерзость!...

*

Человеческая наука не абсолютна. Она относительна, раскрывает не сущность, а проявления сущности. *Сущность же принадлежит Ему!*

*

Инвариантность. Пресноводные реки впадают в море уже миллионы лет, а море – как было соленым, так и остается...

*

Полуправда более коварна, чем ложь...

*

В беседе с одной достопочтенной дамой я сказал: А вы знаете, теперь мы с вами движемся, вместе с Землей, вокруг Солнца со средней скоростью 30 км в секунду.

Она удивилась: Неужто?! Мы ведь с вами как сидели, так и сидим, без движения.

Между прочим, в некотором смысле, она была права...

*

Не так громко, дружище, я не слышу твои мысли!

*

О как прекрасны вы были, ханым, ну зачем вам надо было высказываться...

*

О предках. Я никогда не спорю с атеистами. Когда они говорят, что человек произошел от обезьяны, я вроде бы соглашаясь с ними, говорю: *Каждый из нас хорошо знает своего предка...*

*

Синергия. В синергетическом состоянии любая сложная система (физическая, биологическая, социальная и т. д.) больше чем сумма ее составляющих.

В случае синергии 2+2 – это больше чем 4.

В случае синергии происходит нелинейное усиление, возвышение.

Там, где есть синергия, есть творчество. Общество становится здоровым, созидательным, если есть синергия.

Большие страсти, шедевры искусства, литературы, великие научные открытия – это синергетические явления.

Истории большой любви (Лейли-Меджнун, Ромео-Джульетта и т.д.), по сути, являются событиями синергетическими...

*

Придется занять рубанок, вокруг столько людей, нуждающихся в тщательном строгании...

*

Из мира бизнеса: Некто продал совесть и разбогател...

*

Искренний друг... Я рассказал другу своему о своем большом успехе. Он поздравил, с блуждающим взглядом, немного даже покраснев...

*

Сингулярность. Пророк наш сказал: «Божественная наука сосредоточена в одной единственной точке, это люди, будучи невежественными, раздули эту точку». Только спустя 14 веков стало понятно истинное научное значение этой замечательной мысли. «Каждый шаг в изучении природы – это всего лишь приближение к истине. Наше ограниченное сознание для удобства разделил мир на физику, биологию, геологию, астрономию, психологию и т.д., но природа, по сути, не признает никакого разделения». Ричард Фейнман, нобелевский лауреат.

*

Надейся на помощь окружающих тебя людей, особенно друзей, но при этом имей в виду – ты получишь ровно столько, сколько они захотят тебе дать, а не столько, сколько они способны тебе дать.

*

Абсурд: полностью здоровый человек в больном обществе...

*

Лицемерие: разница между тем, что мы говорим, и тем, что мы думаем при этом...

*

Формула: Мудрость = Интеллект + Проницательность – Высокомерие

*

«То, что является истинно национальным, является одновременно интернациональным». Ну и что же, что это сказал Энгельс. Правильно ведь сказал...

*

Детерминированный мир. В этом мире нет никакой случайности. То, что мы называем случайностью, это неосознанная необходимость.

*

В один прекрасный день, в некотором царстве, в некотором государстве родилась Ложь... Собрались всем миром и назвали ее Правдой...

*

Даже в конце бессмысленно прожитой жизни неизменно приходит весьма осмысленная смерть.

*

Риторический вопрос. Может ли раб Божий быть рабом человека?!

*

Если бы мы знали, что такое жизнь, мы бы знали наверняка, что такое смерть.

*

Жизненные проблемы следует разделить на две части: те, решения которых зависят, хоть в какой-то мере, от нас, и те, которые никак не зависят от нашего волеизъявления. *Думая о последних, друг мой, не терзай себя...*

*

Опасный субъект – человек, чья совесть дала трещину...

*

Загрязненный мир. Большая часть людей приходит в этот мир чистыми, но уходит в мир иной грязными.

*

Еще не поздно... Врата покаяния еще открыты, но не медли... Они могут хлопнуться перед тобой в любой момент...

*

Время и эпоха. Только по прошествии времени можно оценить эпоху. И то, в сравнении...

*

От знания к незнанию. По мере того, как наши знания увеличиваются, растет и наше незнание, другими словами, по мере того, как наука развивается, мы чувствуем себя все более невежественными. *«Мы никогда не должны забывать, что в процессе познания решив определенную проблему, мы сразу-же обнаруживаем перед собой, новую, более сложную проблему».* Луи де Бройль (Louis de Broglie), нобелевский лауреат, один из создателей квантовой физики.

*

Нравственное фиаско – осознание, к концу жизни, пагубности нравственного принципа, которого ты пронес через всю сознательную жизнь, невзирая на все тяжкие испытания...

Яркий тому пример – романтические коммунисты (Нариман Нариманов, Назым Хикмет).

*

Исторический симптом болезни обществ: «Мудрецы на земле страданий, а глупцы в почете» (М.П.Вагиф).

*

Эдвард Юнг говорит, что астроном, который видит космическое величие и при этом не верит в Бога, безумец. Гершель же высказывается еще более конкретно: *«Астроном, который не верит в Бога, сумасшедший».* В целом же, мне представляется, что неверующий не безумец и не сумасшедший, а просто невежда, хотя может быть и в сане ученого.

*

Императив справедливого общества: «Тот, кто пользуется своим правом, тот не нарушает чье-либо право» – принцип римского права.

*

Закономерность: результат, полученный однажды в эксперименте, может не получиться повторно. Но, результат полученный дважды, скорее всего, будет получен и в третий раз.

*

Бессмертие. Анна Ахматова права: «Нет смертных людей, с Божьей точки зрения».

*

Гордость некоторых людей прямо пропорциональна объему их кошелька. Когда денег много – то и гордость велика, когда их мало – то и гордости маловато, а когда их нет – то гордости, как и не бывало!

*

Объявление: Гомо Сапиенс потерял совесть. Нашедших просим...

*

У некоторых людей совесть днем засыпает, а ночью бодрствует.

*

Излишняя доброта может стать бременем... Не перегружайте слишком человека, которому вы делаете добро! А вдруг не потянет, надорвется...

Если вы оказали неблагородному человеку большую услугу, будьте осторожны, он может впоследствии и возненавидеть вас...

В «Жане Кристофе» Романа Роллана я натолкнулся на одну сокрушительную мысль: «...осознание того, что они обязаны кому-то другому своим счастьем, – невыносимое страдание для людей. Они никогда не прощают того, кто преподнес им этот оскорбительный дар».

*

Демократия и драконы. Власть одного человека называется диктатурой, власть толпы – охлократией, а власть народа – демократией.

Демократия – это такая река, на берега которой невозможно выбраться – на одном берегу стоит дракон по имени Диктатура, а на другом дракон по имени Охлократия...

*

Закулисная ложь. В жизни нет абсолютной истины. В каждой истине есть, пусть и незначительная, но доля лжи.

Часто за завесой правды скрывается чудовищная ложь...

*

Кривизна реальности. В реальной жизни нет дорог прямых – все пути кривые...

*

Субъективность мировоззрения. Сколько людей в мире, столько и точек зрения на этот мир.

*

Нет человека абсолютно искреннего, есть человек, который хочет казаться искренним...

*

Друг – это дар судьбы. Уникальный и в единственном числе... Если у тебя много друзей, то вряд ли у тебя есть Друг.

*

Психология толпы: толпа похожа на женщину – она больше ориентирована на эмоции и любит тех, кто соблазняет ее сладкими обещаниями...

*

Только гении и дилетанты способны сразу, без подготовки рассуждать на любую тему.

*

Наука не доказывает существование Бога, она лишь указывает на его существование. Доказательство существования Бога – это, своего рода, неверие. Как сказал Цицерон: «Предпринять попытку, чтобы доказать истину, означает не верить в нее».

*

В маскараде под названием «Жизнь» Зло часто носит маску Добра.

*

Агностицизм. Несмотря на грандиозные научные открытия, мы на самом деле очень мало знаем о сущности мироздания. Как сказал Гамлет: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Ибн-Сина: «Я с моей наукой даже волос разрезал вдоль, но так и не познал этот мир, даже в объеме одной волосинки».

*

Абсурдная фраза: «очень честный человек». Честь – субстанция неделимая и неаддитивная. Она не бывает большой или малой. Она либо есть, либо нет...

*

Поскольку голая Истина часто вызывает чувство стыда, ее сначала прикрывают, приукрашивают, придавая ей благопристойный вид.

*

Бескорыстие – это императив дружбы. В настоящей дружбе расчетная книжка не ведется!

*

О, Фемида, с завязанными глазами! Сними, наконец, повязку с глаз...Погляди, Весы твои изначально не уравновешены...

*

Человеческая жизнь похожа на детективный роман. Читать его во второй раз – прожить жизнь повторно было бы весьма неинтересно...

*

Сибирь, Тайшет, Ухта, Юг. Могила Джавида эфенди за № 59, на 40-тысячном кладбище... Он и прожил в этом мире всего 59 лет... Одного только Джавида достаточно, чтобы проклинать сталинизм...

*

Поздно! Если ваш друг явился к вам и стал просить о помощи, значит, вы уже опоздали...

*

Мудрость: быть сдержанным в состоянии гнева...

*

Тайные творцы истории. Согласно Публию Сиру умная женщина управляет мужем, подчиняясь ему. Миром правят мужчины, но они же очень часто управляются женщинами... Роксолана, дочь украинского православного священника, как любимая жена султана Сулеймана, привела к началу падения могущественной Османской империи.

Одна женщина смогла сделать то, чего не смогли армии крестоносцев...

*

Неблагонадежный собеседник. Когда вам приходится говорить с самим собой, будьте осторожны, ваш собеседник может обмануть вас...

*

Сиамские близнецы. Наслаждение и страдание сопутствуют нам неразлучно в этом тленном мире...

*

Философия жизни. Жить и созидать, учиться и учить, любить и быть любимым...

*

Добрый совет. Мой друг, избегай шуток в разговоре с невежественным человеком, если не хочешь быть оскорбленным в конце.

*

Античная мудрость. Диоген Лаэртский пишет, что некто, разговорившись в присутствии Аристотеля, наконец, спрашивает его: «Я вас не утомил?»
«Нет, – отвечает Аристотель. – Говори, я не слушаю...»

*

Путь из всех точек мира в мир иной одинаков. Это сказал Анаксагор.
Еще 2500 лет тому назад...

*

Сон – это имитация смерти, которую мы проводим каждую ночь на протяжении всей жизни...

*

Иногда молчание имеет больше смысла, чем речь. Иногда же молчание – вопиющий крик...

Молчание в нужный момент – это шанс для благоразумных!

*

Прошение. Родные мои, ну что вам стоит, дайте мне, пожалуйста, кусочек радости. *Нуждаюсь...*

*

Противопоказание. Тому, кто является рабом духовно, свобода принесет только страдание...

*

Метаморфоза. Друг мой, вчера я знал тебя больше, чем сегодня...

*

Атеистическая вера. Фактически, даже атеисты в некотором смысле верят в Бога. Просто они дали Богу другое имя – Природа (законы Природы, чудеса Природы, дары Природы и т.д.).

*

По словам Нильса Бора, «мы все одновременно и актеры, и зрители драмы жизни». *Что и говорить, божественная постановка...*

*

Трон и капуста. Страх потерять власть на протяжении всей истории деморализовывал правителей. Но есть и исключения... Диоклетиан, римский император (годы правления 244-311). Историки называют период его правления «золотым веком» Рима. В самом пике могущества империи он неожиданно отказывается от власти, удаляется в свой особняк в Салоне и ...занимается земледелием. Хотя Максимиан, сменивший Диоклетиана, неоднократно настойчиво просил его вернуться и вновь занять трон, знаменитый ответ бывшего императора гласит: «если бы вы знали, Максимиан какого размера капусту я вырастил, то вы бы не побеспокоили меня предложением вернуться во дворец».

P.S. «Капуста» Диоклетиана дорого обошлась империи – «золотой век» закончился, империя распалась...

*

Закон неразрывности. Конец каждого пути – это начало другого. «Я умер – я проснулся!», Лев Толстой.

*

Сакраментальный вопрос. Все законы, открытые людьми, являются, по сути, субъективными моделями объективной реальности.

Но насколько же эти модели соответствуют реальности?

*

Природные ресурсы и развитие. Япония должна была быть самой бедной страной в мире, если бы природные ресурсы были основным фактором развития страны...

*

Мало иметь счастье. *Надо быть еще и достойным его...*

*

Иногда то, что не могут углядеть наши очи, может заметить наше сердце...

*

Чрезмерность всегда вредит. Также и чрезмерность свободы ... *Рыба вне воды гибнет не из-за отсутствия воздуха, а из-за его чрезмерности...*

*

Человек хотя и меняет Природу, но слава Богу, не способен изменить законы Природы. *А то бы мир давно разрушился.*

*

Каждый человек подобен Луне – обратная сторона не видна...

*

Собаки даже любовь свою выражают через лай...

*

Божественная триада: Жизнь – Смерть – Жизнь!.

*

Двое крестьян спорили и дрались за клочок земли. И каждый из них неистово кричал – «эта земля моя!» Когда дело дошло до смертельной схватки, терпение Земли, наконец, иссякло и она обретая речь воскликнула: «*Бедняги, успокойтесь, я не чья-то, но вы оба в конце концов, наверняка, будете моими...*»

*

«*Сердце Данко*». За один только этот романтический сказ Максима Горького можно назвать выдающимся писателем... Люди, преследуемые великими невзгодами, заблудились в мрачном, темном лесу. В это время юноша по имени Данко разрезает свою грудь и вытаскивает сердце. Его горящее сердце освещает все вокруг и люди найдя дорогу, спасаясь от тьмы, обретают свободу....

Гениальный штрих: обгоревшее, но все еще бьющееся сердце Данко падает под ноги, и спасающаяся толпа, убегая, топчет его...

*

Гениальный физик Нильс Бор в юности был футболистом. Он даже играл за сборную Дании. Когда в 1922 году Нильс Бор получил Нобелевскую премию по физике, в одной из газет было написано: «Нобелевскую премию по физике получил известный футболист Нильс Бор».

Современная поговорка: Не каждый обучающийся может стать Молла Панамом... и не каждый футболист – Нильсом Бором.

*

Если вы не знаете, что потеряли, значит, вы ничего не потеряли!

*

Гениальная сцена в «Гамлете» – это когда Гамлет предлагает сыграть на флейте своему «близкому и доброжелательному другу» Гильденстерну, относящегося к нему с насмешливо лицемерным почтением.

Гильденстерн. Но я даже не знаю, как держать эту флейту, мой принц! Я никогда в жизни не играл на флейте.

Гамлет. Значит, вы не можете играть на этой деревянной вещице, созданной специально для игры, но вы собираетесь играть на мне. Так что же, я для вас даже проще, чем эта флейта?! Вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя.

Сколько же в жизни таких «доброжелательных» друзей – Гильденстернов, которые претендуют на то, чтобы «играть» на нас.

*

Первые телефонные аппараты, независимо друг от друга, создали Александр Белл и Элайша Грей. Однако Белл подал заявку на свое изобретение всего на два часа раньше, чем Грей, и поэтому его имя вошло в историю как изобретатель телефона.

Жизнь – это состязание, и фактор времени часто играет определяющую роль...

*

Усталый свет. Посмотрел я в эту ночь на Полярную звезду. Ее свет сиял устало-утомленно. Не шутка ведь – добраться до нас, преодолев путь за 470 лет, причем, со скоростью 300 тысяч километров в секунду...

*

С точки зрения Божественной истины разница между неучем и ученым не так уж и велика...

*

Знаменитая поговорка Сократа гласит: «Лишь одно я знаю, что ничего не знаю». На самом же деле Сократ сказал иначе: «*Лишь одно я знаю, что ничего не знаю, но другие и этого не знают*».

*

Апофеоз невежества: утверждение, о том, что молекула ДНК образовалась само по себе, случайно...

*

Национальная деградация. Спектакли «В этом городе» (Bu şəhərdə) проходят с аншлагом... Неужели культурно-нравственный уровень нации, к которой принадлежат Узеир-бек, Кара Караев, Фикрет Амиров, Ниязи, Бюльбюль, Рашид Бейбутов и другие корифеи нашего искусства, может так низко опуститься?!

*

Национальный консерватизм. В мире есть японский опыт... Японцы в полной мере извлекли выгоду из всех позитивных ценностей Запада, технических, технологических, научных достижений, но при этом сохранили японский дух, национальную духовность, культуру. Они также не отказались от чрезвычайно сложной системы письма – иероглифов...

Потому что в этих иероглифах есть японский дух, японская идентичность...

*

Коммунист Узеир-бек. Посмотрите на иронию судьбы: Узеир-беку, ненавидевшего большевистскую идеологию, «выпала честь» вступить в партию этих большевиков ближе к концу своей жизни...

*

Оскорбление духа. В одно время, на одном из телеканалов пошла серия передач под названием «Daһilərin divanı» (Обсуждение/осуждение великих), и состоялось настоящее СМС-судилище над нашими великими предками. Настала очередь и Узеир-бека, но его гений был благосклонно «подтвержден» через смс большинства наших высоко эрудированных телезрителей. *Нельзя, наверно, было бы придумать большего оскорбления для священного духа Узеир-бека.*

*

Национальное русофильство. В советское время государственным языком был фактически русский. Но даже тогда не было такого ажиотажа по поводу русскоязычного образования, как сейчас. А что случилось сейчас? Откуда эта любвеобильное пристрастие к русской идентичности? Неужто для части нашего сообщества, уроки Карабаха, Ходжалы, 20-го Января оказались напрасными?

*

Национальный комплекс неполноценности. ...У нас во дворе играют маленькие дети... Красивые, милые азербайджанские детишки... С ними их няни, их матери. Все они говорят по-русски. Боже, почему эти младенцы моего народа не говорят на моем языке?

Почему родители обрекли их на отчуждение от родной речи?..

*

Национальная поляризация: тюркоязычные азербайджанцы на одной стороне и русскоязычные на другой. А посередине – морально-психологический барьер..

*

Эпопея Льва Толстого «Война и мир» была написана через 50 лет после войны с Наполеоном, и самобытность русского народа была провозглашена миру совершенными художественными образами. Для осмысления исторических событий, видимо, должно пройти определенное время, и будем надеяться, что когда-то будет написана и наша эпопея «Война и мир». *Дело за малым – нужен наш Толстой!*

*

И ты Брут?! У Мамеда Рагима и Микаила Мушфига были дружеские отношения. В один из дней, то ли по заказу, то ли с целью самостраховки, Мамед Рагим публикует в газете «Литература» (1 июля 1937 года) статью о Мушфиге под названием «контрреволюционер, контрабандист, вор» и разоблачает своего «друга» «тяжелыми» выражениями... Через 6 месяцев Мушфиг был казнен в подвале НКВД...

*

Преступление и наказание. Фирудин-бей Кочарли был арестован после восстания в Гяндже и приговорен к смерти. Узнав об этом, Нариман Нариманов, телеграммой в Гянджу, требует приостановить исполнение приговора. Но было уже поздно. Большевистский прихвостень Гамид Султанов в срочном порядке привел приговор в исполнение...

В конце концов, он добился заслуженного возмездия – был убит своей же большевистской братвой...

*

Самый жестокий человек: маленький человек, заимевший, по стечению обстоятельств, большую власть.

*

Сокрушительное выражение от Луи Арагона: *ампутированная душа...*

*

Синдром маленького человека: к вышестоящим – раболепие, к нижестоящим – жестокость, к окружению – равнодушие...

*

Постулат. раболепствующий человек никогда не станет здравомыслящим гражданином.

*

Закономерность. Если деятель науки или искусства доволен собой, значит, он уже исчерпал себя.

*

Горе от ума: генная инженерия... Яблоко, в генофонд которого введен ген скорпиона...

*

Мне что-то стало холодно... Течение Гольфстрима, говорят, ослабело...

*

Закон власти. Макиавеллизм существовал на протяжении всей истории, как до, так и после Никколо Макиавелли... Он и сегодня в почете. Будет востребован и завтра...

*

Почеть науки. «Каждый кто хочет благополучия земного, пусть торгует. Всякий, кто желает загробной жизни, пусть будет отшельником. Каждый, кто хочет и того, и другого, пусть занимается наукой», Пророк Мухаммед.

*

Блаженство науки. То чувство особого удовольствия и восторга которого получает ученый, когда находит решение трудной проблемы, Мухаммед Туси выражает таким восклицанием: «Откуда же у правителей мира может возникнуть такое блаженство?!»

*

Жребий брошен! И не раз... Иногда судьба заставляет нас пересечь Рубикон неоднократно...

*

Жизнь: маленький островок между двумя бесконечностями... *Жизнь:* аттракцион изогнутых зеркал...

*

Люди молятся и просят Аллаха о благополучии. В Коране же сказано: «По истине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними», 13-11. *То есть действие от тебя, благословение от меня...*

*

Демократия – это народовластие над теми, кто правит. По словам Уинстона Черчилля, демократия – довольно плохая форма правления, но человечество еще не избрело ничего лучше.

*

Там, где есть коррупция, там нет ни родины, ни гражданина. Нет и национального достоинства. *И вообще, никакого достоинства...*

*

Всеобщее благостное лицемерие. Если бы люди всегда открыто выражали все, что они думают о других, человечество давно бы самоуничтожилось.

*

Любовь к Богу начинается с любви к сотворенному им.

*

Триада познания: Ничего не ясно! → Все понятно! → Ничего не ясно!

*

Незнакомец. Если вы на мгновение остановитесь и посмотрите на себя со стороны, то вы можете и не узнать человека перед собой...

*

Новый научный результат, считающийся фундаментальным, не является вероятно таковым, если он не вызывает новых, еще более трудных проблем.

«Мы никогда не должны забывать, что в процессе познания каждое наше достижение, решая определенную проблему, создает при этом новую, еще более сложную проблему». Луи де Бройль, один из создателей квантовой физики.

*

Психология толпы: Робеспьер был любимцем масс, их кумиром. Та же самая толпа обожателей проклинала Робеспьера, закидав камнями, когда его вели на казнь на гильотине...

*

Ты сказал мне отутюженную правду, мой друг. *Но мне нужна сама правда – пусть неровная, извилистая...*

*

Разница между человеком и собакой по Марку Твену: если ты покормил голодную собаку, то она никогда, ни в коем случае тебя не укусит. Что касается человека...

*

Авторская формула любви: $\text{Любовь} = \text{Симпатия} + \text{Эмпатия}$
Эту формулу можно отнести и к Дружбе.

*

В то время как история абсолютна сама по себе, взгляд на историю относителен. *Книги по истории – это, по сути, не что иное, как книги по обзору взглядов на историю.*

*

Индекс интеллекта: способность видеть простое в сложном и сложное в простом.

*

Все великие истины просты на вид, но не каждая простота указывает на истину.

*

Тише, друг мой! *Задремавшие горькие воспоминания могут проснуться...*

*

Определение физического параметра: выражение одной неопределенности через другие неопределенности. Например, «сила – это векторная величина, характеризующая взаимодействие тел». *Яснее не стало...*

*

Духовное одиночество: «Меня за всю жизнь понял только один человек. Но и он, честно говоря, неправильно меня понял», Гегель (на смертном одре).

*

В науке очень важно получить новый результат. Но еще важнее своевременное осознание полученного результата.

Немецкий физик Кунце в 1933 году экспериментально наблюдал частицу массой в 200 раз тяжелее электрона. Однако он воспринял это как ошибку эксперимента, пренебрег этим фактом и, таким образом, лишив себя важного открытия. В отличие от него, 2 года спустя американские ученые Андерсен и Неддермейер не упустили этого шанса и открыли элементарную частицу, названную мю-мезоном, за что получили Нобелевскую премию.

*

После общения с некоторыми людьми так и хочется поверить в теорию Дарвина.

*

Неразлучность. Моя спящая печаль проснулась утром вместе со мной...

*

Весьма печально, когда Дон Кихот, покаявшись, становится чиновником. *Обществу нужны и донкихоты...*

*

Мое счастье, подобно утреннему туману, рассеялся в эфире лишь от легкого дуновения...

*

Лошадиная сила: мощьность, выдающая себя за силу.

*

Nomen Est Omen (лат.), другими словами, скажи свое имя, и я скажу, кто ты.

*

Вселенский капкан: «Сей мир – это капкан, где приманкой служат наши вожделения». Мовлана Джалаладдин Руми.

*

«Мирская жизнь – это не что иное, как игра и забава». Коран, 6-32.
Друг мой, не слишком увлекайся этой игрой!

*

Ночью мы ложимся спать и уходим из этой жизни в мир грез. А может быть эта жизнь, сама по себе, является царством грез другой жизни...

«Люди спят, но проснутся, как только умрут». Али ибн Абу Талиб

*

Единство противоположностей. Иногда в красивом теле гнездится отвратительная духовность.

*

Быть отличником еще не значит быть талантливым. Плохо учиться – это еще не значит быть бездарным. Эдисона, великого изобретателя, в детстве учителя считали дебилом. Гениальный Эйнштейн был средним учеником. *А Эварист Галуа, один из величайших математиков всех времен, так и не смог сдать вступительные экзамены в университет, два года подряд срезавшись по математике!*

*

Жестокость. Идет снег, холодно... На тротуаре, напротив нашего дома, теленок привязан веревкой к дереву, перед мясной лавкой. От холода или от страха беспрестанно дрожит. Рядом – ни травы, ни воды. Теленок жалобно мычит. Будто хочет сказать, о жестокий мясник, я замерзаю, имей совесть, поскорей сделай, то что ты намерен сделать...

*

Не упusti свой шанс! По Луи Пастеру «Chance favours the prepared mind» (Шанс благоприятствует подготовленному уму), то есть, всегда надо быть готовым встретить свой шанс в жизни.

*

Друг: человек, который тебя понимает!

Друг: ALTER EGO!(lat.), т.е., ДРУГОЙ Я !

Друг: одна душа в двух телах (Аристотель).

Одним словом, покажи друга, скажу, кто ты...

*

Инвариантность. Подобно тому, как мутные воды рек, впадающих в море, не могут помутить его, так и все зло мира не может нарушить чистоту благочестивого человека.

*

Сегодня утром я вышел из дома. В двух кварталах от меня, увидел плакат-объявление, висящее на металлическом столбе. На плакате большими буквами было написано «Китаб». Обрадовался...Слава Богу!...Если уж на окраинных улицах города открывается книжный магазин, это означает, что потребность народа в книгах сильно возросла. Быстрыми шагами я направился туда. Но, подойдя ближе, я не обнаружил ничего относящегося к книге, а вместо этого почуял очень знакомый запах. Я поднял голову и снова посмотрел на плакат...

О Боже! Там было написано не «Китаб», а «Кутаб»...

*

Потерять родных и друзей духовно, гораздо тяжелее, чем потерять их физически.

*

Не сжигайте связующие вас мосты при ссоре с друзьями!
Может быть, когда-нибудь, следуя ностальгии, вы захотите вернуться в прошлое...

*

Мудрый человек, с возрастом, отвечая на вопросы, все чаще использует фразу «не знаю».

*

Глупость: спор с невежественным человеком...
Вердикт: В споре с невеждой у ученого нет абсолютно никаких шансов на выигрыш...

*

Возвышение. «Я хотел высоты и нашел ее в скромности». Али ибн Абу Талиб

*

Свободный человек: Человек, обуздавший нафс, т.е. свои безудержные вожделения!

*

Риторический вопрос. У персов есть поговорка: Что я сделал для тебя хорошего, что ты отвечаешь мне злом?!

*

Если ты нравишься всем, мой друг, значит, у тебя проблема – проблема по части убеждений.

*

Красивый человек: человек, который доставляет удовольствие окружающим одним своим присутствием...

*

Ни незнакомцев, ни своих близких мы не можем знать достаточно хорошо. *Первых, потому что они слишком далеки от нас, а вторых, потому что, они слишком близки к нам...*

*

Античная мудрость. Аристотель восклицал: «О друзья мои, в мире нет друзей..»

*

Формула истинной помощи: «Если ты действительно хочешь помочь бедному молодому человеку, не давай ему рыбу, а научи его ловить рыбу», Конфуций.

*

Четыре атрибута человеческой жизни. Согласно Платону:
– человек в детстве страдает от младенчества, спешит расти, а затем, будучи взрослым, тоскует по детству;
– сначала «тратит» свое здоровье, чтобы заработать деньги, а затем тратит деньги, чтобы вернуть свое здоровье;
– живет так, как будто никогда не умрет, умирает так, как будто вовсе и не жил;

– тратит столько времени на подготовку к жизни, что у него не остается времени чтобы пожить.

*

Друг мой, следуя Золотому Правилу (*Golden Rule*), обращайся с людьми так, как ты сам хочешь, чтобы с тобой обращались!

*

К сожалению, иногда бремя вины родителей приходится нести их детям.

*

Риторический вопрос. Могут ли понять друг друга Несчастье и Счастье?!

*

Азербайджан между Сциллой (Scylla) и Харибдой (Charybdis): авторитарный Русский медведь с одной стороны и Кончита Вурст демократического Запада – с другой...

*

Видавшее виды зеркало...Этот мир подобен зеркалу, каждый входящий смотрит в него, видит свое отражение и проходит... Проходит, так и не увидев самого себя.

*

О несведущий человек! Неужто ты ищешь Правду в этом ложном мире?!

*

Призрак. Все ищут Справедливости в этом мире... Но никто со времен Адама никогда не видел Ее...

*

Принцип дополнительности Нильса Бора. Спрашивают Бора: «Что является дополнением истины по вашему принципу?» Отвечает: «Ясность!»

Это означает, что после определенной черты, наши попытки более ясно представить истину, фактически, уводят нас от этой истины. Другими словами, «Истина не может быть наглядной!»

*

Принцип дополнительности Нильса Бора: Согласно Бору, дополнением любви является справедливость, т.е. «Невозможно смотреть одновременно глазами любви и справедливости!»

*

Интегральное видение. Красоту и величие моря могут созерцать птицы, летящие над морем, а не рыбы в пучине моря...

*

Наше знание конечно, а незнание бесконечно... Ньютон: «Я подобен мальчику, который играет на берегу бесконечного, непостижимого океана и получает огромную радость лишь от того, что время от времени, находит красивую ракушку, которую волны выбросили на берег».

*

О если бы я не знал всего того, что знаю, мой друг, тогда я был бы так же беспечен, как и ты... Чем ближе мы подходим к сути жизни, тем больше осознаем ее трагедию.

«Если бы вы знали то, что я знаю, вы бы меньше смеялись и больше грустили».
Мухаммед (с).

*

Истоки величия. По словам Томаса Эдисона, только один процент гениальности исходит от вдохновения, а остальные 99 процентов – от тяжелого рабского труда...

*

Философская миссия. На вопрос, зачем ты пришел в этот мир, Анаксагор ответил так: посмотреть на солнце, луну и небо.

Ну что скажешь, как философ, он был прав...

*

Время – наилучший учитель. *Жаль, что берет слишком дорого за свои уроки...*

*

Интеллект является необходимым, но еще не достаточным условием интеллигентности. Требуется еще нечто дополнительное – духовное...

*

Жизнь человеческая достаточно длинна.

Как и у снежинки, упавшей на нашу ладонь...

*

Наш возраст – это возраст нашего тела, а не нашей души. В нас присутствует вечная, бессмертная душа.

Душа – это многомерная субстанция вне времени.

*

Совесть – частица Бога внутри нас. Так говорил Виктор Гюго. Наш духовный наставник же говорит, что за всю жизнь он так и не понял, что такое совесть...

*

Моральная инвариантность – устойчивость человека, как личности, по отношению к себе и другим, независимо от достигнутых успехов, должности, почетных званий, высказанных похвал.

*

Приятное принуждение. Я, также как и Резерфорд, могу сказать: «мои ученики принуждают меня оставаться молодым».

*

Братство. Идя по улице, Лев Толстой встречает нищего и хочет дать ему денег. Он копшится в своих карманах, но не может найти денег. Очень расстроен – забыл взять деньги, когда выходил из дома. Он берет нищего за руки и говорит: «Извини, брат, я не могу тебе ничего дать». А нищий в ответ: *«Не волнуйся, считай, что ты дал мне весь мир – ты назвал меня братом!»*

*

Проспавший. Проснулся я от глубокого сна... *Вижу, в календаре без пяти семьдесят...*

*

В зале ожидания. Я уже, в основном, завершил свою миссию в этом бренном мире. Теперь, просто вот сижу на вокзале, и жду своего поезда...*Он на подходе...*

*

Доброе Зло. Мефистофель у Гете заявляет: Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает добро...

*

Сложность простоты. Чем фундаментальнее физический закон, тем проще он выражается: $E=mc^2$, $F=ma$, $E=h\nu$...Как просто, не правда ли?!...

Но, какая необъятная сложность кроется за этой простотой!

*

Параллельные миры. «Мы существа в этой вселенной, настроенные на частоту соответствующей физической реальности. Однако, прямо в комнате, где вы живете, в то же время, вместе с вами, существует бесконечное количество параллельных реальностей, на частоту которых мы не можем настроиться». Стивен Вайнберг, лауреат Нобелевской премии по физике.

*

3-й закон Ньютона психологии: Действие равно противодействию, или, мой друг, моя любовь к тебе такая же, как и твоя ко мне – ни больше, ни меньше...

*

Беспокойная жизнь. У Льва Толстого спрашивают: Как ваша жизнь проходит? В ответ он говорит: К счастью, спокойно.

*

Потребность Эдисона: «Мне еще многое предстоит сделать, а жизнь слишком коротка. Я должен спешить... мне не нужны ни лошади, ни яхты. У меня просто нет на это времени. Мне нужна мастерская!...»

*

От Физики к Метафизике. Теория относительности и квантовая механика связанные с понятиями, постулатами, утверждениями, которые не наблюдаются невооруженным глазом, не записываются приборами, не могут быть реально визуализированы (кривизна четырехмерного мира, волновая функция, море Дирака, океан Хиггса и т.д.) превратили физику в метафизику...

*

Дежавю (deja vu). Этот мир что-то очень знакомым мне кажется...

*

Спор великих. Эйнштейн категорически не соглашался с вероятностным тезисом в квантовом подходе. В споре с Нильсом Бором он настаивал: «Бог не играет в кости!» А Бор в шутку отвечал: «Альберт, не давай указаний Творцу о том, чем он должен заниматься!»

*

Божественный дизайн. Солнце, превращая в течении 1 секунды ! 4,26 миллионов тонн своей массы в энергию, излучает ее космос, и только 1/200000000000 ее часть достигает Земли.

Ровно столько, сколько нужно – ни меньше, ни больше!

*

Мракобесие. На могильной плите великого Абдус Салама, на кладбище в городе Рабва, его имя было отмечено как первого мусульманского лауреата Нобелевской премии. По настоянию радикальных религиозных деятелей слово «мусульманин» из эпитафии было стерто...Того самого Абдус Салама, который всю свою жизнь жил и созидал как праведный мусульманин с молитвой и постом и который с гордостью заявлял: *«Я посвятил всю свою жизнь выполнению предписаний Священного Корана».*

*

Великая Французская Революция... Одна из самых кровавых страниц истории Франции...Сотни тысяч французов прошли через гильотину. Среди них был один из основоположников современной химии Антуан Лоран Лавуазье. Когда трибунал вынес смертный приговор, прозвучали слова Робеспьера: *«Республике не нужны ученые!»*

Справедливый финал – колесо фортуны разворачивается, и в один из дней на гильотину отправляется и сам Робеспьер...

Республике оказывается не нужны были и Робеспьеры...

*

В одном из интервью журналист спросил проф. Лютфи Заде (Лютфи Алескерзаде), почему он не покупает новую более престижную машину, а использует устаревшую, которой уже 20 лет. А в ответ профессор сказал, что для него автомобиль это просто транспортное средство, и в этом смысле, его старая машина совершенно пригодна. Конечно, для великого Заде, который во всех отношениях привык к простому, скромному образу жизни, не нужна была престижная машина для самоутверждения. *У него была более важная миссия в этом мире...*

*

Терра Инкогнита. По словам гениального Нильса Бора, «физическая истина, выражаемая квантовой теорией, состоит из информации, которую мы имеем о существующей системе, и предположений, которые мы делаем на основе этой информации. Это означает, что материальный мир, который мы воспринимаем, определяется только информацией в нашем мозгу, и мы вообще не контактируем с самим материальным миром».

На ум приходит стих Корана: *Жизнь в этом мире – не что иное, как заблуждение (внешнее видение).*

*

Бочонок и факел. Один из гениальных физиков двадцатого века Энрико Ферми говорил: «Студент – это не бочонок, которого нужно наполнять все большим и большим количеством знаний. Студент – это факел, задача учителя М лишь зажечь его!» К сожалению, с того времени мало что изменилось... *Сегодняшнее образование, как это было сто лет назад, держится на «бочонке», нежели на «факеле».*

*

Гиперавторство. Одной из особенностей 21-го века является то, что сейчас во многих областях, в частности, в атомной физике, большие научные достижения достигаются совместными усилиями не отдельных ученых, а крупных научных коллективов. Считается обычным событием наличие сотен авторов одной статьи. Опубликованная в 2015 году в журнале «Physical Review Letters» научная статья, всего из 9 страниц, в которой отражены результаты проведенных на Большом адронном коллайдере экспериментов по определению массы бозонной частицы, имеет рекордное количество авторов – 5154! *Прошли безвозвратно времена ученых-одиночек...*

*

Разница между наукой и искусством: наука кумулятивна – к предыдущим результатам перманентно добавляются новые знания. Но, выдающиеся произведения искусства всегда оригинальны и связаны с личностью создателя. Развитие науки в целом идет по восходящей линии. Искусство, однако, может деградировать в определенные исторические периоды. Поскольку наука в большей степени является продуктом коллективного мышления, в механизме ее развития есть детерминизм, то есть, даже если, например, Эйнштейн не вывел бы формулу $E=mc^2$, другие рано или поздно получили бы этот же результат. Но «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, «Кероглу» Узеир-бека, «Дьявола» Джавида никто не создал бы, кроме них самих...

*

Делегация Азербайджанской Демократической Республики во главе с Алимардан Беем Топчибашевым добилась встречи с президентом США Вудро Вильсоном на Парижской мирной конференции (1919-1920), что сыграло решающую роль в международном признании нашего государства. Свое впечатление об этой встрече президент Вильсон выразил так: «Вы знаете, где находится Азербайджан? Однажды приехала группа достойных и интересных джентльменов из Азербайджана. Я не успел узнать, откуда они пришли, пока они не ушли. Но я сразу определил одно: *Эти люди, с которыми я разговаривал, говорили на одном языке со мной с точки зрения идей свободы, права и справедливости*».

*

Гегель говорил, что история ничему не учит.

Нет, история может многому научить, но много ли найдется людей способных извлечь уроки из истории?!

*

Вердикт Римского Клуба: «Нынешний образ жизни, нынешние темпы эксплуатации природных ресурсов приведут к экологическим катастрофам в XXI веке...*Если человечество само не изменит своих привычек, повадок и поведения, ему нет спасения...*»

*

Шесть факторов Апокалипсиса. В свое время гениальный Стивен Хокинг (Stephen Hawking) заявил, что существует 4 фактора опасности, которые могут привести к гибели человечества:

- 1) высокоразвитый искусственный интеллект;
- 2) атомно-ядерная война;

- 3) гениальная инженерия;
- 4) глобальное потепление.

Я думаю, что к этому списку следует добавить еще два фактора:

- 5) экологический коллапс и
- 6) духовная деградация человечества.

По сути, 6-й фактор является источником и первопричиной всех предыдущих.

*

Пророк(с) – «Да защитит нас Аллах от знаний, не приносящих пользы».

Мудрость этих слов сегодня мы понимаем гораздо яснее.

«...Теперь мы можем спросить себя, получает ли человечество пользу, открывая законы природы? Достаточно ли повзросло человечество, чтобы пользоваться этими законами, не навредят ли ему эти знания?»

Пьер Кюри, из нобелевской речи (1903).

*

После атомного взрыва, обрушившегося на Хиросиму и уничтожившего за один раз 100 тысяч человек, Альберт Эйнштейн сказал: *«Отныне судьба человечества будет зависеть не от его научно-технических достижений, а от его моральных устоев».*

*

Опасный диссонанс. Гомо Сапиенс, еще не будучи духовно полноценным человеком, стал ученым благодаря своим великим научным открытиям...

*

Часы Судного Дня. В 1947 году по инициативе группы американских ученых, участвовавших в Манхэттенском проекте по созданию атомной бомбы, были созданы символические часы под названием Часы Судного Дня (Doomsday Clock). Эти часы символизируют, насколько человечество близко к глобальной катастрофе. Два раза в год стрелки часов устанавливаются в зависимости от степени проявления политической и экологической напряженности в мире, угрозы ядерной войны. Показание часов определяется с учетом мнения специальной экспертной группы, в состав которой входит большое количество лауреатов Нобелевской премии. Полночь на этих часах, 1200, указывает на момент глобальной катастрофы. Теперь (январь 2023 года) Часы показывают 11 часов 58 минут 30 секунд – до полуночи осталось символические 90 секунд... *Человечество никогда не было так близко к Апокалипсису...*

*

Маленький космический корабль под названием Земля в бесконечной Вселенной... Пассажиры корабля – люди с различной речью, разной духовностью, разными убеждениями... Они не ладят друг с другом. Их количество значительно превышает нормальное для судна количество пассажиров, и разница продолжает расти. Более того, пассажиры непрерывно ссорятся, дерутся друг с другом, сильные сокрушают слабых, богатые – бедных, террористы тут и там взрывают... Отсеки корабля заполнены атомно-ядерным, химическим, бактериологическим оружием, готовые взорваться от искры в любой момент, корабль продолжает заваливаться ядовитыми отходами. Запасов воздуха, воды, пищи, энергии недостаточно, но и они могут скоро истощиться.

Путешествие космического корабля бесконечно – с пассажирами или без них. Теперь выбор за пассажирами...

*

Мы, люди, стремимся приблизиться к точке абсолютной истины в рамках системы различных наук, обнаруживая закономерности в пределах наших познавательных возможностей...

Однако мы не совсем уверены – действительно ли выбранный нами путь ведет к Истине?!...

*

В 16 лет я думал, что жизнь – это Бесконечное Будущее, а в 61 год я понял, что жизнь – это весьма Короткое Прошлое.

*

Добро пожаловать в Новый год! В 1-й год моей оставшейся жизни...

*

Жизнь очень коротка... Суетиться ради наград, должностей, титулов, враждовать, непрестанно наживать богатство, выискивать чужие пороки, сплетничать, ссориться, обижаться из-за мелочей на друзей, коротать, убивать время – ну откуда же взять время для такого рода занятий?!

Спешите учиться и учить, любить и быть любимым, делать добро, совершать благое дело, познать божественную мудрость, быть Человеком!

Жизнь уж слишком коротка...

Об авторе:

Велиев Фуад Гасан оглы

Доктор технических наук, профессор.

Родился в городе Баку.

Окончил с дипломом отличия Азербайджанский Институт Нефти и Химии.

С 1985 по 2013 годы был профессором кафедры Теоретической Механики Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии. Начиная с 2014 года является профессором Бакинской Высшей Нефтяной Школы.

В 1993-94, 1996-97-ом годах преподавал в ведущих университетах Турции.

В 1992, 2002-ом годах работал в различных научных центрах и университетах США в качестве приглашенного профессора.

Является автором более 120 научных работ, в том числе, монографий, научных статей и патентов на изобретения по механике, реофизике, термодинамике, гидродинамике.

В качестве докладчика, был участником многих международных научных конференций.

e-mail: fuadveliev@hotmail.com

ЛЮДИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ШИРИН МАНАФОВ

К вопросу об актуальности академика Азада Мирзаджанзаде

Почему ученики вот уже почти 20 лет систематически проводят мероприятия памяти доктора технических наук, почетного нефтяника СССР, академика АН Азербайджана, автора 70-ти монографий, научного руководителя 300 кандидатов и 120-ти докторов наук А.Х.Мирзаджанзаде? Профессиональное сообщество испытывают громадную потребность в триггере научного и культурного развития и одновременно в объективном арбитре, каким был академик. «Мое кредо – оставить после себя профессионалов, знающих больше меня, – говорил академик. – Республике грозит дефицит профессионализма и профессионалов. Моя самая большая мечта – чтобы Азербайджан вышел со своими интеллектуальными достижениями на внешний рынок».

Ученики настаивают на изучении незаурядной личности своего педагога, требуют системной работы над воссозданием его оригинального стиля. Постоянно публикуют воспоминания, периодически в Академии нефти проводятся международные чтения, посвященные памяти академика, как дань уважения выдающемуся ученому.

Все, кто учился у него, сотрудничал с ним, признают: невозможно забыть его и жить так, будто его не было. Настолько огромно воздействие обаяния этого человека как на студентов, так и на коллег.

Эпоха цифровой экономики диктует обновление системы образования. Остро требуется возрождение наставника. Ни в одной из трех созданных академиком школах вундеркиндов не было ни ЕГЭ, ни ориентации на Болонскую систему, за что учебный подвергался острой критике. Но жизнь доказала эффективность методики академика, все выпускники этой школы 2000-х годов сейчас на ведущих постах в экономике, науке, педагогике.

Это первый очерк о совершенно неисследованной стороне деятельности академика – школы вундеркиндов А.Мирзаджанзаде.

Шахин Рзаев окончил электромеханический факультет в 1989 году:

«На первом курсе академик читал нам лекцию «Введение в специальность». Кто слушал ноктюрны Шопена, – спросил он зал и прочитал увлекательную лекцию о родстве математики и музыки. Его выступление потрясло вчерашних школьников масштабностью, тем, что называется раздвижением горизонтов. Он взорвал стереотипное мышление – последствия/плоды средней школы. Мы, первокурсники, благодаря Азаду Халиловичу воспринимали наш институт как храм знаний и света. Каждый предмет теперь воспринимался во взаимодействии с важнейшими дисциплинами. Среди моих однокурсников есть те, кто посвятил себя науке, экономисты, социологи, политологи, общественные деятели, дипломаты. Что не удивительно для тех, кто слушал лекции Мирзаджанзаде, общался с ним и работал под его руководством. Такой подход считаю естественным для нефтедобывающей страны.

Эрудитов много, но Азад-муаллим был из тех, кто умел объяснить внутреннюю связь науки и искусства, экономики и политики, управления и социальной сферы. Мирзаджанзаде был не одинок. Нам преподавали великолепные педагоги, создавшие творческую атмосферу в вузе.

Например, Борис Моисеевич Плющ – энергетика буровых установок; Малик Рамазанзаде по прозвищу Крокодил – отличный физик, с прекрасным и тонким чувством юмора, обладатель пышных усов. Ректором был Исмаил Ибрагимов, вот его студенты боялись страшно, – категоричен и принципиален. Входя в здание института, снимал шляпу. Требовал от нас и от педагогов трепетного отношения к храму науки. Про него студенты знали, что по утрам принимал рюмку коньяка, затем совершал пробежку по бульвару, только потом являлся на работу. Как мы говорили, после принятия двойной дозы зарядки. Словом, учиться было интересно. Или Михаил Исакович Ройтман, в далеком 1986 году он знал о компьютере не меньше, чем Стив Джобс. Некоторые из учеников Мирзаджанзаде были нашими педагогами, например, Феликс Мамедов преподавал детали машин. Как и все ученики Азад-муаллима, отличался умением обосновать связь предметов и дисциплин. В 1992 году я взял интервью у академика для молодежной газеты. Академик был возмущен варварским, примитивным способом разрушения СССР. Считал, что распад неминуем, но не так должен был проходить процесс, не так намеренно бесконтрольно, не с созданием идеальных условий для воров, когда богатейшая страна была разграблена и распродана. Процесс возглавили воры и что более всего поразило ученого, компартия – лидер всех побед – оказалась бессильна перед бандой грабителей, была не способна спасти страну от разграбления. По подсчетам экспертов, масштабы воровства в период распада СССР были поразительные. 12 триллионов долларов – потеря ресурсов, технологий, оборудования и кадров. Академик уже тогда ставил вопрос о невосполнимой потере – ценности выдвинутых из страны научных кадров. Миграция самой динамичной части советской науки, интеллигенции, – не совсем миграция. Это выдвигание, принуждение к отъезду самой ценной части общества. Советская наука погибла, на смену пришла локальная, провинциальная наука. Был нанесен громадный ущерб трансграничной республике ученых (*République des lettres*), которая начала складываться еще со времен Ренессанса. В этой «республике» интеллектуальная честность всегда ценилась больше, чем геополитика. Соперничество Англии и Франции, не раз переходившее в войну, не мешало Вольтеру ставить физику англичанина Ньютона выше физики француза Декарта. С распадом СССР эти ценности уступили место приоритету так называемых национальных квартирок, что для академика было неприемлемо».

Григорий Щирин (США):

«На первом году обучения в институте начался курс «Теоретической механики». Курс был рассчитан на три семестра – полтора года. Зачем нам, будущим специалистам по вычислительной технике, он нужен, мы не понимали. Я и сейчас не понимаю, но такова была учебная программа. Раздраженные, мы ждали первой лекции. Лекции, как тогда говорили, поточные – для нескольких групп, читать их должен был завкафедрой «Разработка и эксплуатация нефтяных месторождений» профессор А.Х.Мирзаджанзаде.

Он сразу привлек к себе внимание. Мог прийти слегка под шафе, что делало его лекции еще более привлекательными. Увлекался и мог перейти на совершенно другую тему – вдруг начинал выводить уравнение движения хвоста кошки, падающей с крыши. То есть математически доказывать, почему кошка приземляется всегда на четыре лапы. Он дорого и небрежно одевался. Увлекаясь, в порыве исследовательского азарта мог стереть рукавом дорожного шевियोтового пиджака мел с доски, чтобы продолжить строку уравнения. Студентам это очень импонировало: профессор был романтиком, казался поэтом науки. Его увлеченность передалась и нам. Я с удовольствием занимался теоремехом и экзамен за первый семестр сдал на «отлично». Хотя и через сорок лет не понимаю, зачем будущим специалистам по вычислительной технике теоремех.

Как-то после лекции Азад Халилович попросил тех, кто сдал экзамен на пятерку, остаться. Нас набралось 14 человек, и Мирзик (так его называли все студенты) предложил организовать «Клуб отличников». Он сказал, что будем собираться раз в две недели, устраивать дискуссии, делать доклады и т.п. И клуб заработал: темы по философии, кибернетике, экономике, даже балету. Иногда он приглашал всю группу к себе домой.

Было очень интересно, ново, ибо никто и никогда с нами, студентами, так не общался. Я стал как бы ученым секретарем этого клуба. У меня с Азадом Халиловичем возникли особые, «ментор – менти», отношения, которые продолжились и после окончания института. Человек необычный, холостяк в свои 60 лет, он жил с сестрой, не был членом партии и открыто говорил, что никогда в партию не вступит. Хотел видеть рядом с собой людей такой же внутренней свободы, какой обладал сам. Однажды, когда он заболел, я принес ему домой какие-то материалы. Лежит на диване, горло замотано шарфом. Звоню по телефону. Говорит с нашим всемогущим ректором: «Да, Исмаил Алиевич. Конечно, Исмаил Алиевич. Обязательно, Исмаил Алиевич». Вдруг закрывает ладонью трубку и, обращаясь ко мне: «Правда, наш ректор – фуфло?» Молчу. Снова: «Ну, скажи – правда, фуфло?» Я жутко смущаюсь от такого вопроса, но именно это вдохновляет его на более настойчивое продолжение. Первый раздел – «Статику» – мы завершили относительно успешно, а вот с начавшейся на втором курсе «Кинематикой» дела обстояли сложнее. Некоторые получили переэкзаменовку. Но мы были молоды и не обращали внимания на такие мелочи. Обычным местом наших студенческих сборищ была квартира Алика Алиева, расположенная в том же доме, где жил Азад Халилович, прямо над его квартирой.

Типичный по временам состав студенческой компании: Алик Алиев, Юра Саркисов, Женя Ветров, Фариз Векилов, Миша Вартанесов, Стасик Дмитриев, ваш покорный слуга. После возлияний мы любили играть в военный парад на Красной площади: «К торжественному маршу... побатальонно... первая колонна прямо...». Юра прекрасно играл на рояле, и мы хором пели из репертуара популярных тогда Битлзлов. Конечно, соседство с Мирзиком добавляло адреналина. Сочинялось нам легко, и из окон нестройными голосами, порой слишком громко лилось на мотив известного твиста:

*Мы еле-еле сдали статику,
Но завалили кинематику,
И вряд ли мы сдадим динамику
У Мирзаджа-а-ан.
Но, если мы сдадим динамику,
Забросим к черту всю механику,
Но нам не сдать и кинематики.
Азад, Азад.*

Азад Халилович естественно наши песни слышал и неоднократно пытал меня, кто же автор? Я молчал, как партизан на допросе – это коллективное творчество. Не наказать хотел. Наоборот, больше песен. Гордился, он один из двух-трех педагогов, про которых складывают песни, да еще исполняют под музыку битлов. Студенческий фольклор – производное творческой атмосферы. Вуз, НИИ, лаборатория с обилием анекдотов и легенд и песен означает, что создана великолепная среда для творчества. Все мои друзья состоялись как профи и личности, за что благодарны академике, одному из творцов праздничной атмосферы в институте. Мы все вышли из того счастливого времени, из весело проведенных студенческих лет.

После окончания института я остался на кафедре, и мы с ним часто встречались. Азад-муаллим продолжал меня пытаться, кто сочиняет о нем песни. Кто тот са-

мородок, талантливый автор студенческого фольклора, который так нужен институту. Последний раз он задал мне этот вопрос перед защитой моей диссертации. Шутки – шутками, но в студенческие годы у двоих из нашей компании из-за академика были серьезные неприятности. Он был строгий экзаменатор. Наш конфликт случился на последнем экзамене – группа сдавала «Динамику». До экзаменов академик сказал, что уравнение колебания струны учить не обязательно. Ну, я и не выучил. На экзамене я ответил на все вопросы. Азад-муаллим говорит: «Молодец! А теперь выведи уравнение колебания струны». «Вы же сказали, что это необязательно...». «Если ты настоящий отличник, то должен это знать. Выучи, придешь завтра». Я взбунтовался и начал качать права. Академик тоже встал в позу и сказал, что иначе поставит мне тройку. Жутко несправедливо, но в порыве юношеской запальчивости я сказал, что согласен на тройку. Это была единственная тройка, которую я получил в институте. В те годы при оценках за три семестра в диплом шла последняя. Обидно было ужасно, ну, да ладно.

Когда вся наша компания закончила этот чертов курс теоретической механики, была устроена грандиозная пьянка в квартире Алика. Открыли дверь на балкон и хором пропели на весь двор прощальную песню:

*Прощай же наш Мирзик, прощай – не до свиданья.
Больше не увидишь ты наши старанья.
Утром или ночью и даже на заре-е-е.
А мы все чихаем, на все чихаем – на все заданья.
О-о, но теперь уж поздно, мы на третьем курсе.
И ты уже не сможешь обратно нас вернуть.
Ты уж извини нас, тебя мы проскочили.
Тебя мы проскочили, проскочили, раз и навсегда!*

На самом деле и тогда, и сорок лет спустя мы все осознавали, какую важную роль играет общение с этим незаурядным человеком.

Кафедра Мирзаджанзаде находилась по соседству с нашей кафедрой, и мне пришлось еще не раз сталкиваться с ним. Однажды он попросил зайти к нему в кабинет. Это произошло года через два после окончания института. Я, младший научный сотрудник кафедры информационной техники, в кабинете у академика:

– Садись. Я тут написал задачник по нефтепромысловой механике. В рукописи пока. Хочу попросить тебя поработать редактором.

– Азад Халилович, где я и где нефтепромысловая механика! И вообще – как я могу ваши труды редактировать...

– Не торопись, дорогой. Это называется: редактирование снизу. Мне нужен человек смысленный, но не специалист. Ты читай объяснения, решай задачи и записывай, что понятно, что трудно, что легко. Не спеши. У тебя есть три месяца.

Конечно, отказать я не мог. На три месяца я забросил свою диссертацию, занимался редактированием. Раз в две недели я приходил к нему и докладывал свои наблюдения. Работать с ним было и трудно, и интересно. Через пару месяцев он опять попросил зайти к нему в кабинет. На столе лежала окончательная машинописная редакция книги. Он показал мне одну из первых страниц, где автор выражал благодарность именитым ученым за консультации и спросил:

– Включить тебя в этот список?

Конечно, младший научный сотрудник должен был быть счастлив видеть свое имя на этой странице, но я смущенно промямлил:

– Ну, это от вас зависит, если вы считаете нужным включить, то включите...

– Послушай, если я посчитаю нужным включить, то включу и спрашивать не буду. А я решил тебя спросить. Скажешь включить – включу. Не скажешь – не включу.

Я что-то баял-вякал, но сказать «включите» так смелости и не хватило. Какое-то время я очень переживал по этому поводу, но, в конце концов, забыл. Примерно через полгода он позвонил мне на кафедру по внутреннему телефону и вновь попросил зайти. Я зашел. На столе целая гора еще пахнущих типографской краской книг. Ни слова не говоря, он взял одну из них и написал: «Дорогому Гене Щирину от автора с огромной благодарностью за помощь в написании этой книги». Поставил дату, подписался, пожал руку, сказал «спасибо» и дал понять, что аудиенция закончена. Книга эта до сих пор у меня, покидая Баку, взял на память о дорогом мне человеке. Недавно мы с сестрой после многих лет эмиграции приехали в Баку. Остановились в гостинице недалеко от того дома, где когда-то мы весело проводили время у Алика Алиева. Много новых мемориальных досок. Барельеф на одной из них бросился в глаза. Знакомые имя и фамилия, знакомые титулы. И дата: 1928-2006. Прощай, Азад Халилович».

Сардар Фараджев, директор дома-музея Узеира Гаджибейли, народный артист Азербайджана, автор музыки к 50 спектаклям и четырех оперетт:

«Молодость А.Мирзаджанзаде прошла в доме рядом с домом-музеем Узеира. Он часто встречался с первым директором дома-музея – Рамазаном Халиловым, который был не только родственником, но и помощником композитора и посвятил свою жизнь сохранению наследия Уз.Гаджибейли. Юного Азада интересовал Узеир-бек как создатель школы высшего мастерства, основоположник национальной музыкальной традиции. Интерес Азада к Узеир-беку имел свою особенность. С юности Азад воспринимал наследие Насими как национальный девиз, азербайджанский культурный код. Точно так же, как сам Узеир-бек. Широта диапазона интересов маэстро восхищала юного Азада, как и изучение разных жанров и школ, высокий уровень восприимчивости к «чужим» влияниям, мастерство в работе с ними».

Сардар, тогда начинающий композитор, познакомился с академиком в 1988 году. Знакомство произошло на одном из самых бурных обсуждений новой постановки в истории бакинского Оперного театра. Накал страстей на обсуждении такой, как будто речь шла о будущем азербайджанской оперы, о роли искусства в новой нарождающейся политической ситуации. Собственно, так и оказалось.

Худсовет театра обсуждал постановку оперы «Шах Исмаил». Сардар был изумлен, с каким жаром два лагеря отстаивали свои позиции.

Консерваторам – ведущим артистам Оперы, ряду композиторов очень не нравилась современная трактовка режиссера Афлатуна Нематзаде. Они настаивали: «Шах Исмаил» создан Муслимом Магомаевым как гимн политическому деятелю, и так должно быть всегда.

Позиция Афлатуна, которую горячо защищал академик, была такова: это не гимн мудрости, прозорливости конкретного государственного деятеля, а изучение одного из ключевых моментов азербайджанского исторического пути. Афлатун и Азад Халилович заявляли, что на дворе новый мир, время гимнов ушло, наступило время исследований реальной значимости исторических эпох и деятелей, из которых сотворены легенды и сказочные персонажи.

После бурного обсуждения старые артисты обращаются к арбитру – академику Зия Буниятову. Тот занимает однозначно сторону Афлатуна и А.Мирзаджанзаде. Зия Буниятов вновь подтвердил, что позиция Афлатуна и Мирзаджанзаде грамотная, верная. Автор создавал оперу по легенде, по сказанию о шахе – поэте и строителе государства. Создал обобщенный образ творца: строителя государства и поэта национальной самоидентичности. Шах Исмаил из дастана в интерпретации Афлатуна и А.Мирзаджанзаде богаче лозунгов. Трактовку оперы, сюжет и костюмы режиссер решает изменить и верно делает – заключение Зия Буниятова.

Теперь о пока не освещенной в прессе стороне деятельности академика. Созданная им школа вундеркиндов воспринималась Азад-муаллимом как первый этап формирования в Азербайджане системы выявления и развития способных детей. Актуальность объяснялась резким падением качества образования в национальных республиках после развала СССР. Процесс деградации системы образования по мнению академика усилился еще в период перестройки Горбачева. Угасание творческой активности в технической и гуманитарной сферах по мнению академика и внес весомый вклад в процесс распада СССР.

Родители любыми путями пытались пристроить детей в школу академика. Педагоги и школьники перед поступлением в школу проходили экзамен, отбор жесткий, один из десяти. Академик уделял большое внимание диагностике способностей детей. Точно поставленный диагноз позволяет незаметно повышая нагрузки, направлять развитие ребенка именно в том направлении, к которому у него есть способности и интерес.

По мнению академика, государством должно править общество экспертов, а не группа спящих на собраниях стариков. Школа в таком случае этап подготовки спецов для реализации мечты академика – вместо вузов в СССР создать НИУ – научно исследовательские университеты. Синтез вуза и НИИ. Предлагаемую А.Мирзаджанзаде еще в 1970 году модель стали реализовывать в РФ в 2023 году.

Сейчас во всех бывших республиках СССР начинают с того, что академик внедрил в своих трех школах с 1996 года. Восстановление обязательных экзаменов по всем ведущим предметам программы средней школы. Ни в коем случае не заниматься подготовкой к ЕГЭ по трем-четырем предметам, которые школьник выберет, оставаясь безграмотным по остальным дисциплинам. Академик: *«В Баку много умных одаренных детей, что не может не радовать. Вместе с тем с каждым годом все труднее находить для них учителей. Людей незаурядных, отличных спецов, умеющих интересно и живо преподносить знания»*. Сказано в 1997 году.

В 2023 году Минобразования провело сертификацию 11 тысяч учителей начальных классов средних школ. Каждый четвертый, то есть 2,8 тысяч человек, не смогли набрать минимальный балл. Только 10% из 11 тысяч смогли набрать высокий балл. Эта цифра настолько испугала чиновников, что не решились провести сертификацию для учителей старших классов.

Если не умеем учить на учителя среднего уровня и для весьма средней школы, то где найти учителей для особо одаренных? Где их воспитывают? Таких учреждений нет. Мечта академика – вуз для обучения учителей именно для таких детей. Громкая утечка мозгов из Баку в 1991-2000 годы эту проблему остро обозначила. Уезжает самая талантливая, способная часть молодежи.

Ведущий научный сотрудник Института физики **Расул Селим-заде:**

«После окончания учёбы в АГУ им. С.М.Кирова я начал работу в Институте физики АН. В начале осени 1989года один из сотрудников нашей лаборатории обратился ко мне с предложением преподавать физику в школе. Напомню: в этот период многие учителя русского сектора, попав под влияние проармянской пропаганды с экранов Центрального телевидения, покидали Баку, и в русскоязычных школах возник дефицит преподавателей. Я познакомился с директором Бениамином Алиевым, к сожалению, ныне покойным. Он рассказал мне об инициативе академика Азада Мирзаджанзаде о создании школы нового типа – технико-гуманитарного лицея им.Габиб-бека Махмудбекова (основателя первой в Баку русско-татарской школы) на базе школы №2. По предложению академика в лицее были сформированы отдельные классы с гуманитарным и техническим уклоном. А.Мирзаджанзаде был инициатором проекта и почетным директором лицея, Б.Алиев – исполнительным директором. Для преподавания в лицее приглашали сотрудников АН, АГУ и АЗИНефтехима. Академик

требовал от нас интересного преподнесения учебного материала, ознакомления учащихся с современными тенденциями науки. В гуманитарных классах был введён предмет «История возникновения мировых религий», в технических классах – «Междисциплинарные связи» – культурология.

Раз в неделю А.Мирзаджанзаде собирал преподавателей лицея «на посиделки», на которых излагал свои взгляды на реформирование методов преподавания. Очень скоро в наш лицей стали переходить лучшие ученики из других школ, среди них проводился отбор. Вспоминаю интересный случай: в лицее были только 8-10 классы. Один ученик 7-го класса 134 школы сдал экстерном курс за 7 класс, чтобы попасть в лицей.

В наш лицей стремились попасть со всего города талантливые дети, что стимулировало преподавателей к развитию новых подходов в работе. Многие выпускники лицея после окончания вузов получали приглашения на работу в иностранных компаниях, открывших свои филиалы в Баку и за рубежом. Я назову несколько имён выпускников лицея, которых мы видим на экране телевизора: министр М.Джаббаров, ведущий бакинского клуба «Что? Где? Когда?» Б.Касумов, активные участники этой телеигры: М.Ализаде, Дж. Оруджев, А.Кулиев, глава заповедника «Ичери Шехер» Ш.Сеидзаде и многие другие.

По инициативе А.Мирзаджанзаде ученики лицея участвовали в исследовательских проектах. В частности ученики класса, где я преподавал физику, А.Кулиев и Я.Нифтиев, применив методы расчёта равновесия грузов на стержне, провели работу по определению географического центра Азербайджана. Наш ученик Н.Агабеков создал модель ленты Мёбиуса на мыльной плёнке. За эту работу Н.Агабеков был премирован на межшкольной творческой олимпиаде.

То, что кажется взрослым сложным, неразрешимым, подростки воспринимают как игру, применяя порой совершенно неожиданные подходы в решении таких задач.

Наш шеф приводил массу исторических примеров. Идея такова: зажечь темой на долгие годы. Не следует ученикам говорить о сложности темы, надо предлагать тему и предупреждать о том, что исследование ее требует многолетней подготовки. В этом случае молодой человек начинает выстраивать стратегию подготовки к подъему на самую высокую гору в мире. Здесь есть такая хитрость уже в отношении учителей. Надо так подготовить ученика, что бы по окончании вуза был способен замахнуться на тему, достойную внимания лауреатов Нобелевской премии. Мысль академика: данная тактика мобилизует и ученика, и учителя на их многолетнее сотрудничество.

Очень интересно преподавать в классах, где больше половины учеников работает на уроке, что к сожалению, редкость в нынешних школах. Начало работы лицея пришлось на конец 1980-тых, когда происходили болезненные процессы в экономике Азербайджана. Для стимулирования преподавательского состава академик, пользующийся громадным авторитетом среди специалистов в нефтехимической области, договорился с директорами ряда заводов о спонсировании преподавателей и лучших учеников лицея. Сам академик всю свою зарплату передавал в фонд стипендий для особо одарённых учеников. С высоты прошедших десятилетий всё ярче кристаллизируется образ академика Азада Мирзаджанзаде не только как УЧЁНОГО, но и как УЧИТЕЛЯ. К сожалению, таких личностей мало...

Сравнительно высокие ставки преподавателей лицея вызывали зависть у педагогов, не допущенных к работе в этом лицее. Кляузники требовали прислать комиссию, и в конце концов этими самыми комиссиями задушили выдающийся эксперимент, лицей закрыли. Когда академик попытался разрулить ситуацию, руководство района дало понять, что его школа не желательна, она слишком заметна, слишком отличается от средних школ города. Академик отказался от руководства лицеем, а исполнительный директор Б.Алиев, который с таким энтузиазмом создавал

лицей, пестовал преподавательский и ученический коллектив, был вынужден уйти с директорского поста на преподавательскую должность, позднее и его выдавили из лицея.

Академик – творец учителей нового типа. Он резко поднял планку требований к ним: каждый из нас должен был создавать план обучения для каждого ученика персонально. Разумеется, в сотрудничестве с родителями. Больше уделял внимание учителям, чем учащимся. Как преподаватель в вузе, он уделял больше внимания тем студентам, у кого были способности стать со временем хорошими учителями. Таких даже среди одаренных молодых ученых единицы. Внедрить методику создания нового типа учителя было главной целью академика как организатора школы.

Уровень выпускников средних школ Баку сейчас, к сожалению, не очень высок. Во многом благодаря ЕГЭ потеряно главное – глубина осмысления предмета. Без чего невозможно формирование исследователя. В лучшем случае – исполнитель.

Кандидат физико-математических наук, сотрудник НИИ физики Расул Селимзаде преподавал в школе академика 9 лет, с 1989 по 1998 годы. Только один факт, говорящий об атмосфере в лицее. Директор Беньямин Алиев прекрасный математик часто оставался после занятий и дополнительно занимался с особо одаренными. Естественно, все остальные педагоги работали в точно таком же ритме. Например, замечательный педагог биологии Халида Мехтиева. В классе десять учеников, стоит только уловить интерес у кого-то из учеников к какому-то вопросу – начинается углубленное исследование совместно с любознательным учеником. После закрытия школы-лицея на улице Шейх Шамиля, академик открывает другую аналогичную школу близ станции метро «Хатаи», куда пригласил завучем Халиду Мехтиеву. Если академик давал мастер-классы педагогам, то Халида – родителям учеников. Приходилось выкладываться, так как уровень требований к ученикам и педагогам был гораздо выше, чем в обычных школах.

Расул Селимзаде вспоминает тот период с удовольствием, с гордостью за свой вклад в создание школы академика, которая вырастила великолепных специалистов: «Многие мои ученики по окончании вузов признавались, что в школе учиться было гораздо труднее и интереснее, чем в вузе. В Баку или Москве, не важно. При том, что состоятельные семьи готовы были платить огромные деньги за обучение в нашей школе, но учились только те, кто проходил строгий отбор вступительных экзаменов. Поэтому работать с такими детьми для педагога – счастье. Испытываешь прилив сил от сознания того, что делается большое и важное дело. Конкретный пример, 9-классник Анар М. просил меня разъяснить ряд проблемных тем ядерной физики. Разумеется, академик интересовался в первую очередь такими учениками и в данном конкретном случае мы помогли определиться мальчику с вузом, курировали все годы обучения в вузе, в результате, Анар состоялся как первоклассный физик. Академик требовал от каждого ученика составление индивидуального плана развития, независимый от вузовской программы. Это важный момент: студент или выпускник вуза на всех этапах обучения и формирования обращается за помощью к педагогам лицея, осознает себя частью школы. Академик говорил педагогам о необходимости читать междисциплинарные лекции, кроме него такие лекции читал я и еще несколько лекторов. В гуманитарном отделении изучали математику, физику, а в отделении с математическим уклоном ребята слушали цикл лекций по истории искусства.

Академик постоянно организовывал мастер-класс выдающихся ученых для учеников школы. Сам читал лекции в лицее, несмотря на сверхзагруженность. Школа процветала и стала событием, великолепно опровергая блестящими успехами учеников ставку на ЕГЭ. К сожалению, на смену директору лицея Беньямина пришел другой человек, привел с собой своих педагогов и академик вынужден был со своим составом перебазироваться в другое место. Костяк, фундамент бакинского клуба «Что? Где? Когда?» составляют выпускники школы Мирзаджанзаде.

Врач-онколог **Нурмамед Рагимов:**

«Мой отец академик Р.Рагимов был долгие годы дружен с Мирзаджанзаде, я расскажу о нашей встрече с ним в доме моего отца. Мне 20 лет, я студент медицинского института, Азад муаллим задал мне вопрос: «С какого момента начинается воспитание ребенка». Ответ мой: «С первых месяцев беременности» заинтересовал, и с этого момента на этой встрече и на всех остальных он разговаривал со мной так, как будто решается судьба цивилизации, мы с ним вдвоем решаем направление развития эволюции, не меньше. Я – последняя надежда на выздоровление планеты. Это было необычно и включало юношу на все сто. Отвечать надо было так, чтобы ему было интересно продолжать общение. Академик терпеть не мог серость во всех ее проявлениях. В студенте третьего курса его интересовали не только включенность, эрудиция, владение знаниями. Знакомые студенты-азишники мне рассказывали, что после даже недолгого диалога с Мирзаджанзаде, сутки спали глубоким сном. Сверхнапряжение.

Итак, беседа, в которой ставятся глобальные проблемы. Он изучал причины (или первопричины с философской точки зрения) выдающихся достижений прежде никому не известных ученых. Эрудитов встречал я много, но такого мастерского владения своей эрудицией, как у А.Мирзаджанзаде, не встречал больше ни у кого. С физиками о физиках, с музыкантами о музыкантах, с врачами о медицине....

Сотни военных врачей принимали участие в войне на Кавказе.

Что отличало Пирогова от них? – задавал вопрос академик врачам, и сам же отвечал: *«Пирогов называл войну травматической эпидемией. Благодаря наблюдениям за медперсоналом в состоянии паники в ходе массовых поступлений раненых во время Крымской войны 1853 года практически с нуля создал современную военно-полевую медицину. После боя идет огромный поток раненых, медперсонал в состоянии стресса делает массу ошибок, гибнут люди, которых можно было спасти. Наблюдения приводят Пирогова к мысли о необходимости сортировки раненых. Среди десятков военных врачей только Пирогов вышел на тот уровень наблюдений, благодаря которому стресс, метания, отчаяние и масса ошибок медперсонала были ликвидированы внедрением метода сортировки раненых. Так были спасены тысячи жизней».* Позднее, после нашего разговора я прочитал, что Пирогов делает вывод из наблюдений за людьми в состоянии стресса и паники: «Не операции, спешно произведенные, а правильно организованный за ранеными уход, и сберегательное (то есть оперативно оказанная медпомощь) лечение должны быть главными целями на театре войны».

Академик требовал от каждого, вступающего с ним в диалог, точно такого же пироговского отношения к жизни, работе. Подкреплял словами Бальзака о таких, как Пирогов: «Гений есть величайшая наблюдательность». Есть очень много людей, знающих, что встреча с академиком сделала их хоть чуть Пироговым – если это врачи. Если музыканты – то лучше понимать, как формируют себя великие композиторы, если физики – то как мыслил Эйнштейн на стадии формирования теории относительности. Он вел беседу с каждым молодым человеком так, будто тому предстоит совершить нечто, равное достижениям Эйнштейна, Верди и Пирогова. И поэтому собеседник должен знать, как корифеи становятся корифеями на фоне хаоса, стресса, метаний миллионов тех, чей каждый день всего лишь точная копия дня вчерашнего. В центре внимания академика – процесс формирования из молодого ученого, врача или художника классного эксперта. Всегда удивлялся, почему нет курса лекций по исследованию этапов формирования ученого или музыканта.

«Ваше дело, молодой человек, заинтересовать собой, – говорил академик. – Если кто-то вами заинтересовался – вцепитесь в него».

Я думал, что речь идет о руководителе. Но далее академик говорил: *«Это не всегда учитель, а ваш школьный или институтский друг. Вдвоем по жизни и идите. Дружба – поиск темы, взаимопомощь, но и соревнование».*

Сам академик шел по жизни с академиками Колмогоровым, Раушенбахом...

Постоянный поиск отзывчивых на неожиданные идеи, как он сам, эмоционально воспринимающих искусство. Находясь под острым впечатлением от только что прослушанной музыки, он мог заново пересмотреть работу коллеги или ученика и найти интересное развитие темы в казалась бы законченной диссертации. Коллеги не раз отмечали, вроде бы все гладко, и вроде бы уже мастер вынес заключение: работа завершена, готова к защите. Но вот под впечатлением концерта, спектакля он заново читает и вносит неожиданную динамику, новые идеи, обогащает, казалось, завершенную работу.

Отсюда – стремление убедить коллег, студентов развивать эмоциональное восприятие, ставить проблемы и решать их в состоянии эмоционального подъема. Отсюда истоки «диктатуры» академика: будущие инженеры обязаны изучать искусство. Особенно, если испытывают глубочайшее неприятие классической музыки. Не менее интересной может стать попытка преодолеть непонимание вершин, например, Моцарта или Рембранта.

«Искусство интеллектуально, – говорил академик. – Все во имя цели – держать эмоциональный мозг в напряжении. Люди не отзывчивые, как правило, не развивают эмоциональный мозг, и в творческом отношении в лучшем случае они – люди одной идеи. Низкая восприимчивость имеет следствием неспособность ставить масштабные задачи и создавать научные школы. Все выдающиеся математики, физики как правило чрезвычайно эмоционально восприимчивые люди. Зачем идти далеко – Ландау».

Держать эмоциональный мозг в напряжении, как Азад Халилович держал в напряжении техническую и гуманитарную элиту Баку. Рядом с ним нельзя быть дилетантом, и при этом претендовать на роль арбитра, эксперта. По простой причине: не получится скрыть от специалистов собственную профнегодность, несостоятельность. Его враги были очень дружны, они четко знали – рядом с ним никто не заметит ни их трудов, ни их самих. Будь они трижды доктора каких-то наук. Никакие маски не пойдут.

Доктор исторических наук, археолог Гошгар Гошгарлы:

«Как академик подбирал кадры для своей школы? Я выступил на коллегии Президиума Академии наук и заявил, что НИИ археологии должен перестроить свою работу. Больше уделять охране памятников для исследователей следующего поколения, когда археология выйдет на более качественный уровень изучения найденных артефактов. Реакция руководства НИИ археологии была остро негативной, а академик Мирзаджанзаде поддержал меня и предложил преподавать историю в своем лице».

Теперь о необходимости возрождения школы Мирзаджанзаде. Прежде всего наш лицей был центром подготовки учителей. Для перевода из статуса способный ученик в статус таланта нужны выдающиеся педагоги. Неоднократно академик отмечал, в СССР очень трудно было найти учителей для гениев, их просто нигде не готовят. Сочетание гений-ученый и одновременно гений-педагог везде во все времена и во всех часовых, политических и культурных поясах приводило к ускорению исторического и культурного процесса в конкретной стране. Гигантская потребность во всех странах, и чем более в научном смысле продвинута страна, тем больше потребность в этом заветном «два в одном». Школа Мирзаджанзаде и была нацелена на создание педагога-гения гораздо больше, чем на обучение.

Их надо создавать. Педагог-гений на сегодня самая востребованная профессия в мире, особенно в странах – бывших республиках СССР, где лучшие вузы и лучшие педагоги были сконцентрированы лишь в столице, что сыграло роковую роль в истории распада страны.

Цель академика как директора школы: искать способных и ярких учителей и ученых, растить из них будущих организаторов школы для одаренных детей. Мини-

мум пять филиалов своей школы видел Азад Халилович в будущем. Две в Баку, по одной в Сумгаите, Гяндже и Ленкорани. Организация взаимодействия этих школ, обмен учителями и учениками, летние выездные сессии по городам страны. В перспективе на базе этих пяти школ создание через республиканские конкурсы по ведущим школьным предметам сети отбора талантливых педагогов и школьников.

Создание пяти таких школ станет стимулом для учителей попробовать себя в обучении и воспитании незаурядных детей. Нет ни одного талантливого или даже просто отличного учителя, который хочет работать в средней школе со средними учениками. Все хотят работать с продвинутым классом – это увлекательнее и ...легче. Такие дети настроены на получение качественного образования, тянутся к незаурядным учителям, а их родители защищают от консервативного руководства.

Пять подобных школ в стране стимулирует появление большего отряда желающих преподавать именно в таких центрах. Школа Мирзаджанзаде всегда подвергалась критике и имела гораздо больше врагов, чем мог вытерпеть невероятно загруженный ВАКом и преподаванием в вузе академик. Критики заявляли, что в Азербайджане много школ с углубленным обучением физики, математики или английского языка. Тогда зачем нам школа Мирзаджанзаде и в чем ее отличие?

Попытаюсь ответить. Долг учителя создать связь с учеником на многие годы вперед. Каждый должен с гордостью говорить «Я выпускник школы Мирзаджанзаде», что в понимании академика означает не только знак качества, но постоянство контактов выпускника со школой и стремление выпускника развивать идеи школы для новых поколений в условиях цифровой экономики. Каждый выпускник школы академика – осознает себя частью выдающейся школы. Поэтому все мои ученики звонят ко мне, общаются, хотя прошло уже 30 лет. Они стремятся продолжить наше дело и приблизиться к уровню своего наставника. Поэтому главным требованием академика было поддерживать выпускника долгие годы после окончания школы. Многих талантливых ребят первые же годы работы в качестве молодого специалиста притесняют, давят, унижают. Им не дают нагрузку, не дают перспективную тему. 30-летние приходят к учителям школы и возмущенно рассказывают о том, что их используют на 10%. Нет перспектив, нет роста, нет сложных задач, нет сильных команд, зато много бюрократии и бездарных руководителей. Всех он интересуется лишь как исполнитель. Многие хотят уехать. Слова из монолога Райкина о молодом специалисте «Забудьте все, чему учились в ваших институтах» – это на века. Но как забыть то, что ты ученик Мирзаджанзаде, ты подготовлен к решению труднейшей в условиях маленьких стран задачи. Быть выпускником школы Азад Халиловича, быть продолжателем его мечты, дела всей его жизни – создавать подлинную, настоящую элиту азербайджанского народа. Этого нельзя забыть и никто из выпускников школы не намерен забывать. Мы так их подготовили, это совершенно другой уровень и другое качество образования. В этом коренное отличие идеологии этой школы академика от любой школы с углубленным математическим или гуманитарным уклоном. Кто-то из их учеников достигают каких-то высот, но наш лицей выпускал звездные команды.

С Азад-муаллимом работать было и легко и трудно. Легко, потому что праздник на душе, мы делаем большее дело, создаем школу – матрицу для будущих школ. Легко и потому, что академик предлагал точную шкалу ценностей, благодаря чему ясна цель. Контакт с учеником и после окончания школы предавал первостепенное значение. Почему? Распад Союза, массовое бегство ученых из СССР в страны ЕС и США. Связь с учителем и своей родной школой, вы им гордитесь, помогаете советом и просто поощрением, и молодой человек приобретает уверенность. Он не одинок, родина гордится им, и он должен быть благодарным, помогать молодым. Особенно радостно помогают такие именно выпускникам своей школы, ученикам своих любимых учителей. Человек и через 30 лет помнит, школа дала ему знания и все годы помогала и гордилась его успехами, конечно, такой человек станет на чуж-

бине лидером азербайджанской диаспоры. Таким путем еврейская, армянская, грузинская диаспоры приобретают несоизмеримо большее влияние за рубежом по сравнению с другими диаспорами, в частности с нашей. Созданию научно-деловой прослойки нашей диаспоры Мирзаджанзаде придавал первостепенное значение, благодаря этим ребятам через годы учебы и работы за границей, они слетаются в альма матер и дают мастер-класс.

Доктор биологических наук **Токай Гусейнов** курировал биологические науки в годы работы академика директором ВАКа:

Почему собственно академик так упорно последние годы жизни создавал школу вундеркиндов? При своей сверхзагруженности, при гипернагрузке как директор ВАКа. Вот именно работа в качестве директора ВАКа и стала триггером. Он столкнулся с диким количеством желающих за деньги проникнуть в науку, огромным числом приспособленцев, рвущихся на теплые места в научных институтах и на кафедры университета в качестве преподавателей. Жизнь и борьба академика Мирзаджанзаде должна стать предметом исследования, так как опыт академика – это предупреждение. Главная опасность для любого небольшого государства – псевдоэлита. Мы все убедились в этом в годы правления Народного фронта: хаос, беспомощность, деградация экономики и культуры. Единственная поддержка академику – это Гейдар Алиев, который отлично знал, что уровень претенциозности псевдоэлиты в прямой зависимости от уровня бездарности и наглости этой группы, на самом деле гораздо более опасной, чем «пятая колонна».

Слишком много вреда нанесла нашей родине и народу его самый лютей враг – псевдоэлита. Все годы по окончании вуза и до последнего этапа жизни академик боролся, вел беспощадную войну с ложной элитой, с людьми, разными путями, связями и деньгами пробравшимися в науку, педагогику и бюрократический аппарат.

Эльдар Алмамедов (Москва):

«У академика было великолепное чувство юмора, как и все в нем – нестандартное. Мой отец был одним из самых близких его друзей, так что я знал Азада Халиловича с детства, он часто бывал у нас дома, преподавал мне в институте, мы часто беседовали с ним. Как-то я заговорил об одном педагоге-консерваторе Н.А. из нашего института. Мирзаджанзаде его хорошо знал. Охотно включился и спросил: *«Что происходит с ученым, когда он начинает думать, что он авторитет? Он теряет способность открывать. Теперь он охраняет свои труды, свою позицию, теорию. Его теории и труды нельзя пересматривать. Только развивать его идеи, конечно, под его руководством, создавать, так сказать, свой монумент. Много таких монументов ходит по коридорам нашей Академии. Нельзя пересматривать – черт с ним, но самое опасное, такие требуют от подчиненных поклонения и развития его темы, даже если она сворована из западных источников. Выгоняет и преследует ярких и непослушных. Ненависть к ним превращает его во врага науки. Допускает в науку, в педагогику, экономику, в управление только своих рабов. Так погибает государство. Я говорю о компартии на данном этапе. А ты думал, я о таком ничтожестве, как этот Н. А.? Такие просто повторяют тактику компартии».*

Важно отметить, беседа проходила в 1980 году.

За нами Азад Халилович. С таким праздничным ощущением живу я, и уверен, живут сейчас сотни учеников академика. Пусть и прошло с момента их сотрудничества 30 или 40 лет. Это ощущение остается на всю жизнь и имеет очень много плодотворных последствий. Самое главное, что есть у выпускника, осознание – за мной такая фигура, такая персона в науке, как Мирзаджанзаде. Человек уверен в себе и требует от себя быть достойным наставника. Это значит, быть экспертом в своей области, быть продолжателем.

Что отличает учеников академика от других выпускников? Логическое/четкое мышление, что позволяет быстро принять предлагаемые условия и, создавая плодотворное магнитное поле вокруг себя, собрать эффективную команду. Верно распределять роли и оценивать потенциал каждого, помня, что один из заветов наставника – успех каждого зависит от верного распределения задач и этим должны заняться вы. Азад Халилович был великолепным режиссером, многие наставники могут увидеть потенциал в 17-летнем пареньке, но единицы умеют создать условия для его развития до уровня зрелого специалиста. Его ученики нарасхват, они умеют верно оценить ситуацию и принимать верные решения. Делать качественный анализ проекта, команды, корпорации, экономики страны в целом, обладают стратегическим мышлением.

Основной идеей Мирзаджанзаде был девиз: «Вся власть экспертам».

Ни одно государство не может процветать и даже существовать без управления экспертами, без их влияния на управление государством и обществом.

В чем суть ностальгии учеников по наставнику? Сам факт пребывания в этом вузе, в этом городе чистого, «беспримесного» ученого-классика давал стимул и желание сравняться с этой вершиной.

Стоило только гению сказать коллеге или студенту: «Я жду от вас» и вся жизнь подчинялась этому окрыляющему призыву и требованию «Вы должны состояться». И тогда даже не верящие в себя приобретали силу и окрыленности от искренней поддержки большого ученого.

Мирзаджанзаде отмечал это очень интересное качество: волевые личности – окрыленные. Стоит поставить на крыло – и даже люди, прежде не активные, приобретают качества волевой личности и новатора, инициатора. В основе абсолютная вера в наставника – академик не мог ошибиться. Увидел во мне нечто, чего никто не видит. До распада СССР поощрение Мирзаджанзаде воспринималось как персональное благословение. Грамотные специалисты, а не функционеры, назначенные ЦК КП, должны иметь определяющее влияние на планирование, на формирование и исполнение стоящих перед страной, обществом и нацией задач.

Еще в 1980 году академик настаивал на том, чтобы кадры для управления в промышленных регионах, тем более в нефтедобывающих, таких как Татарстан, Азербайджан, Башкирия должны формироваться в нефтяных вузах. Для чего эти вузы должны иметь кафедры гуманитарные, а также развития инфраструктуры и прогнозирования. Будущее страны – это правление экспертов, возвращение к истокам. Правление экспертов, а не партии. Китайская модель, при которой партия лишь следует за трендами, которые формируют эксперты. В продвижении этой идеологии со стороны Мирзаджанзаде выражался открытый протест научной элиты СССР системе выживания бездарностей в политическую элиту.

Избежать горькой участи страны-банкрота можно при условии, если по словам академика Льва Зеленого центр компетенции будет совпадать с центром управления, иначе система не работает.

Археолог Гошгар Гошгарлы:

«Все годы обучения в лицее велось изучение перспективности ученика как создателя своей темы, направления. Мы создавали лидеров, в этом причина активного сопротивления псевдоэлиты. Академик создавал конкурента, сильного и гибкого, умеющего сокрушать изящно и остроумно. Тот, кто не видит борьбу двух элит в экономике и управлении страной – скорее делает вид, что ее нет».

Неоднократно спрашивали у академика: «Почему вы не уезжаете?». Его приглашали в Москву и Уфу. Но он не уезжал, хотя задыхался и было тяжело и трудно, особенно, когда стал директором ВАКа и попав в окружение сотен назойливых дилетантов с их жалкими потугами приобрести звание и должности. Почему остался? Баку, один из пяти крупнейших городов СССР – кипящих котлов генетического и культуро-

логического разнообразия. Среди его учеников технари и гуманитарии, деятели театра и кино, литераторы и актеры, художники, музыканты и дизайнеры. Он был не просто бакинец, а продолжатель традиции бакинства в понимании учителя. Ученики Азад Халиловича люди разных возрастов и национальностей воспринимают себя как продолжателей школы и стиля Мирзаджанзаде. Они объединены именно его пониманием Баку. Татары, башкиры, узбеки, азербайджанцы, лезгины, армяне, евреи, ташиши, русские... ученики академика были бы удивлены, если кого-то из них попытаются отдалить от школы академика по национальному признаку. Это было бы грубейшим нарушением базового принципа академика. Такой подход очень плодотворен: каждый из круга академика, в какой бы стране ни жил, стремится быть замеченным своими коллегами и друзьями – учениками Мирзаджанзаде. Поэтому проводят конференции в память об учителе, где проходит сверка достижений, оценка производится по гамбургскому счету. Приобщение наставником каждого из минимум трех тысяч ныне живущих специалистов по его методике, тем более после его ухода, делает каждого из учеников интересным продолжателем дела академика А.Мирзаджанзаде.

Доктор медицинских наук, психиатр **Агабек Султанов:**

«1978 год. Наша с ним беседа – импровизация на широкий круг тем. От неврозов до коррупции и фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Остро заинтересовала академика тема о влиянии стресса, депрессий, неврозов на снижение работоспособности. Далее его слова: *«Точнее на снижение качества решений, анализа, производства новых знаний. Барон вытянул себя из болота за волосы. Мозг миллионов занят извлечением себя из навязчивого болота требований общества».* Тут я напрягся, начиналась прогулка по лезвию ножа. *«Радость преодоления. Нет более праздничного состояния, чем извлечение себя из болота требований перспективных людей. Можно, конечно, извлечь волевым рывком. Но открытий не будет. Наслаждайся процессом извлечения себя, близких, общества в целом из будней, прозы, провалов, глупой и неуспешной системы. Средние люди самые опасные. Знают, что им не удалось подняться, вытащить себя. И каждый втайне переживает то, что врачи называют депрессией. А я бы назвал неврозом несостоятельности...»* «Великолепная находка», – был мой ответ, Азад Халилович продолжил: *«...он пожирает особенно сильно, когда рядом видят яркие личности, настоящих ученых. Невроз несостоятельности очень распространенное явление среди нашей интеллигенции. Есть всего один метод лечения – создать что-то настоящее, оригинальное, новое слово. Так как это не дано средним, то лечением для них становится процесс выдавливания настоящих ученых и деятелей искусства. Лично я понимаю своих врагов. Я им сочувствую. Другого им не дано. Барон мне близок, испытываю упоение в битве с несостоятельной системой. Она затягивает каждого из нас в свое болото».* Повторяю, наша беседа состоялась в 1978 году, на пике блаженного застоя. *«Наслаждение преодолением, – продолжал Мирзаджанзаде, – единственное средство профилактики от любой формы невроза, депрессии и деменции. Переиграть бездарных, чиновников от науки, их провинциальный уровень, свое неверие в себя... Каждый из нас этим занимается и преподает на своих кафедрах. Этим должен заниматься каждый настоящий ученый. Преодоление рутинной работы в каком-то заштатном патентном бюро подарило миру теорию относительности».*

Кандидат химических наук **Гурбан Гаджиев**, ведущий сотрудник НИИ химических процессов:

«1982 год. Академик открывает курс для аспирантов по искусству. Нас было семь аспирантов, академик вел с нами беседы об искусстве, общественных науках, живописи и поэзии и о его страсти – опере. Год спустя я защитился и стал преподавать на кафедре физической химии. Наши кабинеты были рядом, мы часто встреча-

лись, беседовали. Незабываемое впечатление оставили и наши совместные командировки в Москву, часто летали одним рейсом и общение в небе было самым интенсивным и свободным, раскованным предельно. Каждая встреча с академиком была событием. Каждая встреча вдохновляла меня, и я стал писать стихи. В каждом письме невесте, она в это время училась в Москве, в стихах я писал о любви к ней. Не общая, что решился писать стихи благодаря Мирзаджанзаде. Она вернулась через год и привезла все мои письма. Убедила меня в том, что это настоящая поэзия, и я опубликовал сборник стихов. Она до сих пор убеждена, что вдохновила меня и сделала настоящим ученым и настоящим поэтом. Скрыл от нее слова академика: *«Поэзия есть исследование вдохновения, подаренного любовью»*. И верно, жена сказала мне, что в стихах я познаю феномен очарованности, изучаю состав любовного напитка. Но и после этого я не сказал ей о втором источнике моего вдохновения. Хотя, как ученый, моя жена знала и преклонялась перед академиком. Сотрудничество с таким богатым и щедрым человеком должно было сказаться и на моем творчестве как поэта. Это был духовно богатый и щедрый человек. Свою зарплату и гонорары раздавал аспирантам, актерам и певцам, художникам и поэтам. Он вдохновлял и вселял тревогу одновременно. Почему ученый лишь ученый, педагог лишь педагог, поэт лишь поэт? Почему каждый из вас ставит перед собой самоограничитель? Почему я не ставлю эту мерзкую планку, а вы ставите? Не случайно поэты, художники пробуют себя в разных направлениях, техниках. Чем за большим числом зайцев гоняется охотник, тем богаче добыча. Никто не верит, но это так. Академик знал, что он необычен, нестандартен и вдохновляюще великолепен как ученый, педагог, наставник и личность. Ни один из педагогов так себя не вел, так себя не преподносил. Коллеги о нем говорили с завистью: великий ученый и свободный человек. Он участвует в таких программах по экономике, обороне СССР, что никто не смеет слова сказать по поводу его слишком независимого образа мышления и «пагубного» воздействия на молодежь. О том, как это отрицательно сказывается на восприятии социализма и брежневского застоя со стороны студентов, аспирантов и педагогов. В завершении беседы он задавал нам новую тему, например, импрессионизм. Все семь аспирантов бежали в нашу библиотеку и готовились к новой встрече. За неделю мы узнавали о корифеях импрессионизма все, что можно было прочитать в бакинских библиотеках. Он начинал беседу и мы понимали, что мы ничего не знаем. Выслушивал всех и говорил: «Вызов, дерзость, нежелание вписаться, повторять классиков – в этом динамизм и обаяние импрессионизма. Важное сочетание – обаятельный динамизм. Стремление запечатлеть свое видение новыми методами стало стилем эпохи, привлекло внимание молодежи. Хотя картины Мане, Ренуара и многих других долго почти не продавались».

Академик любил очарованных странников. В их замыслах ни капли расчета. Но была надежда на интенсивное восприятие. Ради него годами пребывая в нищете люди творили новое видение и добились своего – создали новое восприятие. Почему так много уделял внимание изучению авангарда? Изучение импрессионистов имело целью исследование мастерства вовлечь в поиск новые поколения художников. Авангард в искусстве неминуемо провоцировал авангардизм в науке, технологиях. Вовлечение в авангардизм – теме предавал большое значение. Академик в памяти учеников остался мастером включения эмоциональной восприимчивости. Это такой заряд молодости, дерзости, который остается с человеком науки навсегда.

Академик сам был очарован азартом Пикассо, Дали, Гогена и стремился заразить аспирантов, будущих педагогов. Они обязательно передадут студенческой среде обаяние динамизма. Академик говорил о том, что и среди математиков были свои импрессионисты, Гаусс и Эйmlер, академик Колмогоров, да многие. Он сам был в этом ряду. Что есть вызов, бунт, прорыв? Свое видение, переданное оригинальными средствами. Каждая новая волна создает свою стратегию изменения в восприятии, когда

динамизм молодых начинает восприниматься как новое, свежее слово, как открытие. Импрессионизм привел в науку новое поколение физиков. Как версию предлагал нам рассмотреть вопрос: новая геометрия Эйнштейна производное импрессионизма.

По окончании беседы о Писарро, Мане и Ренуаре, он говорил: Следующая тема – пьеса «Гамлет». И с Шекспиром та же история. Нам казалось, что мы изучили «Гамлета» глубже всех английских исследователей. Но на занятиях академик раскрывал нам совершенно с неожиданной стороны досконально изученного нами «Гамлета». Требовал, настаивал: не думай ожидаемо, наука и искусство непредсказуемы, пусть ты не прав, но предлагаемая версия волнует, интригует, требует исследования. Путь к успеху равен успеху, если увлекает многих. Беседы с нами напоминают его книги: приведено множество интересных сведений, кунсткамера. Цель – зацепить, привлечь внимание, заинтриговать технарей и гуманитариев. Как академик обосновывал свое требование к студентам технического вуза быть культурными во всех отношениях людьми? Ученый должен быть творчески развивающимся человеком. Для этого он должен знать, как развивался талант, например, Гете или Льва Толстого. За людьми искусства следят, выявляют этапы. За учеными – нет, мы не знаем этапов формирования даже знаменитостей. Почему следом за «Преступлением и наказанием» Достоевский пишет «Братья Карамазовы»? Как из одного этапа творчества вытекает следующее исследование? В том, что Верди или Шекспир были учеными, он не сомневался ни на минуту. Не верите, что это органика? Вот вам пример – Омар Хайям, Ибн Сина, Ибн аль Араби... Почему именно в период мусульманского Ренессанса расцвел феномен гармоничной личности и почему феномен системно изучался?

Говорил мне: «Неудивительно, что будущий сотрудник НИИ химических процессов пишет стихи – органика. Противоестественно, если бы ты не писал стихи и одновременно не писал монографию по химии. Идет процесс осмысления своей жизни, работы. А иначе...» Приводил пример из спектакля «Ханума», где о об одном человеке герой пьесы с уважением: «Он сапожник и художник. А вот другой... тот просто сапожник».

Закон этих встреч – высказывать спорные мнения. Знаток архитектуры, он рассуждал о стилях как профи. Динамизм смены стилей в архитектуре, поэзии, живописи начался после Великой французской революции. Революция – триггер. Он сам был самым выдающимся триггером, он до сих пор им является для всех, кто сотрудничал с ним. Учил нас формировать себя и своих учеников в качестве триггера, это единственный шанс не забронзоветь. Ученый, художник в бронзе вызывает тоску. Не ищите признания, вызывайте споры, диспуты, попытки опровержения ваших теорий. Обожал вызывать на бой стандартно мыслящих. Не Петр I создал архитектурный шедевр – Петербург. Например, во времена Петра не было технологии для установки стелы на Сенной площади и установки фигуры ангела на стеле. Чтобы оппонировать академику, надо было глубоко изучить уровень архитектуры того времени. Вместо подготовки к защите диссертации мы бросались в библиотеки, чтобы опротестовать «вздорные» позиции нашего наставника. Тысячу раз спасибо ему за эту науку уметь держать учеников, студентов в напряжении. Отличный ход, ну нет для аспиранта или студента-эрудита большего наслаждения, чем «подловить» педагога.

Хочу рассказать о атмосфере АЗИНХима в 1970-80-х. О той среде, благодаря которой расцветают такие таланты, как Азад Халилович. Мой учитель Малик Рамазан-заде кудесничал в аудитории № 522, где ставил очень эффектные эксперименты и на глазах студентов творилась волшебство под названием химия. Очень много незаурядных педагогов, фантастически роскошная личность Пузыревского. Да сам ректор Исмаил Ибрагимов, мы боялись его до ужаса, а человек интересный, сложный. Поздний вечер, «Почему не идешь домой?» – спросил у одной лаборантки. Отвечает ему: «Две комнаты, сын привел молодую жену, невестка очень агрессивная, сын между двух огней, и матери жалко смотреть на него». Ректор выбил ей квартиру, причем

рядом с метро. Отличный лектор Тофик Алхазов: лекции живые, интересные, насыщенные. Я учился у Алхазова и у академика, сравнивал их, уверен, все студенты сравнивали. Выбор кумиров – праздник, счастливое состояние выбора. В годы моего студенчества наш институт был полон легенд и легендарных личностей.

Дилетантам объяснял причину создания курсов по искусству для аспирантов так: «Ученый должен быть разносторонним культурным человеком». Аспирантам и студентам преподносил иначе: «Все, кто разбирается в математике поймут меня сразу. Представьте себе аудиторию, где Лаплас или Гаусс мелом творят на доске доказательство какой-то теоремы. В зале специалисты, восхищенно наблюдающие за тем, как гений «рисует» великолепную картину. Специалисты получают эстетическое удовольствие от «картины» мастера от постановки проблемы и метода ее решения. Он открыл оригинальный способ решения сложной проблемы, оригинальность ходов математиков – шахматистов и создает красивую – для специалистов – картину. Доказать красиво, переиграть красиво, убедить красиво. Ученый подобен художнику, формулами рисуя свою интерпретацию темы. Поэтому мы должны изучать секреты мастеров».

Академик рассказывал о своих учителях, о наслаждении им испытанном наблюдая как корифеи на его глазах рисуют свои гениальные картины-озарения. А он наблюдал гениальных математиков – художников: Александров, Гинзбург... «Почему я веду курс по искусству для аспирантов? – говорил Азад Халилович. – Искусство позволяет развивать восприимчивость, расширять поле получаемых вами импульсов. Позволяет уйти от узости даже высокоспециализированных людей. Важно не только присутствовать в аудитории, когда великие создают свои шедевры. Но и уметь передать переживаемое восхищение своим ученикам». Романтическое преподнесение науки в его исполнении производило завораживающее впечатление. Мы слушали его в состоянии максимальной включенности. Именно в тот период я интенсивно разрабатывал свою тему как химик и писал стихи. Мне не казалось, что надо выбирать между наукой и поэзией. После общения с Мирзаджанзаде нельзя было не жить интенсивной жизнью. Моя невеста отмечала, что мои стихи о любви стали интересней, индивидуальнее.

Академик сам был очарован азартными триггерами и стремился передать свое восхищение аспирантам, будущим ученым и педагогам. Они обязательно передадут студенческой среде обаяние динамизма.

Единственная поддержка академика – Гейдар Алиев.

Если в других республиках на руководителей ВАКа писали десяток другой недовольных авторов никому ненужных диссертаций, то на Мирзика писали сотни ежегодно. Что самое интересное в отдельные годы писали коллективные воззвания за подписью двухсот авторов, умоляющих парламент, Минобразования, Академию наук, кабмин, президентский аппарат и лично президента снять с поста директора ВАКа душителя азербайджанской науки академика Мирзаджанзаде. Писали не только какие-то там авторы диссертаций, а целые коллективы институтов, кафедр и лабораторий.

Гейдар Алиев неизменно выступал на стороне академика, прекрасно осознавая, какую опасность представляют для страны псевдоученые.

Борис Аранович (США):

«Лекции Мирзика были спектаклем потрясающего, умеющего держать зал в напряжении от начала и до конца мастера. Океан новизны, блеска и очень важного для каждого молодого человека праздничного состояния – в твоём городе живет человек, превративший наискущнейший предмет в магию, в волшебство фантастических импровизаций. Он повел нас за собой в поразительный мир, где каждого ждут открытия и победы, если человек вслед за Азадом Халиловичем увидит берег океана из чудесных ньютоновских камешков. Лекции академика воспринимались нами, пер-

вокурсниками как выступления мага, ученого, волшебника, сказочника и фантаста. Ни малейшего напряжения, усталости не испытывал ни лектор, ни слушатели. Из лекции мы выходили очарованными, изумленными, совершенно другими. Кардинально иное восприятие себя, своего места в жизни, науки, города, страны в целом. Перед тобой море возможностей реализоваться, даже есть шанс стать когда-нибудь ассистентом мага и волшебника, который только что выступал перед студентами. Это была революция, мгновенный переход от стереотипного школьного набора информационных блоков в большой и сложный мир, в котором теперь мы должны были искать себя.

Маг и волшебник, реинкарнация физика и писателя – он вежливо столкнул нависшую Алису в чудесный и коварный мир, где бездарностью быть крайне опасно, не сносить головы, раз уж вы сами говорите, что она вам не больно нужна. Мирзаджанзаде блестящее воплощение эпохи «шестидесятников» – времени избавления от казарменного социализма и вхождения в чудесный мир свободы.

О чести стать ассистентом волшебника стали мечтать многие, у кого получилось – те состоялись и как ученые и как личности. Ни одному слушателю лекций академика не пришло в голову банальное – это все блажь добродушного профессора. Позднее узнали, к способным студентам Азад муаллим был требователен и строг; чем более талантлив юноша, тем строже к нему относился наставник. Добродушен он был как раз к бездарным и посредственным. Что с них взять?

Студенты в один голос: Азад Халилович – сам масштаб и требовал от нас того же. Девиз академика: «Требуйте от себя. Не бояться стать личностью: масштабно мыслить, дерзить, фантазировать и претендовать». Судьба каждого его ученика, как спеца и личности, сложилась в прямой зависимости от того, как рано юноша усвоил послание Мирзаджанзаде. Каждая его лекция воспринималась именно как послание, и от того, насколько вы допускали в себя послание Мирзаджанзаде в каком объеме осмеливались повторить путь наставника складывалась в дальнейшем судьба выпускника.

Годы спустя после ухода из жизни академика ученики все как один говорили: нужен тот, кто задает молодежи сложные задания и дальние цели. Масштабирует молодых людей. Отсюда упорство учеников в изучении наставника.

Изучение есть первый этап воссоздания. Всю свою жизнь А.Мирзаджанзаде вопреки бешеному сопротивлению – явному и тайному готовил, обучал, вдохновлял на сложную миссию молодых людей – стать со временем отличным экспертом, авторитетом в своей профессии. Речь идет далеко не только о технарях.

Его лекции – это и физика, история, поэзия, генетика, живопись, архитектура... Дидро, Вольтер, Мане, Шекспир, Эйнштейн, да Винчи и Моцарт... Оказывается, они все выдающиеся математики и физики. Точно также, как Пифагор, Архимед, Лаплас, Максвелл – поэты и музыканты. Он читает лекцию и происходит следующее: двести парней и девушек оказываются вдруг в кротовой норе, и человек абсолютно неподготовленный средней школой, оказывался в мире, где надо быть незаурядностью. Там средним и никаким отсекают голову самым наглым и бесцеремонным образом. И через 40 лет все ученики Мирзаджанзаде помнят импровизации математика-волшебника. Естественно все они требуют от города такого же наставника для своих детей, каким был их учитель.

Мы выиграли войну, теперь должны выиграть мир. После каждой войны начинается соревнование экономик, социально-общественных моделей развития. Начинается соревнование в экономике, спорте, науке, образовании... Отсюда потребность в А.Мирзаджанзаде как творце настоящей элиты в культуре и науке, без которой соревнование не выиграть и мир будет шатким, лишь передышкой перед очередной войной.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

БАКСОВЕТ ПРИ ЛЕМБЕРАНСКОМ

Придя в это утро на работу, я неожиданно увидел на парадном входе скромное объявление, гласящее, что в 10:00 в Актовом Зале состоится встреча Председателя Бакгорисполкома тов. А. Лемберанского с коллективом работников исполкома.

Как? Сам мэр (этот иностранный синоним только входил в моду) столицы Азербайджана пожелал внеочередную встречу со своими служащими. Что послужило поводом для этого сюрприза интересовало меня меньше, чем соблазнительная возможность легально посачковать на глазах у моего руководства Управления Капитального строительства БГИ, где я проработал только две недели.

Все эти письма, проекты, заявки, расчеты были, конечно, не для меня, ещё молодого парня, всего два года назад вернувшегося со службы в армии.

Но здесь была великолепная возможность выполнять домашние задания по учебе на вечернем отделении в АЗИИ, да и жил я неподалёку в начале улицы Мухтадыра, куда я мог сбегать на перерыв. Доходило до того, что я даже чертил здесь курсовые проекты.

Мой начальник (нас в отделе оборудования было 3 человека), отставной полковник, неодобрительно смотрел на мои, тогда демократические, новшества, но, учитывая, что вся работа лежала на моих ещё юношеских плечах, делал вид, что ничего не видит, обволакивая нас (меня и сослуживца) густым, никогда не убывающим табачным дымом.

Вы ж понимаете, что выдерживали мы, оба некурящие граждане. Экс-полковник, очевидно, видел это, но сочувствия не проявлял. Второй сотрудник, капитан в отставке и пенсионер в возрасте 70 лет, – был старый большевик (с 1918 года).

Он довольно откровенно делился воспоминаниями о своем непосредственном участии в установлении советской власти в Баку.

С присущим ему юмором (он был еврей), он рассказывал, что услышав о большевистских беспорядках в городе, он поспешил на помощь соратникам по борьбе, и поскольку мужик он был крепкий, то надеялся тоже слегка поучаствовать в потасовке. Выехав из Сураханы, где он жил, на арбе, запряженной ишаком, он, по его словам доплелся до Баку как раз, когда все было закончено. Тем не менее, ему было зачтено его добросовестное стремление к революционным переменам. В дальнейшем он 30 лет прослужил директором какого-то завода.

Дотошный читатель может спросить: «как же меня приняли в такое уважаемое учреждение без образования?» Вот я и отвечаю, что я уже имел диплом техника, что давало мне право занимать должность техника на 75 рублей. Согласен с вами – деньги небольшие, и обзаводиться семьей было рискованным предприятием, почему я пока чудом и воздерживался от этого рискованного мероприятия.

Пока эти два отставника «шпилили» в затяжной перерыв в нарды, я нес на грузку отдела. Но я был доволен таким положением: моё трудолюбие ценили и не тебали по мелочам.

Но пора вернуться в Актовый, а вернее, в Зал Заседаний Баксовета.

Я успел занять центральное место в 5-м ряду и, пристроившись за крепко сбитым начальником, собирался уютно вздремнуть (ложился я после занятий поздно и всегда, повинувшись привычке солдата, готов был к этому времяпровождению).

Алиш Джамилевич, бодрый и сияющий, появился без всякой помпы с большой и внушительной папкой. Я, как и все, заинтригованно не отводил от неё взгляда.

Пришлось на ходу пересмотреть свой план в сторону бодрствования.

Мэр, боясь возникшей паники в связи с внезапностью собрания, сразу же приступил к объяснению причин экстренного сбора.

Оказывается, «отец» нашего города только что вернулся из США, где он находился с визитом по приглашению мэра Нью Йорка.

По тем временам это был феноменальный случай.

Во-первых, что советский мэр был приглашен в Америку, во-вторых, что выбор пал на наш Баку и в-третьих, что именно по этому поводу глава горисполкома собрал своих служащих, чтобы поделиться своими впечатлениями. Обычно руководство, считая себя не от мира сего, выезжало и возвращалось под большим секретом, а чтобы ещё и рассказать – это было за гранью фантастики.

А вот Алиш Джамилевич не побоялся встретиться с такой большой аудиторией. Рассказывать он начал с самого начала, т.е. с «вешалки», а если точнее, с полета в «Боинге». Он подробно и с юмором остановился на авиасервисе.

И как он мог неограниченно попивать виски, и как ему подали одеяло и домашники, и как стюардесса смотрела именно на него влюбленными глазами.

Он так непринужденно и живо рассказывал, что нам казалось, что и мы, все слушатели, летели вместе с ним, участвовали с ним на приемах, катались на шикарных автомобилях, отвечали на заковыристые вопросы журналистов, давали чаевые в ресторанах, вытягивали заправленные под матрас одеяла, как у них принято, чтоб лечь в постель в гостинице, и даже нажимали кнопку бачка (извините) в туалете номера.

Больше всего его поражал сервис обслуживающего персонала. Они готовы были исполнить любую прихоть советского мэра, как если бы он был, по крайней мере, президент страны. Мне даже кажется, что дружеское расположение Алиша Джамилевича к аудитории было позаимствовано им из этого необычного общения. Свои приключения в «запятой стране капитализма», он преподнес как увлекательное шоу в дружественной стране Варшавского Договора.

Отдельные моменты он иллюстрировал документальными фотографиями, которые молниеносно расходились по залу, и я подозреваю, что вернулись они к нему уже в меньшем количестве. (Сейчас я упрекаю себя в своей юношеской щепетильности – имел бы я сегодня сувенир от самого Лемберанского)

Мне запомнилась фотография какого-то местного приема, где Алиш Джамилевич, несмотря на свои небольшие габариты, находится в центре внимания среди высоких и статных фигур американцев. Судя по их расплывшимся и довольным физиономиям, он, очевидно, рассказал им анекдот о Молле Насреддине и его ишке.

Помню снимок, где он произносит тост, видимо, в честь мэра Нью Йорка, если не ошибаюсь, г-на Вагнера. И здесь он выглядит уже своим в доску «буржуем».

Наверное, его новые американские друзья были здорово удивлены такой не плакатной внешностью советского «злодея»-коммуниста. Оттого и дружелюбное отношение к «своему» бизнесмену.

Мы были заморожены не столько необычностью рассказа, все равно он был за пределами нашего советского восприятия, как бы сказка о Золушке, сколько неординарной культурой общения, казалось бы, «закоренелого бюрократа».

Закончив свое повествование, Алиш Джамилевич затем ответил на многочисленные вопросы слушателей аудитории.

Встреча заняла около 3-х часов, но вся эта доброжелательная атмосфера осталась в памяти, как светлый луч в темном царстве хамства и произвола тогдашних начальников.

Встреча с мэром убедила меня в том, что будь побольше таких лидеров, не отдали бы мы так легко наш огромный и нелепый своими бездарными руководителями Советский Союз.

Ещё раз так близко я встретился с Лемберанским спустя 23 года. Он, после руководства Совета Министров, находился уже на пенсии. Седой и осунувшийся, он одиноко стоял возле горящего Театра Оперы и Балета. Вокруг деловито сновали по-

жарные с пустыми, без воды, шлангами. О чем он думал в тот момент, этот «динозавр» строительства нового Баку...

Ведь его поездка в Америку действительно заставила обновить мышление архитекторов города. Началась реконструкция и преобразование по западному образцу улиц, скверов, парков и даже уличных светильников. Вносилась свежесть цветовой мозаики в бордюры, мостовые плиты, в изящество уличных скамеек и навесов на остановках городского транспорта. «Революция» снесла традиционные заборы в многочисленных скверах, открыв горожанам свободный доступ для отдыха под кронами деревьев. Строились интересные своей архитектурой современные здания общественного значения, подземные переходы, открылись первые станции метро.

А что же герой очерка – служащий Бакгорисполкома?

С гордостью могу доложить современникам, что весь коллектив нашего управления, как заказчик всех этих начинаний, нес основную нагрузку по координации проектирования, финансирования и строительства вышеперечисленных преобразований. Автор очерка заказывал лифты и трансформаторы, насосы и отопительные котлы, электроматериалы и многое другое для застройки высотных зданий вокруг Дома правительства, микрорайонов, 3-ей очереди Бакканализации и всех сооружений, построенных уже много позже.

В скором времени я внес своему начальнику оригинальное предложение, которое заключалось в элементарном перемещении меня на должность инженера (самому ему такая идея никогда бы не пришла в его полковничью голову. К тому же, я уже заканчивал АЗИИ). Справедливости ради надо отметить, что заядлый любитель нардов поддержал меня в этом эксперименте.

3 месяца шла упорная борьба с противодействием главного инженера, умышленно «терявшего» ходатайство моего начальника отдела, мотивируя отсутствием у меня на тот момент диплома инженера.

На 4-ом месяце, я подвел шефа прямо к дверям руководства и попросил без резолюции не возвращаться.

Вот тут-то мой благодетель и воспользовался своим «железным кредо» секретаря парторганизации и, очевидно, принудил «главного» сдаться. Но уже через год я понял, что перспектива дальнейшего роста здесь ограничена – это мой потолок. И тогда я ушел на производство.

Но парадокс состоял в том, что уже через год туда поступила на работу моя будущая жена, которую я встретил только через пару лет.

Останься я там, получил бы свое счастье намного раньше.

Так судьба посмеялась над моей поспешностью.

Вот мы с женой и являемся питомцами нашего гнезда – Баксовета.

Будучи в Баку, во время моего визита из Америки, мы с супругой, гуляя однажды вечером по городу, решили заглянуть в родное здание.

Как ни странно, но полицейские благожелательно встретили нас и даже разрешили зайти внутрь.

Так, через 40 лет мы снова встретились с воспоминаниями о выдающемся администраторе города Алишем Лемберанским.

Однако, к сожалению, Баку не слишком активно отдает дань памяти своему выдающемуся мэру. Кроме небольшого барельефа на стене дома в Баку, где жил Алиш Лемберанский, ни скульпторы, ни администраторы города до сих пор не увековечили неповторимые дела лучшего мэра нашего города.

МУЗЫКА ФРАНГИЗ АЛИЗАДЕ:

Величие силы чувств и страстной увлеченности

Композитор мирового масштаба, произведения которого играют лучшие музыканты мира, посвящаются фестивали, чьим именем назван швейцарский квартет, единственный в Азербайджане обладатель титула ЮНЕСКО «Артист мира», народная артистка Азербайджана, профессор, председатель Союза композиторов, художественный руководитель ряда масштабных проектов, член жюри престижных международных конкурсов – все столь почетные звания по праву принадлежат Франгиз Ализаде, легенде Музыкального мира, чье творчество является одним из символов современного музыкального искусства.

Каждый год 28 мая музыканты многих стран поздравляют нашего замечательного композитора с днем рождения ...

В этому году 28 мая в праздничный для всего Азербайджана День Республики, мы – почитатели таланта Франгиз ханым – с искренним уважением поздравили ее с днем рождения и пожелали всего наилучшего как в предстоящем году, так и всегда, самого доброго и красивого, многих счастливых дней и радостных событий!!!

... Премьера произведения народной артистки Азербайджана, Артиста мира ЮНЕСКО Франгиз Ализаде «Пассионы Насими» прошла в Амстердаме. Amsterdam Royal Concertgebouw – одна из престижных европейских организаций, которая, начиная с 2000 года, претворяет в жизнь эмонументальные проекты, посвященные различным мировым религиям, заказывала произведения выдающимся композиторам современности, заказала Passion азербайджанскому композитору... до него уже звучали православный, католический. Это было в 2015 году, тогда на повестке дня встал вопрос о том, кто может создать музыкальное произведение, посвященное Исламу, и, к чести Азербайджана, у авторов проекта даже не возникло сомнений о выборе композитора, мнение было единогласным: Франгиз Ализаде! Представитель азербайджанской композиторской школы и исламской культуры, она была тем самым автором, которому по дарованию и профессионализму было возможным справиться с этой, без преувеличения, колоссальной задачей. «Единственный представитель музыкального мусульманского Востока, добившийся столь впечатляющих успехов в сфере современной классической музыки. Своим искусством она властвует над умами и сердцами сдержанных в проявлении чувств европейцев», – отмечено в биографической брошюре Ф. Ализаде, выпущенной издательством Hans Sikorski более 20 лет назад. Так зародились ее «Пассионы»...

С выбором героя она не колебалась. Имадеддин Насими. Азербайджанский гений – поэт, мыслитель, мистик, мученик... Почему именно он?

Потому что Passion (страсти, страдания) – это особая форма духовной музыки. То есть, это посвящение не просто личности, а вокально-драматическое произведение, посвященное святым – личностям, выстрадавшим свои убеждения, поплатившимся за них жизнью. Пассионы – полотна, изначально выражающие эмоции, страсти, не оставляющие равнодушными всех, кто слушает произведения этого жанра от имени представителей разных религий. Так вот, Насими, могила которого, как известно, находится в Сирии, в Алеппо, где он был умучен ровно 600 лет тому назад – в 1417 году, как нельзя лучше соответствовал замыслу создания мусульманского Passion. И Франгиз Ализаде предстояло писать его в статусе первооткрывателя, на которого вместе с оказанными высокой честью и высоким доверием выпадала и высшая степень ответственности. По завершению работы над столь сложным музыкальным произведением стало совершенно ясно, что творческому подвигу, смелости, готовности к такому богоугодному делу женщины-композитора сегодня трудно найти равных. Как виртуозный профессионал, обладающий уникальным талантом, она

мастерски владеет способностью под влиянием живых эмоций находить новые средства для их выражения. Франгиз Ализаде всегда именно так подходит к каждому сочинению, посвященному большой, значимой теме. И найдя при поиске образа и конкретного героя своего Пассиона, легендарную личность, история жизни которой сохранена в народной памяти до сегодняшних дней, она поняла, что ее Пассион будет посвящен памяти многострадального поэта Имадеддина Насими, погибшего под жестокими пытками, человека трагической судьбы, заложившего основы еще в XV веке азербайджанского литературного языка.

По отзывам экспертов в «Пассионах» Франгиз Ализаде в полной мере отражен талант композитора – сочетать несочетаемое, чувствительность и азарт, организованность и независимость, новаторство и верность традициям, которые отличают ее Музыку от произведений многих других авторов. В ней *«философичность восточного мышления воплощена современными средствами музыкальной выразительности. Характерное для суфийских меджлисов завораживающее звучание, захватывающее дух... Оркестровка – прихотливо восточная, интригующая...»*

Премьера «Пассионов Насими», фактически ознаменовала начало юбилейных торжеств азербайджанского композитора Франгиз Ализаде.

Аншлаг в знаменитом Concertgebouw, с залом на 3000 мест, где состоялась премьера ее оратории в сопровождении Королевского симфонического оркестра под руководством дирижера из Великобритании Мартина Браббинса, внушительное количество исполнителей на сцене – 150 оркестрантов, 85 солистов хора, нескончаемое овации в конце, глубокая сопричастность и на лицах слушателей – все это выглядело поистине грандиозно и превосходило все предварительные ожидания ...

Франгиз ханым нередко вспоминает один из эпизодов подготовки к премьере. Ознакомившись с текстами гениального азербайджанского поэта-мыслителя XV века Имадеддина Насими, исполнители заранее обратились к Франгиз ханым со словами: «Великолепные стихи, но нам трудно придется. Непросто будет их разучить – написаны-то они не на современном азербайджанском, а на языке Насими, разрешите, мы исполним на английском». Но Ф.Ализаде была непреклонна: «Нет, – сказала она, – вы же пели Пассионы на сербском и даже на древнекитайском. И эти Пассионы надо исполнить на языке оригинала».

Пожелание автора Пассионов Насими было исполнено и текст был не только выучен, но переведен на голландский и помещен в программках рядом с текстом на азербайджанском языке, оба текста также высвечивались над сценой. «Пассионы Насими» для баритона, хора и оркестра стали сенсацией сезона...

Ее уникальному творчеству посвящены многие статьи в СМИ всего мира, изданы книги, в которых рассказывается о незаурядной личности, о человеке, достижения которого отмечены самыми престижными званиями, о творце, избравшем для себя путь постоянного поиска и движения к намеченной цели. Имя Франгиз Ализаде с определенного времени стало символом уникального таланта, безграничной любви к Музыке и преданности однажды выбранному пути.

Музыкант-профессионал с богатой эрудицией, прошедший уникальную школу Кара Караева и Азербайджанской государственной консерватории им.Уз.Гаджибейли времен знаменитых 60-х – 70-х годов, азербайджанская женщина-композитор, благодаря силе своего дарования и целеустремленности, стала заметной частью современной мировой музыкальной культуры.

Достаточно обратиться к хронологическому выстроенному списку сочинений Франгиз Ализаде, чтобы понять: ни одно ее сочинение не написано без вложения в него искры личных переживаний. Как отмечают профессиональные музыковеды, «совсем наоборот, каждое из них является выражением мыслей и чувств, вызванных состоянием души, реальными ситуациями или событиями, отражением личных позиций и определенных принципов, созданных годами мировоззрения и мировосприятия».

Чтобы не быть голословными, обратимся к такому факту, опубликованному в сборнике «Франгиз Ализаде. Триумфальное пересечение Востока и Запада»: «еще в студенческие годы Ф.Ализаде пишет Сонату для фортепиано памяти Альбана Берга (1970), которую обозначает как *opus N1*. Для тех, кто знаком с биографией и творчеством Ф.Ализаде, будет несложно понять причину такого посвящения: Альбан Берг, чье творчество вобрало в себя богатейший мир современных композиторских новаций, стало идейным источником формирования тогда еще молодого, но уже подающего самые большие надежды композитора Франгиз Ализаде. Со временем Соната-посвящение приобретает широкую популярность – редкий случай, когда студенческое произведение прочно утверждается в репертуаре многих известных пианистов, с успехом звучит в лучших концертных залах мира и, более того, займет несколько позже свое достойное место в выпущенном во Франции диске «Круг Альбана Берга».

Когда-то знаменитый Джон Шёнберг не верил, что классическую западную музыкальную традицию можно соединить с восточной, утверждая, что они не смешиваются, как масло и вода. Тем не менее это произошло, и создала этот синтез именно Франгиз! И сегодня её имя восторженно произносят на всех главных сценах мира, где такие выдающиеся музыканты, как Йо-Йо Ма, Хилари Хан или «Kronos Quartet» считают за честь для себя играть написанную по их заказу музыку Франгиз Ализаде.

Напомним, что в свое время Франгиз Ализаде с успехом концертировала по всему Советскому Союзу как пианистка, исполняя в основном музыку Кейджа, Крамба, Шёнберга, Берга, не боясь, что ее кто-то не поймет, или что публика до этой музыки еще «не доросла». С тех пор она вообще не любит стереотипы и охотно их разрушает последние полвека как композитор.

«Может ли настоящий художник жить и творить в отрыве от реальной действительности?» Этот вопрос всегда волновал ее. Как композитор с ярко выраженной, открытой гражданской позицией, патриот по строю мыслей и состоянию души, свое отношение, свое понимание современных реалий Франгиз Ализаде всегда выражает через творчество. Именно поэтому ее произведения захватывают силой чувств, страстной увлеченностью. Достаточно вспомнить оперу «Intizar», постановка которой на сцене Дворца имени Гейдара Алиева вызвала огромный резонанс. Глубокий трагизм этого произведения, сила чувств, величие всепобеждающей идеи добра и справедливости, составляющие суть оперы и нашедшие адекватное, очень тонкое преломление в музыкальном решении, ставят это произведение в ряд высоких достижений национального оперного искусства.

Новая реальность подтверждает важность процесса сближения Запада и Востока.

«На мой взгляд, в настоящее время самая яркая, подлинно современная музыкальная жизнь – в немецкоязычных странах, особенно в Германии и, более конкретно, в Берлине, – делится в одной из бесед с журналистом своим мнением Ф.Ализаде. – Необычайное обилие концертов! Даже в одном концертном здании на нескольких сценах одновременно происходят эпохальные музыкальные события. Остается только сожалеть, что нет никаких реальных возможностей все охватить.

Аналогичной концертной активностью характеризуются и немецкая Швейцария, Австрия. Взять хотя бы небольшой город Граац, выходцами из которого являются такие первоклассные композиторы, как Георг-Фридрих Хаас, Ольга Нойвиртц, Бит Фуерер и другие. Подобный факт говорит о том, что в этой стране нет разницы между столицей и небольшим городом. Везде есть инфраструктура, которая стимулирует появление целой плеяды интереснейших композиторов».

Показательно в этом отношении высказывание генерального директора крупнейшего европейского издательства А.Сикорски, утверждающего: «Своим замечательным творчеством Ф.Ализаде внесла большой вклад в диалог культур,

взаимообогащение ценностями Востока и Запада. Не случайно, что она является одной из ключевых фигур многих трансконтинентальных проектов». Подтверждением вышесказанному могут служить такие замечательные произведения композитора, как «Gottes ist der Orient» («Боги пришли с Востока»), написанное по заказу Кельнского оркестра и хора Западногерманского радио; камерная опера «Твое имя – море» (заказ американской Houston Grand opera), «Crossing» («Пересечения»).

Один из ведущих современных американских композиторов Джон Адамс, услышав исполнение «Оазиса» Франгиз Ализаде на знаменитом фестивале в Люцерне, отметил: «Я считаю, что это лучшее произведение из того, что написано для Кroupos квартета».

О своем творчестве Франгиз ханум говорит как о реальности, подвластной влиянию времени.

Из воспоминаний: «Чем больше слушаешь сочинение, тем зримее вырисовывается его суть – по аналогии видения через увеличительное стекло, – делится своими мыслями Ф.Ализаде. – Каждое исполнение, запись, соприкосновение с произведением вызывает различные ощущения, что порой связано с объективными причинами: невероятно выросли техника исполнения, акустические возможности залов, да и само время «подталкивает» к обновленному прочтению, осмыслению, казалось бы, хорошо знакомого сочинения».

«Иногда сомневаешься: играют бетховенскую симфонию N5 – стоит ли идти на концерт и в N-ый раз слушать пусть гениальное, но уж очень хорошо знакомое сочинение? Но, когда приходишь ради «Gruppen» К.Штокгаузена и слышишь совершенно новую интерпретацию бетховенской музыки, то невольно проскальзывает мысль: «Какое счастье, что я пришла. Это Бетховен XXI века!»

Есть люди, которым от природы дана потребность совмещать различные формы деятельности, чередовать творческие устремления. Франгиз Ализаде обладает хорошим «пером», мастерски облекает свои мысли в живую, оригинальную форму. Завоевав мировое признание как композитор, она обладает в то же время ярким пианистическим дарованием. В свое время именно Ф.Ализаде открыла бакинскому слушателю многие произведения западных авангардистов, не говоря уже о сочинениях тогда еще молодых непризнанных азербайджанских композиторов своего поколения.

Эта мысль подтверждается авторитетным мнением высоких профессионалов. «Я просто поражена, – поделилась своими впечатлениями Нурия Шёнберг-Ноно. – Знаю, что музыка моего отца – Арнольда Шёнберга – запрещена в СССР. И вдруг приезжает из Азербайджана Франгиз Ализаде и играет его сочинения, и на таком уровне! А ее собственная Musik for piano – выше всяких похвал».

А вот мнение Эдисона Денисова: «Такого исполнения моего произведения «Знаки на белом» я никогда не слышал. И это не случайно, т.к. Франгиз Ализаде не просто пианистка, а пианистка-композитор. Именно поэтому она тонко чувствует идею автора. В ее игре слышна богатейшая тембровая палитра».

...Когда рассказываешь о том какую роль играет Франгиз Ализаде в развитии современного мира Музыки, во-первых понимаешь, что сделать это в полном объеме практически невозможно, настолько богата яркими масштабными событиями и важными фактами ее творческая жизнь, так обширен список, созданных ею музыкальных произведений, но конечно надо сказать о ее успешных проектах на посту председателя Союза композиторов Азербайджана, возглавив который она не только возродила эту творческую организацию, восстановив славные традиции, заложенные Уз.Гаджибейли и К.Караевым, но и смогла доказать необходимость возврата Союзу его «отчего» дома – исторического здания по адресу Хагани, 27, переданного на долгое время другим организациям не по назначению.

Благодаря вниманию Президента страны г-на Ильхама Алиева в возвращенном композиторам и музыковедам Азербайджана зданию был произведен капитальный ремонт, реставрирован им. Уз.Гаджибейли концертный зал Союза композиторов, предоставивший новые возможности для одного из самых важных направлений деятельности организации – пропаганды и популяризации творчества азербайджанских композиторов.

«Она была первой...»

Под этим слоганом можно поместить список ее достижений, который займет с десяток страниц. Каждый из этих пунктов предваряет слово «впервые», и их – в разы больше. Вот лишь несколько из них, обращаемся снова к фактам из сборников статей в СМИ, посвященных ее деятельности :

...открыла своим балетом «Boş beşik» Мерсинский театр оперы и балета (Турция);

... силами турецких музыкантов (хор и оркестр Мерсинского театра оперы и балета) было исполнено фундаментальное сочинение Г.Генделя – оратория «Мессия»;

... знаменитый Международный фестиваль театров оперы и балета в двухтысячелетнем древнеримском театре в Аспендосе (Турция, Анталья) был открыт балетом азербайджанского композитора;

... в Мерсине прошел Международный фестиваль «Дни Франгиз Ализаде», посвященный ее юбилею, с участием музыкантов из Швейцарии, Германии, России, Греции, Украины и Турции;

... женщина-композитор получила статус «composer-in-residence» Люцернского международного фестиваля (1999), Академии искусств Берлина (2000-2001 г.), Beethoven-Hall Orchester Бонна (2002-2003 г.);

... композитору из Азербайджана были сделаны заказы на создание произведений известными во всем мире музыкальными коллективами. Эти сочинения впоследствии вошли в их репертуар, премьеры исполнялись по всему миру – от Нью-Йорка до Токио, звучали сотни раз в году на всех континентах;

... человек искусства из Азербайджана вошла в список «Интеллектуалы XXI века», опубликованный Биографическим центром Кембриджского университета;

... самыми знаменитыми фирмами Запада Sonyclassical, BIS, Nonesuch, GWK, Triфон и др. из Швеции, США, Японии, Швейцарии и т.д. выпущены авторские CD-альбомы;

... западноевропейскими издательствами Hamburg-Sikorski Musikverlage, HUG-Zurich, PEAU-Osnabruck, Media-Karlsruhe и др. опубликованы партитуры автора из Азербайджана;

... знаменитый Beethoven-Hall Orchester (Бонн) представил премьеру азербайджанской музыки – виолончельный концерт Ализаде;

... в легендарном Carnegie Hall состоялись авторские концерты азербайджанского композитора (март, 2006 г., апрель 2017 г.);

... единственному композитору из постсоветских государств было заказано произведение к 100-летию Julliard School – квинтет «Хəзəг» (январь, 2006 г.);

... азербайджанский композитор стала участником и призером «Singapore Arts» Festival с балетом «Optical Identity» (2007 г.);

... представитель Азербайджана стала «Artist for Peace». ЮНЕСКО (май 2007 г.); В приведенном списке обозначены, пусть и выборочно, ее успехи – там, за рубежом. Но даже этот неполный перечень восхищает каждый строкой.

Но сколько замечательных событий в музыкальной жизни Азербайджана связаны с именем Франгиз Ализаде.

... так, еще в студенческие годы Ф.Ализаде исполнила в Азербайджане «Вариации» Антона фон Веберна. В эти же годы профессором Кара Караевым ей единственной было разрешено писать студенческие работы в додекафонной технике. Так

появилась Соната «Памяти Альбана Берга» (исполнена в Италии), Поэма «К песням об умерших детях», посвященная Г. Малеру (преьера в Цюрихе), Концерт для фортепиано с оркестром (дипломная работа, 1972 г.);

...по окончании консерватории Ф.Ализаде провела цикл концертов фортепианной музыки азербайджанских, советских, зарубежных композиторов под рубрикой «Исполняется впервые»;

... впервые в СССР исполнила грандиозный 45-минутный цикл Пауля Хиндемита «Ludu stonalis»;

...использовала подготовленный рояль (Nabilsayağı, 1979 г.);

... в годы преподавания в Азербайджанской государственной консерватории им. Уз.Гаджибекова открыла «Семинары современной музыки» и «Историю оркестровых стилей», разработала и опубликовала «Методические пособия» по ведению этих курсов (они до сих пор сохранены в программе вуза);

... была избрана секретарем Союза композиторов Азербайджана (1979 г.), став самым молодым руководителем СК на территории СССР...

... на постсоветском пространстве женщина была избрана председателем творческого союза (VIII съезд Союза композиторов Азербайджана, июнь 2007 г.).

Собственно, каждая ее творческая акция может быть предварена словом «впервые»... Невозможно не привести еще один пункт, настолько он весом для понимания авторитета композитора в музыкальном мире:

... Франгиз Ализаде – первый азербайджанский композитор, вошедший в европейскую Ассоциацию защиты авторских прав GEMA. В эту организацию принимают композиторы, произведения которых исполняются не менее 100 раз в году, в течение трех лет. По количеству проданных билетов запускается огромная «машина», учитывает всевозможные показатели. Так вот, по этим результатам композитор Франгиз Ализаде была принята в GEMA – еще в 1993 году.

А сколько музыки прозвучало в Баку под слоганом «Впервые в Азербайджане» именно ее, Ализаде, усилиями! Сколько коллективов приехало с концертами в ее бытность председателем Союза композиторов Азербайджана, впервые исполнивших классиков, по сути, открыв нам их сочинения. В буквальном смысле – неслыханные... И этот слоган часто сопутствует концертам, на которых исполняется музыка Франгиз ханым. Вспомним незабываемый приезд сингапурского квартета «TANG» с бетховенской «Grande Fugue», французского ансамбля «Utopik» с «Syrinx» для флейты соло Дебюсси...

Франгиз ханым не любит рассказывать о своих планах, о предстоящих событиях в ее творческом календаре. Она просто работает, создает, организовывает, созидает. В этом – ее жизнь, ее предназначение, необъятное счастье и выражение великой любви к Музыке. С ней можно часами говорить о многом, о ее уникальной профессии композитора, о том, почему и как ей удалось совместить музыкальную традицию мугама и классической музыки, и как ей удастся совмещать все, чем она занята целыми днями... Как я и думала, огромную роль в ее успешной деятельности играет ее супруг, верный друг и помощник Джахангир Зейналлы, профессиональный кинорежиссер. Мне было очень интересно ее мнение о том, сможет ли Искусственный Интеллект создать оперу, симфонию или написать музыку к балету. Порадовалась, когда услышала ответ, наши мнения совпали.

Пожелаем ей сохранения на многие годы поистине божественного вдохновения и создания новых музыкальных шедевров во славу продолжения традиций композиторской школы Азербайджана!

С уважением, Лариса ДЖАВАНШИР

СЕРГЕЙ ЖАДАН
Украина

Доброволец

Знакомый пошёл добровольцем.
Вернулся через полгода.
Где был – неведомо.
Чего боится – не говорит.
Но чего-то боится.

Может даже показаться,
что боится всего.

Уходил нормальным человеком.
Разве что говорил многовато.
Обо всём на свете.
Обо всём, что попадётся на глаза.

А вот вернулся
совсем другим, так, будто
кто-то отобрал у него прежний язык,
а другого взамен не оставил.

Сидит теперь целыми днями в постели
и слушает бесов в своей голове.

Первый бес злой,
сыплет жарко, требует
покарать всех живых.

Второй бес тихий,
говорит о прощении,
говорит тихо,
касается сердца руками,
вымазанными в чернозём.

Но наихудший – третий бес.
Он с ними обоими соглашается.
Соглашается, не возражает.

Именно после его голоса
и начинается головная боль.

Перевод ЛАЧИНА

АНДРЕЙ ЛОМОВЦЕВ

Россия

РАССКАЗЫ

Лотерея

Отдел продажи билетов лотерейных билетов делил узкое полуподвальное помещение с витриной мобильных телефонов. Очереди не наблюдалось, лишь старик у прилавка с желтой лентой «Столото» получал выигрыш. Пересчитывал полученные купюры, шмыгал носом, чихал, сбивался и вновь считал, перебирая бумажки узловатыми пальцами. Зоя Львовна смотрела на его седой волос, пальто плотной шерсти, шарфик под горлом и думала, вот если кому и везёт в лотерею, то вот таким, успешным и модным. Покраснела за свой мешковатый плащ, купленный до пандемии, и грязные сапоги. С другой стороны, рассуждала она, это хороший знак, за везунчиком карточки брать, глядишь, и мне удача перепадёт. Она спустила на шею платок, поправила жёсткие волосы. Без платка её принимали за учительницу, хотя всю жизнь она проработала нянечкой в детском саду.

Старик, сложив билеты и деньги, направился наконец к выходу. Подошла очередь Зои Львовны. Она подала продавцу билеты:

– Четыре выиграли, ты проверь, милоч, я три докуплю ещё, – и доложила на прилавок купюру в пятьсот рублей. – Чтобы семь получилось.

Мордатый продавец усмехнулся, Зоя Львовна не обратила внимания, она не брала больше семи, придерживалась, как ей казалось священной церковной цифры: семь таинств, семь добродетелей, семь свечей в светильнике алтарном и семь в за-престольном. Великий пост семь недель. Назубок знала, что с цифрой этой связано, верила в её значимость. Храм против дома, захаживала ежедневно, с отцом Василием поздороваться, свечу поставить за здоровье деток, в субботнюю литургию спеть с хором. В хоре семь певчих, все женщины из посёлка, Зоя Львовна самая голосистая среди них.

Билеты она покупала раз в неделю, всегда в воскресенье, седьмой день священный – Христос воскрес. Вот уже третий месяц, как покупала. Про лотерею ей соседка мысль подала, Ксения-рябая из второго подъезда. Хвастала у сельпо, что купила билет в городе, и ей фарт вышел в двадцать пять тыщ. Выигрыш жильцы из пятой квартиры: Ксения, увалень муж, да брат его из райцентра, – обмывали неделю. Дом ходуном ходил, а посёлок полнился слухами, что рябая Ксения заграбастала миллион. Та отнекиваться устала, мол, враньё это и дикие глупости. И Зоя Львовна с ней соглашалась, с миллионом упились бы счастливичики вусмерть.

А вот Зое Львовне миллион пришелся бы кстати. Петенька, сын, потерял работу, а ведь такое место хорошее было, заводская столовая, на всём готовом жил, комнату в центре снимал, куртку новую прикупил, усы свои сбрил «испанские», человек человеком. Зоя Львовна так надеялась, что остепенился сын, взялся за ум, но как углядела тогда после вечерней службы его грязнущие сапоги в коридорчике, так и присела. И сытное место в столовой не помогло, и кодировка не уберегла, в этот раз Петенька год продержался.

Пока продавец сверял номера билетов в компьютере, пропускал через чёрный прибор с трубой, напоминающей микроскоп, Зоя Львовна посчитала в кошельке деньги; впритык осталось на два автобуса с пересадкой. Ну, и ничего. Хлеб дома

есть, молоко не допила со среды, кило картошки да кочан капусты, подмороженный с краю, пакет гречки и масло. В четверг пенсия, выдюжит как-нибудь, а утром следующего воскресенья – розыгрыш, на него очередная надежда. По субботам Зоя Львовна спешила на утреннюю литургию, отпев псалмы, ставила свечку Николаю-угоднику и просила послать выигрыш. Краснела пред иконой, щурилась, утирая слёзы платком, понимала – грех это, да что делать, что делать-то, Петенька, потеряв работу, теперь на войну собрался.

Дурак ведь и есть дурак, сорок лет, ни жены, ни дома. Он с того самого дня, как выгнали с работы-то, не платил за комнату, три месяца уж, как хозяева держат? Хорошие люди, знать. Зоя Львовна отсыпала ему денежек с пенсии, да ведь крохи, с двенадцати тыщ не разбежишься, и внучке вкусного прикупить нужно. Алинке, что от старшей Верки, седьмой год пошёл, о телефоне мечтает, который деньжищ стоит – страшно подумать. Тетрадку вот на днях принесла; «На, говорит, бабуля, будешь номера записывать с телевизора, чтоб не забыть, потом сверишь». Смеялась тогда Зоя Львовна: «Вот ведь смышлёная девка, Тоже надеешься с бабкой озолотиться». Да стороной обходил случай, хорошо, если три билета по сто рублей принесут, и то не всегда получалось.

Сложив в кошелёк пахнущие типографской краской билеты, Зоя Львовна выдвинулась на автобусную остановку. Почти час тащился рейсовый до будки «ГИБДД», где она пересела в заляпанный грязью «Пазик». Водитель-таджик, не стеснясь, смолит в окно папироску, в салоне гремел шансон, «Пазик» трясло, бросало из стороны в сторону. И глядя на проплывающие за окном поля необранной кукурузы, Зоя Львовна всё думала, вот выпадет ей в лотерею удача на миллион, что будет делать?

Таких денег она отродясь не видела, что там зарплата у нянечки, ерунда, а про пенсию и говорить нечего, стыд один. Она знала главное, всё должна отдать Петеньке. Может, частями, чтоб не пропил зараз, но только ему, чтобы выбросил из головы эту дурь про войну, или, как её в телевизоре называют, спецоперация. Как ни называй, а война и есть. Из их посёлка троих забрали, Верка рассказывала, одного схоронили с полгода как, другой, говорят, пропал без вести, ужас.

Петенька приезжал по пятницам. Взвинченный, резкий на слово, подволакивал сильнее обычного ногу, ругал у подъезда ступеньки и вечную грязь на дороге. Курил на кухне, поджидая Верку, завалив пепельницу бычками, и Зоя Львовна открывала окно, чтобы проветрить. До аварии не курил, а теперь от соски не оторвать. Это Верка так выразилась, и Зоя Львовна соглашалась, не дело, как паровоз смолит, дышать порой нечем.

Верка приносила бутылку белой. Когда они с Петенькой опустошали бутылку под жареную картошку и телевизор. Верка выкладывала денег, и Петенька бежал к Катьке-бешеной из частного сектора и приносил бутылку мутного первача. Самогон вонял, Петенька, зажимая нос, пил большими глотками и ругался на качество. Потом спорил до хрипоты с пьяненькой Веркой, постукивая о табурет костлявой ладонью, словно вбивал аргументы в деревянное основание:

– Да что ты понимаешь в политике, дурилка картонная. И я не понимаю, и похер. Другой вопрос задаю, ты знаешь, сколько платят на передовой? А я знаю, читал объявление, с ходу по двести тыщ на руки, ты прикинь, и потом зарплата ежемесячно столько же. Где ещё заработаю столько? Ну, где?

– Ты повар со стажем, не можешь работу найти?

– Не смехи мои тапочки, Вер. Где я найду её, в детском саду? Я уже везде за-светился.

Верка смеялась зло и наливала до краев самогон:

– Ну и не дергайся, воин хренов, мать вон, взыграет в свою лотерею, и будет всё норм.

Петеньку это злило:

– Ну ты дура, Вер, веришь в эту херню?

– А верю, посмотри, как молитвы шепчет. Говорит, каждый день кому-то там свечки ставит. Выиграет, точно тебе говорю. Вот выиграет миллион, а то и поболее, я даже знаю, какой бизнес замутить можно в райцентре. Ну, или свалить к херам, в теплое место.

– Да ну, глупости, Вер, ты уже намутила с бизнесом, хватит. И потом, там нормальные деньги, на фронте, я вам такую жизнь обеспечу, Алинке, вон, кровать нормальную купишь, матери пальто сообразим, телек новый опять же.

– А если убьют, кретин, – возмущалась Верка, вытирая жирные после картошки губы, – на войне убивают, ты с головой не дружишь?

– А убьют, так и что, государство заплатит. Миллионы. Пожизненно вас обеспечу. Петенька пил самогон, морщась, и бормотал, заваливаясь на стол:

– Обеспечу...обе.печу.

И засыпал до утра на стуле.

Зоя Львовна не выносила слушать их споры, уходила в комнату, пускала слезу. Не понимала, как можно рассуждать о таком страшном событии. Вот ведь дурень, ну надо же, обеспечу, здоровьем своим, жизнью, о чём только думает.

Она уже слышала схожие слова от средней дочери Ольги. Когда ушёл Коля-муж, царствия ему небесного, старшая Верка на семейном совете уговорила родню продать их уютную трёхшку в Пензе, купить матери однокомнатную за городом, остальное поделить и жить счастливо, порознь. Зоя Львовна казнила себя, что подалась на авантюру, а куда денешься, дети пожелали разъехаться. Сама уже вышла на пенсию, много на жизнь не надо, город не держал вовсе. Ольга в то время крутила любовь с Фридрихом, командировочным из Берлина, тот налаживал станки на Пензхиммаше. Потом свадьба, весна. Ловкая Ольга перевела полученную долю в валюту и укатила в Германию со своим немцем. Перед отъездом, в аэропорту, плакала и твердила упрямо Зое Львовне: «Обоснуюсь, ма, за границей, заберу тебя из этой полойки, обеспечу, будешь по-людски жить».

Зоя Львовна сошла у обветшалого здания сельсовета. Смеркалось. В кургуzych двухэтажных домишках горел кое-где свет. Осенью быстро темнеет, особенно если без фонарей. Она подмёрзла, пожалела, что не поддела под плащ потеплее кофту, старательно обходила лужи, ветер забирался под юбку. Обеспечу. Не звонила два года. Уже и не знали, что думать. Объявилась перед пандемией, по новомодному Ватсапу набрала Верке, как раз в выходной случилось, на майские. У Зои Львовны тогда отмечали. Ольга как чувствовала, что все соберутся. Показала в телефоне двойняшек, похожих на пузатого Фридриха, и белый каменный дом с низким, по колено заборчиком. Зоя Львовна тогда подумала, что Ольга предоставила младенцев и дом больше для Верки, как знак выдающейся доблести, смотри, мол, дурища, как я умело устроилась. Они с детства не ладили, даром, что сестры. И снова три года молчания. Живы, наверно.

Тявкнула хрипло собака, лизнула радостно в руку. Зоя Львовна вздрогнула, присмотрелась – кобель прилудный, чёрная шерсть свалялась клоками. Она подкармливала его чем могла, оставляла с обеда куриных костей, хлеба, размягчённого молоком, он и тому радовался. Лежит потом у подъезда, будто ждёт кого. Может, её.

Как и она прождала всю жизнь; мужа Колю с работы, что в ночную дежурил на скорой, которая к нему потом не успела, кому Расскажи, почти анекдот с привкусом скорби. Ждала детишек из школы, потом Петю из армии, когда девки найдут женихов, ждала внуков, вот и промчалась жизнь.

Петенька на свою долю купил иномарку, говорил, барином покрасуюсь, жизнь зря проходит. Угодил спьяну в столб, две недели в реанимации, лишился и прав, и машины, и хромой до конца дней. Так и невезучим не назовёшь, хромота от повестки

избавила. Теперь вот, собрался. Ох, дурень. Но ведь душевный, ко дню рожденья цветы матери привезёт, с Восьмым марта – торт, в Новый год позвонит, если на стороне где справляет. Душевный. Это у него от отца душевность, от Коленьки. Царствия ему небесного. Как и твердолобость глупая, сказал слово – и не отступит, не пойдёт на попятную. Знать, выручать надо сыночка, а то пропадет дурень в окопах.

А вот Верке... Той нельзя с деньгами встречаться, всё мимо рук.

...Дверь в подъезде не закрывалась, ветер игрался с окурками на площадке. Ударило в нос острым кошачьим запахом, темень, лампочка на втором этаже едва освещала ступени. Небось, мальчишки нашкодили, лампы побили. Зоя Львовна устала с ними бороться. Киргизы, по-русски едва курлычут, толком и не поймёшь. Родители на ферме, дешёвая рабочая сила, кого ещё найдёшь за три копейки за коровами прибираться, вот мальки и предоставлены сами себе. Неизвестно, ходят ли в школу, это ж на автобусе пять километров.

Зоя Львовна потыкала в полутьме ключом, открыла железную дверь. В коридоре пахло одеколоном и пивным духом. Вот ведь Верка зараза, опять мужика приводила, нет бы к себе, да, видишь ли, неудобно на съёмной, ты, мать, дай ключи, мало ли у тебя что со здоровьем, а пока мать в разъездах, она кобеля в дом. Тьфу. Зоя Львовна разделась, убрала сумку, поставила чайник, картошки начистила, и пока та шкворчала на сковороде, смотрела в окно.

В бабу Верка пошла, такая же дылда ветреная, одни мужики на уме, да ладно б приличные, а то вечно шваль попадается. Зоя Львовна поморщилась, не любила вспоминать свою мать. Жёсткая была женщина; маляр-штукатур, сторож, учётчица, и заведующая складом металлоизделий.

Зою Львовну, в то время курносую девочку с густым каштановым волосом, мать называла ласково – «Зая заткнись». Зоя пела по вечерам зайчику колыбельную, подпевала певцу из радиоточки, тянула ноту вместе с лысым дядей из телевизора, слышала, как он фальшивит. И мать, если была дома, обычно орала: «Зая, сука, заткнись! Дай телевизор посмотреть по-человечески...».

Зоя Львовна помнила стойкий запах спиртного, исходивший от матери, и её бурные разговоры на общей кухне с отцом, после очередного материнского «ночного дежурства». Спустя многие годы Зоя Львовна поняла, что означали эти «дежурства». Случился развод, статья матери за растрату. В семнадцать лет Зоя осталась наедине с судьбой в коммуналке. Отец уехал на стройки Сибири, мать не вернулась из зоны. С пением Зоя прекратила всякие опыты, а когда вышла за Коленьку, поклялась, что никогда не обидит детей и в желаниях не станет препятствовать.

То, что мягкость – не есть хорошо, Зоя Львовна поняла слишком поздно. Вот Верку надо было в молодости осадить, а то с пятнадцати лет инициативная по мужикам. Да и Петенька вымахал слабовольным, не углядела. Лишь про Ольгу не вспоминала, как отрезало после отъезда.

...Зоя Львовна сняла засвистевший чайник, поужинала картошкой. Вкусная, если масла добавить, да лука, а большего не хотелось.

Вера подыскала тогда ей квартиру в райцентре, тридцать километров, почти час на автобусе. Зоя Львовна просила поближе, да по деньгам не сложилось. Мол, тут подешевле. Уговорила. Однокомнатная квартирка с видом на школу Зое Львовне пришлась по душе; газ, ванная, кухонька, соседи душевные. Одно неудобство, третий этаж, да и к нему приноровилась, выходила нечасто, колени измучили. Успела завести знакомства с пенсионерками, посёлок приличный, два магазина, амбулатория, зелень и тишина.

Верка заявила под зиму, взъерошенная, нервная, с чемоданами и тоской в зелёных глазах:

– Не пошёл бизнес, ма, поживу чуток у тебя, да и веселее, вдвоём-то.

...Зоя Львовна перекрестилась на тёмные купола храма в окне: «Эх, воскресенья дожждаться, услышит Господь её просьбы, поможет». Она вот не молилась за Верку, не приучена была ещё к церкви, не чувствовала веры, а поди зря. Веркин «чуток» затянулся на годы. Пришлось купить раскладушку. Верка устроилась в школу, в младшие классы, преподавать математику. Ну а как же, умная, техникум за плечами.

– Ну ты представь, мать, за двадцать три тысячи впахивай с этими недотёпами, как бурёнка, – с этих слов Вера начинала каждое утро, поджигая зло в зеркале губы. Ночевала не всякую ночь, посёлок хоть и не мелкий, но слухи ползли, как мокрица, не вытравишь. Услыхав как-то в местном сельпо разговор шептуний-пензионерок, Зоя Львовна опознала в «наглой каланче с сиськами» Веру, и поняла, что скандала дочери не избежать. Так и случилось, подробностей Верка не донесла, собрала чемодан на скорую руку и умчалась за красивой жизнью на юг. Звонила потом; «Мам, всё хорошо, обустроилась в Сочи. Целую». А вернулась беременная Алиной. До сих пор держит втайне, кто отец. Гадать Зоя Львовна не стала, узкие глазки внучки, чёрный волос говорили о южных корнях. Любви к девочке этот факт у Зои Львовны не отнял. Пелёнки, распашонки, ночные дежурства в отсутствие матери, которая «загорелась» предпринимательством и открыла палатку на въезде в посёлок, все прошла Зоя Львовна. И готова была дожждаться, как говорила дочь, момент её финансового подъёма, но после года успешной торговли в однушке становилось теснее день ото дня. Верка заполонила коридорчик коробками, не хватало места в палатке. И «бизнесвумен», так однажды обозвал сестру Петенька, решилась на расширение. Взяла кредит и купила участок напротив пустующего Дома культуры, померещилось ей, что осилит строительство магазина. Зоя Львовна не разбиралась в торговле, что там не так пошло, Верка смолчала. Не осталось ни палаток, ни бизнеса. Зоя Львовна пережила ещё один переезд, из райцентра в посёлок. Благо недалеко, и квартира схожая, первый этаж, вот только полы зимой сильно прохладные. Верка сняла комнату, устроилась в совхоз учётицей в кормоцех, Алинка забегает почти каждый день. Всё хорошо, все живы-здоровы, теперь бы Петеньку уберечь от неверного шага.

...От окна сквозило, отопление ещё не включили, у них поздно включали, да оно к лучшему, счета приходили, глазам не поверишь. Зоя Львовна перешла в комнату, озноб пробил, знать, подмёрзла в автобусе, от окна сквозило. Она выставила обогреватель на малую мощность, привыкла к нему, дверь закроет и хорошо.

Ко вторнику Зоя Львовна почувствовала, что разболелась. Решила, что от везунчика старика прихватила простуду, чихал тот, сопливился, вот и её знобило, покашливать начала, занули колени. На подходе восьмой десяток и в коленях стреляло, что и ступить было больно. Зоя Львовна ездила в своё время в амбулаторию, молодая врачиха посетовала, неплохо бы похудеть, излишний вес во всём виноват, давит на суставы, что немолоды. Прописала уколы, но, как выяснилось, за деньги. Уколы тогда оставили до лучших времён, не по карману.

Верка принесла таблетки от кашля, заставила напиться чаю с малиной. Пообещала вызвать доктора, если не станет лучше. Зоя Львовна обложилась подушками, куталась в ватное одеяло в надежде пропотеть хорошенько, выгнать хворь, переживала, как бы утреннюю в субботу не пропустить, певчие станут ждать, да и Николаю-угоднику свечку поставить, ведь розыгрыш в воскресенье.

К пятнице простуда не отпустила, кашель выворачивал наизнанку. Алинка пыталась остаться в ночь, почитать бабе сказку, да Зоя Львовна не позволила, вдруг разное, пообещала к воскресенью поправиться. Перед сном бормотала молитву, просила не оставить Петеньку с неразумными мыслями. Он в пятницу не приехал по заведённому им обычаю, Зоя Львовна подумала, что это хороший знак, может, работу нашёл, теперь некогда, занят.

В субботу не было сил и с кровати встать, Зоя Львовна едва добрела до кухни, поставила свечу, помолилась. Лик Иисуса, казалось, улыбался с иконы. Верка заглянула под вечер, шутила, пахла шашлыками, луком и винным духом. Зоя Львовна не удивилась, дело обычное, выходной. Дочь пошумела на кухне посудой, напоила её куриным бульоном. Потом вспомнила не к селу Ольгу с двойняшками, «бизнес» пропавший, всплакнула, уткнувшись в колени матери, просила прощенья. Зоя Львовна списала внезапною «нежность» дочери на хмельное её состояние и заснула с мыслью, что Господь не оставит.

Она проспала в воскресенье. Потела полночи, мокрые насквозь простыни кинула на пол, перестелила тем, что нашла в запасе. Решила, знать поправляется, дело на лад, вот выиграет в лотерею, прости господи, и откроется второе дыхание; Петеньку уговорит к наркологу заглянуть, лечение оплатит, телефон внучке справит, а может, и Верке подкинет, как без этого, дочь родная. С этими мыслями ближе к утру уснула.

Разбудил, как ни странно, Петенька. В спортивном костюме, выбритый, трезвый и оттого мрачный. Присел на стул у кровати, глаза опустил в пол, мнёт в костлявых ладонях бумагу. В телевизоре гавкала собачонка, «Видели видео» показывали, Зое Львовне нравилась передача, добрая, смешная, знать время к обеду. Она приподнялась на локте, голова слегка закружилась, проспала всё на свете, и розыгрыш проспала. А билеты надо проверить.

– А ты чего, сынок, серьёзный такой, случилось чего?

– Новость у меня ма, нехорошая.

У неё защемило сердце, что ещё за напасть, господи. На кухне хлопнула дверь, в комнату ворвалась радостная Алинка.

– Ну просил же, подождать, егоза, – не удержался сердито Петенька.

– Бабуля, я теперь с тобой буду жить. Мама сказала. Можно же, бабуль, вот здорово, я тебе буду сказки читать, а ты мне каждый вечер, ура, – завертелась юлой малая, раскидывая по плечам чёрный волос.

Зою Львовну жаром накрыло:

– Как у меня? Петя, что происходит? Вера где?

Она боялась услышать ответ, в голове пелена, пусть сына соврёт, столько раз обманывал, ещё один раз, бог простит.

Петенька покраснел лицом:

– С утра мне звонила, типа, Алинка пускай у матери поживет, ты присмотри, я отскачу на время.

Зоя Львовна ответа не поняла, но в груди будто кольнуло:

– Это что, шутка какая?

– Какая шутка, ма, ускакала Верка с твоими билетами и чемоданом. Подозреваю, что выиграла ты в свою лотерею, на нашу голову. Вот и свалила твоя попрыгунья, – он скомкал зло серый листок. – Прости ма, я на днях контракт подписал. Завтра на сборный пункт. Поваром иду. Не обессудь, ма, без вариантов теперь.

Отец

Он подозревал, что открывшаяся лысина на затылке не красит. Зато рост. Метр девяносто, друзья замечали издали, махали зачем-то рукой, будто лилипуты, а он должен их разглядеть. Ну немного оплыл в боках, есть такое, чрезмерная страсть к капучино сделала своё мерзкое дело и он проиграл. Но животик еще не выполз из-под ремня, богатырски надута грудь, и, пожалуй, при желании он смог бы подтянуться раз девять на турнике или отжаться от пола, смахивая пыль отпущенной по моде острой бородкой. А вот голос оставался молодым, звучным, точно иерихонская труба.

А как приятно, бывало, выдыхать на плацу: «Смирна!» Да так, что дребезжали, казалось, стекла в гарнизонной столовке. И идти с ротой в горку, чеканя шаг:

– И левой, левой, раз, два, три.

Этот военный речитатив так и остался по жизни. Жена Ольга, закаленная в невзгодах учительница младших классов, к заскокам мужа привыкла. Прошла с ним гарнизоны архипелага Северная Земля в Карском море, глухие и суровые леса Сибири, да много чего. Дети же морщили губы, когда он ненароком вставлял армейские шутки за завтраком.

Служба в армии оставила у Павла приятные воспоминания, шагал по жизни, словно по лестнице, лейтенант – раз-два, капитан – три-четыре, майор – пять-шесть. Тут считалочка закончилась: его отправили в запас. Вариантов на гражданке выпало немного, и он сознательно пошел работать в охрану: там мог вволю погонять заплывших жирком охранников, покомандовать. Это успокаивало.

По-настоящему Павел жил парадными. Ждал 9 Мая, как некормленная собака, что мечется в ожидании задержавшегося хозяина. Отглаживал форму, что бережно хранил в длинном сатиновом пакете, проверял, блестят ли пуговицы, насколько ровны стрелки брюк, отполированы ли ботинки, не скрутил ли сын Ванька медали. В девять утра Павел переодевался в парадный костюм, смахивал пыль с тульи фуражки, присаживался за стол, выпивал рюмку водки и ждал начала. Парад смотрел стоя. Выбрасывал руку к фуражке и кричал протяжное «Ура главнокомандующему!». Дети крутили у виска, жена вздыхала, Павел упирался взглядом в экран, в глазах появлялись слезы.

Беда пришла внезапно. Скрутила разум и повергла в терзания душу. Представить именно такой поворот событий Павел не мог и в страшном сне. Соня, так удачно выскочившая замуж за программиста из Киева, на фоне «спецоперации» отказывалась говорить с отцом, помня его помешанность на армии. Отношения их расклеились после ее свадьбы, после рождения внука трещина разошлась шире, дочь не вернулась в Москву, хотя он настаивал; его не пускали в Киев.

Вот и дождались. Павел смотрел на жену. Ольга плакала в трубку и умоляла дочь уехать, забрать ребенка и бежать.

– Куда, в Польшу? У меня паспорт русский, – кричала Соня по громкой связи, выставленной женой специально, словно в укор мужу, будто он лично командовал войсками.

Сердце его сжималось тисками. Раз-два – опрокидывал он рюмку за рюмкой, словно это могло остановить боль.

Становилось хуже. Лезли черные, страшные мысли, и если после первых новостей о Донбассе он странно хмыкал и качал головой, будто взвешивая чужие решения, то после «начала» посерел лицом, седина окропила голову. Ощущение безнадеги отупляло, работа вызывала отвращение, любимый капучино – изжогоу. Он теребил звонками бывших сослуживцев. Некоторые, как он знал, дошагали до генеральских звезд, но кто он для них... Так, лицо на общей фотографии.

Мишеньке исполнился годик. Павел души в нем не чаял, наблюдал по скайпу, по удаленке. Любил. Казалось, Мишенька похож на него, жена же утверждала, что на зятя.

Павел читал новости в «Телеграме»: рушились города, гибли люди, горела техника. Он плевался, стиснув зубы, ругался матом и – раз-два – опрокидывал рюмочку. Легче не становилось.

К наступающему празднику – Дню Победы – Павел приуныл. Не слышал в себе позывов былой радости, не чувствовал трепета, не вспоминал о мундире. Слухи о возможной мобилизации сотрясали эфир и воздух. Он точно попадал, пятьдесят три, офицер, ветеран боевых действий, первый в списках.

Два года Афганистана Павел вспоминал с неохотой и грустью – столько воды утекло, все казалось сном: и изрезанные хребты в тумане, и желтое изнуряющее солнце. По ночам иногда снился черный, вонючий дым, казалось, нечем дышать. Он просыпался в поту, еще будто слыша позывные в плотных наушниках авиашлема.

– Семьсот седьмой – Папаше. Сброс отработал. Левый в отказе, ухожу на северную точку.

О реальности напоминали две медали и орден. Он ими гордился, как и кителем и синей фуражкой с высокой тульей. Но как-то не в этот раз.

– Лети, майор, в Турцию, а? Лети на пару недель, а если все слухи, так хоть отвлечешься, а там посмотрим.

– Что?

Жена смотрела с пониманием, ему казалось – с жалостью. Терпеть не мог эту жалость.

– Ниче, глухня.

Кто бы ему сказал лет десять назад, что ушные раковины могут закрыть косяные наросты, как терновник скрывает вход в пещеру от солнечного света. Телевизор Павел смотрел в наушниках.

Жена повторяла громче, разделяя слова:

– Лети в Турцию, на неделю, хоть отвлечешься.

Вот ведь, а только что предлагала на две.

– А Сонька, Мишка?

Вопрос подрывал хрупкое спокойствие, будто разламывалась скорлупа и холод расплзался в квартире. Сковывал движения, мысли, чувства.

– Ну лучше загреметь по призыву. Они во Львов поедут, вчера Соня сказала.

– Как во Львов, к кому?

Он листал новостные ленты дрожащими пальцами. Уткнулся взглядом в экран, лоб покрыла испарина, в Киев опять прилетела ракета.

– Так к кому, у Пети там родня?

Зная, что увез дочь, он всегда недолюбливал, жена утверждала – завидовал. Выдающийся программист, его пригласили в Канаду, они только подали на визу. Сейчас Павел нутром понимал, что Петя – единственный человек, который позаботится о Соне и внуке.

– Ни к кому, в эвакуацию едут. Доберутся, там лагеря беженцев, не одни же, народу – сотни.

Сотни, сотня, соточка – перекраивал разум, и Павел наливал стопку.

– Бля, – после третьей он выдыхал чистый мат вперемежку с сигаретным дымом. Пять лет как бросил курить, восемь – как в запасе.

Мысль улететь утренним рейсом в Стамбул пришла неожиданно. Как же сразу не догадался. Оттуда в Кишинев. Павел выбросил в окно сигарету, подсел к компьютеру, хмель как рукой сняло.

Молдавия, пропускной пункт Окница, отлично.

Дрожащей рукой вытянул затертую еще армейскую записную книжку. Эх, только бы номер не сменил, только бы не сменил номер.

Судорожно комкал листки, вот он – капитан Милованов,

Юрка, ах ты старая шельма, небось полковник уже, а лучше бы – генерал. Юрка ответил. Они не слышались лет восемь, с тех самых пор, как Милованов переехал в Кишинев.

– Слышь, мать. Звони Соньке, пусть в сторону Винницы двигаются. Есть у меня план.

Радостью налилось тело, распрямился в рост, вскинул к потолку руку, выдохнул, хорошо, Ванька до службы не дорос, одним геморроем меньше.

Самолет приземлился в Новом аэропорту Стамбула в пять утра. Вялое солнце в иллюминаторе, сонливые вздохи соседней.

Соне исполнилось пять, когда он осознал, что у него растёт дочь. Жили тогда в двухэтажном бараке, с печкой на две квартиры. Худая Сонька мерзла зимой, жалась к матери, и он накрывал своих девочек шинелью, жесткой с мороза.

Аэропорт забит, негде присесть. Куда летит Россия, в какие города? Спасают семьи, души, на отдых в такой сложный час, в эмиграцию, по делам? Сложно сказать.

В семь сорок пять объявили о посадке на Кишинев.

Практически в восемь Соня пошла в первый класс. Только переехали за Урал, гарнизон сверхдальний, дорожки из свежей доски, мошки тучами и уютная, теплая школа. Соне нравилась.

В десять утра, подхватив невзрачную спортивную сумку, Павел встал в очередь на такси. Термометр на входе показывал двадцать два градуса.

По окончании института Соня собрала подружек в ресторанчике на Арбате, двадцать два года, хорошая дата, похожа на двух лебедей. Они с женой не пошли – пусть молодежь погуляет, выпили дома по стопке. В тот день Соня познакомилась с Петей.

Милованов сверкнул генеральской звездой в приемной из светлого дуба. Ай да молодец Юрка, умеет подстроиться под ситуацию. Обнялись, выпили по рюмашке. Просидели до вчера.

На мерседесе, предоставленном генералом, Павел попал в Приднестровье. До невозможности просто. Остановились у отеля «Маяк», он кивнул водителю, пошел и снял номер. До пропускного пункта три километра, жилья ближе нет.

Вечером вышел прогуляться, подышать и поглазеть на окрестности. В кармане пискнул айфон: эсэмэска от Сони. Дочь подъезжала к Виннице, останется на ночевку. В дороге без происшествий, Мишенька спит.

Мимо прошли двое.

– Отец, закурить есть?

– Что, не понял?

Он развернулся: небритые лица, рыскающий взгляд, мятые футболки.

– Закурить есть, папаша?

Он протянул пачку. Местные алкаши, на беженцев не похожи. Надо же, папаша, неужели так плохо выгляжу?

– Сам откуда? – дохнули перегаром и дымом, смотрят нагло.

– От верблюда, идите себе.

Он тоже закурил. В небе розовым таял закат. Он уже знал, что зять ушел добровольцем, что-то связано с дронами, да и какая разница, Украина – его земля, он молодец и, наверное, на его месте Павел поступил бы так же.

Постоял, смотря в темнеющее небо, взглянул на часы, достал айфон, сверить время. Полночь, а как светло. Завтра обнимет Соню, покачает на руках Мишутку. Про себя Павел прозвал внука медвежонком. Загавкали вдаль собаки, и шагов позади Павел не различил.

Не дождавшись на пропускном пункте отца – телефон его не ответил – Соня отравила ему эсэмэску. Времени на ожидание и поиск не было, сотрудники Красного Креста торопили, пыльный автобус отправили дальше в Молдову. Она написала отцу адрес полевого лагеря для перемещенных лиц в Фалештском районе. Мишенька плохо спал ночью – автобус часто останавливался, а сейчас улыбался во сне, и она увидела, что малыш и вправду похож на деда.

ЕЛЕНА МАМЕДОВА

О любви

1

**Ты мосты за собой не жги,
ни себе, ни ему не лги.
Ты любимых умей прощать –
бойся в гневе любовь потерять...**

2

**Не жалеете о том, что уже не вернуть
И исправить нельзя,
как бы вы ни пытались.
Ляжет на́ душу тихая тайная грусть,
Этой тайны не скрыть,
не развеять печали.**

**Промелькнет то в глазах, то в улыбке она,
Потому что ничто не проходит безвестно.
Не жалеете о том, что любовь так грустна –
Вы ее испытали,
и это чудесно!..**

Кувшин

**Стоит кувшин передо мной.
Его любовно делал мастер,
Вложив в него весь опыт свой,
И вдохновенье, и характер.**

**Высок и статен тот кувшин,
Всё в нем прекрасно, совершенно.
Упорно, долго, вдохновенно
Работал мастер тот над ним.**

**Как дерзок ручки поворот,
А горлышко –
как девы шея...
Ему, наверно, лет пятьсот,
Но красоты не стерло время.**

**Пусть нет создателя давно –
Смерть человеку неподвластна –
Стоит кувшин передо мной,
Жизнь мастер прожил не напрасно.**

СЫНОВЬЯМ

Хорошо, когда дети смеются,
Когда смехом наполнен ваш дом.
Пусть печали от них отвернутся
И везет им по жизни во всем.

Как хочу я от бед уберечь их,
Уберечь от невзгод и потерь,
Чтоб весельем звенели их речи,
Обходило бы горе их дверь.

Все готова я сделать, Всевышний –
Лишь добром осеняй жизни их.
Как для матери радостно слышать
Смех мальчишек своих дорогих!..

Подруга

Таире

Мы можем просто тихо посидеть,
Порою нам не нужно даже слова.
В глаза друг другу молча посмотреть,
И все поймем, прочувствуем мы снова.

Всю жизнь прожили рядышком с тобой,
И наша дружба длится дольше века.
Скажу открыто, не кривя душой:
На свет нет роднее человека!

Любовь прошла тихонько стороной
И не заметила большого сердца...
Так, значит, предначертано судьбой,
А от нее куда нам, грешным, деться?

А дружба нас с тобой не подвела,
Прошла сквозь годы –
óтрочество, зрелость...
И то, что нам судьба не додала,
Воздали щедро нам любовь и верность.

Одиночество

Голова покрыта черной шалью,
И от слёз состарились глаза –
Ах, как жаль, что их не миновали
Жизненные бури и гроза.

Как она гордилась сыном-парнем –
Нету его краше и умней!
И от мысли, что жила недаром
Становилось на душе теплей.

Проходили годы чередою,
Не боялась старости она,
Говорила: «Будет сын со мною –
Никакая старость не страшна!»

Только не поспоришь ведь с судьбою,
И беду не отведешь рукой.
Не упрячешь сына за спиною,
Если враг пошел на нас войной.

Отняла у матери сыночка
Хищная, жестокая война.
Не надеть ей пестрого платочка,
Что на свадьбу сына берегла.

Навсегда покрыта черной шалью
Матери седая голова.
И судьбу ее, что враз сломали,
Не опишут праздные слова...

Фляга

О войне написано немало,
Всех рассказов и не сосчитать.
Я хочу о верном друге малом,
О солдатской фляге рассказать.

В знойный день она солдат спасала,
Чтоб от жажды им не умереть.
Шла с бойцом на подвиг и на смерть,
Вместе с ним в атаку поднималась.

Никогда его не покидала –
Вместе шли до самого конца.
Было, что от пуль его спасала,
Защитив от хищного свинца.

Вот она, пробитая, бедняга,
Ей теперь воды не удержать...
Надо взять ее и отвязать,
Для чего нужна такая фляга?

Но солдат не отвязал подругу,
У него не поднялась рука.
Он еще ее покажет внуку –
Флягу, что в бою его спасла.

ФАРИДА МАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Женщины племени «Ноа»

– Песнь молчит, мама, – собрав все силы простонала Пия, шевеля окровавленными губами.

Мать, опустившись на колени, держала в руках ее голову. Из ее гневных глаз дождем лились слезы. Одной рукой она крепко зажимала рану дочери, а другой гладила ее по голове. Пия вся была в крови. Мать понимала, что та при смерти. Ни одна из стоящих вблизи женщин не осмеливалась подойти к ним. Им оставалось только смотреть, затаив дыхание.

– Песнь молчит, мама, – снова простонала Пия.

На сей раз ее голос прозвучал совсем тихо, будто из глубины колодца, и никто не услышал ее кроме матери.

Несчастливая мать, держащая на коленях окровавленную дочь, убрала руку с раны и отвела назад спадающие на глаза волосы дочери, затем наклонилась чуть ближе и прошептала Пие на ухо:

*По ту сторону этой мрачной долины,
Где-то вдали от деревьев и леса,
Где-то поднимется ветер и
Принесет нам наши грезы,
Принесет мечты...
Подуй же, ветер, подуй,
Принеси нам маков...*

Мать продолжала петь, а веки дочери медленно смыкались...

– Я очень боюсь, – всхлинула одна из трех девушек, прижавшихся друг к другу в углу темной и сырой хижины.

– Не бойся, слейся с той песней, что внутри тебя, не давай ей смолкнуть ни на миг, – решительно молвила Пия.

– Песня?

– Что значит, песня?

– Какая песня?

Прозвучали чередом вопросы девушек. Пия на секунду растерялась. Как это, не знать, что такое песня?

– У вас нет песни?

– Пия, ты снова пытаешься рассмешить нас...

Девушки расхохотались. На краткий миг они позабыли где находятся...

Они не могли сосчитать, сколько дней провели в темной и сырой хижине, но, как минимум, два дня точно. Внутри царил непроглядный мрак. На самом верху хижины находился небольшой дымоход, но его чем-то законопатили. Кажется, соломой. В хижину падал тонкий, узкий луч света. По этой узкой полоске они определяли наступление ночи и утра. За последние дни никто ни разу не открыл дверь к ним, не принес ни хлеба, ни воды. Девушки выбились из сил от голода и жажды, оттого, что

проделали пешком долгий путь в течении нескольких дней. Они сидели вповалку в углу словно грузные мешки. Внутри не продохнуть от запаха навоза и мочи.

Девушкам даже говорить не хотелось. Иногда они могли всплакнуть, простонать. Они ждали, вяло держась за руки.

Пия погрузилась в раздумья. Только она из всех девушек продолжала надеяться. Лишь она верила, что этот кошмар закончится. Она, не отвлекаясь ни на секунду, пела свою песню: «Где-то по ту сторону этого мрака, вдали поднимется ветер... Подуй же, ветер...»

Закрыв глаза, она вспоминала родную долину. Вспоминала мать. Вспоминала женщин племени, Мату ...

На горизонте снова показались вражеские всадники, которые каждый год нападали на племя, сжигали дома, грабили, невзирая на людские слезы убивали всех от мала до велика.

Женщины заголосили, старики взяли детей за руки и забежали в хижину, мужчины вооружились копьями и топорами, встали грудью на защиту селения.

Ждали смерти.

Всадники остановились на небольшом отдалении от селения. Встали в ряд. Будто чего-то ждали. Прошло пять минут, десять. Ни враг, ни мужчины племени не сделали ни шагу.

Это молчание нарушила Мата из племени. С дубинкой в руках она прорвалась сквозь строй мужчин и прошла вперед. Медленными шагами зашагала в сторону вражеских всадников. Она шла босая, с распущенными волосами, бесстрашно. Раскачивалась копытом волос, распущенных на плечи, блестело ее смуглое тело под лучами вечернего солнца.

Все молча наблюдали за происходящим. Никто не услышал какой раздался приказ, когда Мата почти добралась до всадников, но она бросила свою дубинку и опустилась на колени. Один из всадников выступил вперед строя. Они о чем-то говорили с Матой. Немного спустя Мата встала, взяла отброшенную в сторону дубинку и пошла обратно, в сторону селения. Вражеские всадники всё еще стояли не шелохнувшись.

Когда Мата добралась до селения, мужчины племени тут же подбежали к ней. Всем было интересно, что же всё-таки случилось.

– Они требуют вас, – спокойно молвила Мата как ни в чем не бывало, – если мы выдадим им всех мужчин племени от мала до велика, они не тронут племя и больше никогда сюда не ступят.

Женщины, всё это время молчаливо стоящие перед своими хижинами, заголосили снова.

Мужчины немного посоветовались меж собой. Вражеские всадники пришли в движение. Они медленно приближались к племени.

Мужчины побросали оружие. Они намеревались сдаться врагу. Подозвали стариков, спрятавшихся в хижинах. Взяли на руки мальчиков, держащихся за материнские юбки. И даже оторвали одного новорожденного от материнской груди.

Женщины кричали и проклинали врага, обнимали мужей, отцов, детей, братьев, пытались удержать их.

Мальчики плакали, девчушки, высунувшие головы из хижин и увидевшие всё происходящее, стреляли из пращей во вражеских всадников. Некоторые из женщин упали без сознания.

Всадники добрались до селения. Мужчины стояли, опустив головы, в окружении стариков и детей. Мата была некоей границей между женщинами и мужчинами. Она отбивала дубинкой и валила наземь тех из женщин, которые пытались подойти к своим мужчинам.

В тот день все мужчины племени от мала до велика, от самого крохотного малыша до самого глубокого старика вышли в окружении вражеских всадников из селения и никто больше не узнал, как сложилась их участь. Вражеские всадники сдержали обещание и больше не нападали на племя.

После того, как ушли мужчины, как пришли в себя женщины, как вышли из хижин старухи и девчушки, Мата подняла высоко свою дубинку и гневно выкрикнула:

– Женщины, с этого дня я – вождь племени Ноа. Впредь меня зовут «Черное пламя». Будет наказана каждая, обратившаяся ко мне как «Мата». Отныне без моего веления никто не имеет права даже дышать.

Таким вот образом бывшая проститутка племени стала его вождем.

С того самого часа начались черные дни. Женщины не умели ни сеять, ни охотиться. Вдобавок, в ту зиму не выпал снег. И дождь не полил, ни весной, ни летом, и ни осенью. Зерна пшеницы и кукурузы, кое-как побросанные в землю, не дали всходов и погибли. Припасы были на исходе. Зарезали и съели коз. Иногда, когда удавалось добыть каких-нибудь птиц у водооя, в племени случался настоящий праздник.

Женщины собирали в лесу ягоды, сушили и припасали на зиму. Из-за засухи почти пересохла и река. С каждым годом становилось тяжелее. И с небес не проливалось ни капли. Зеленые холмы долины превратились в серую пустыню. Кусты засыхали, листья на деревьях не распускались, травы редели, превращались в колючки. Всё вокруг становилось серым.

Племя состояло из пяти-шести дряхлых коз и скорбных женщин.

В тот год случилось странное событие. Одна из женщин, отправившаяся вместе с дочерью в лес собирать фрукты, вернулась одна. Дочери рядом не было. Никто не узнал, что же произошло, мать только сказала, что потеряла дочь. Она сосредоточенно собирала фрукты и вдруг спохватилась, что дочери нет. Честно говоря, это никого особо не тронуло, после некоторых расспросов Мата оставила женщину в покое и о пропавшей девушке все позабыли. Одна Пия не могла забыть сестру. Ночью она прижималась к матери и засыпала ее вопросами, выясняла обстоятельства пропажи своей сестры. А мать ничего не говорила, из ее печальных глаз лились слезы...

Пия хотела отправиться в лес собирать ягоды со своими ровесницами. Мать сначала не хотела давать разрешения, но, устав от упрасиваний девушек, отвела их в избу Черного Пламени и получила разрешение. Но их должна была сопровождать еще одна женщина. Таким вот образом одна женщина и три девушки отправились в лес.

Девушки бежали, толкались, смеялись и развлекались. Выбитая из сил, уставшая женщина не поспевала за ними. Внезапно Пию посетила мысль. Они предложили женщине дожидаться их, сев на камень. Ведь все равно до леса оставалось шагов десять-пятнадцать. Женщина дождется их здесь, а девушки соберут еду и вернуться обратно. Это предложение пришлось женщине по душе. Подобрав подол, она села на камень и велела девушкам не задерживаться. Девушки стремглав помчались в лес.

Войдя в лес, одна из девушек тут же рванулась к кусту шиповника.

– Стой, – сказала Пия, – может, пойдём вглубь леса, кто знает, может, нам повезет и мы ещё и грибов отыщем?

– А если не сможем найти дорогу обратно?

– Мы вернемся тем же путем, тут нет ничего страшного. Может, ещё попадутся и цветы с бабочками, идем, пожалуйста, идем, – настояла Пия.

– Цветы?

– Да, помните, раньше их на полянах было полно. Мелкие желтые соцветья, алые маки, помните?

– Даааа...

– Бабочки, перелетающие с цветка на цветок, – Пия раскрыла руки, подражая полету.

– Очень красиво выглядели, – молвила одна из девушек.

– Пия, если потеряем путь, не сможем вернуться обратно, Черное Пламя при- бьет мою мать. Накажет ее за то, что та разрешила нам идти одним.

Но Пия их слушать не стала. Раскрыв руки в «полете», она побежала в чащу. С корзинками в руках девушки побежали за ней, окликая ее по имени.

Они не знали, какой проделали путь в поисках цветов, бабочек, грибов, но, увидев тусклый просвет среди деревьев, поняли, что настал вечер. Их пугали лесные звуки, вой и уханье, доносящиеся из чащи. Когда они, раздвигая густые заросли, вышли на опушку, уже стемнело. Не могли определить, насколько далеко ушли от долины, от селения. Вдобавок не могли понять, в какую сторону надо идти.

Женщина, дожидаящаяся их, сидя на камне, вероятно, давно уже ушла. После того, как она скажет, что потеряла девушек в лесу, Мата задаст ей пару вопросов. А потом всё забудется, как ни в чем не бывало. Задумавшись об этом, Пия стала пла- кать. Девушки присоединились к ее плачу. Но делать было нечего. Опустилась ночь. Возвращаться в лес опасно. Прижавшись друг к дружке, они сели за деревом и стали дожидаться наступления утра.

Когда девушки проснулись, уже рассвело. Они пытались согреть друг друга, словно спящие вместе щенята, но утренняя роса и прохлада не дали им спать. Вре- мени терять нельзя. Перекусив собранными ягодами, они отправились в путь. Но не могли решить, в какую сторону следует идти. После некоторых колебаний они вы- брали направление и пошли.

Они шли по кромке леса, робко держась друг за дружку. Вода была на исходе. Пили по глоточку, чтобы хватило на всем пути до родного селения. На всем пути не попало ни лужицы, ни крохотной речушки.

Шли уже несколько часов. Время от времени останавливались передохнуть. За- катывалось вечернее солнце. Дорога всё тянулась и тянулась, конца и краю леса не видать, не видать и родной долины. Только на закате второго дня они поняли, что шли по неверному направлению.

Они выбились из сил. Вода закончилась. В корзине лежало всего пять-шесть сморщенных яблок.

– Может, вернемся назад?

– Мы идем уже два дня. У нас не осталось ни сил, ни еды идти по всему этому пути обратно. Лучше идти вперед, чем умирать от голода и жажды на пути обратно, может, нам удастся отыскать родник или ручей. Мы не можем вернуться обратно и снова искать верный путь.

Звучало рассудительно. Девушки не стали возражать и согласились с предло- жением Пии.

Они продолжили идти по опушке. Порой находили какое-нибудь сморщенное яблоко или айву, радостно отправляли в корзину, и продолжали идти, надеясь отыс- кать воду.

Был полдень третьего дня. Понуро ступающие девушки услышали вдруг жур- чание воды. Замерли, прислушиваясь. Журчание доносилось совсем рядом. Побросав корзинки, они побежали на звук. Чуть впереди тек полноводный ручей. С чистой, прозрачной водой. Вода пенилась, стекала как водопад с некоторого возвышения в пруд. Девушки радостно бросились в воду. Зачерпнули ее горстью и поднесли к рас- трескавшимся губам. Напились вдоволь. Умылись. Вода была ледяная. Но им это было нипочем. Они стали играть, весело кричать, брызгая друг на дружку. В эту секунду послышался конский храп. Девушки подняли головы и увидели в двух шагах от себя не сводящих с них глаз всадников.

Открылась дверь. Свет снаружи ослепил девушек. Они прикрыли глаза руками. Кто-то схватил их и поволок наружу. У них не осталось сил сопротивляться. Они подчинились и стали ждать, что случится дальше. Их выволокли на пяточок, похожий на площадь. Вокруг копошились дети, женщины, мужчины. Пия оглядывалась вокруг и тут будто заметила среди толпы молодую женщину, похожую на ее мать. Женщина показала на миг и пропала.

Один из всадников, пленивших их и приведших сюда, стал по одной поднимать захваченных девушек, будто демонстрируя. Женщины шептались между собой, дети смотрели на девушек с изумлением. Скоро представление закончилось. Мужчина позвал одну из женщин и препоручил ей девушек. А та женщина позвала на помощь еще нескольких соплеменниц. Они погнали девушек к хижинам.

Сначала их хорошенько вымыли и соскребли грязь. Затем накормили вкусной едой, куриными ляжками, вареным мясом, дали попить воды, сладких отваров. Девушки ни разу в жизни не ели таких прекрасных кушаний. Они смотрели на снующих вокруг мальчиков. Они не помнили, когда в последний раз слышали детские голоса, видели мужские лица. И потому побаивались мужчин и мальчиков. После трапезы их отвели в хижину поспать. В хижине были расстелены аккуратные постели. Кроме них внутри находилось еще несколько других девушек.

Перед тем, как они легли, одна из прислуживающих женщин спокойно спросила начались ли у них месячные. Девушки ответили утвердительно. Женщина вышла из хижины. Они уснули под странными взглядами других находящихся там девушек.

Как только настало утро, та самая женщина разбудила их, толкая в бок. Они спешно оделись и вышли. Вокруг сновали люди племени. Будто готовились к празднику. Всё вокруг было украшено алыми лоскутами, веревками, цветами. Девушки растерянно рассматривали округу, цветы, детей, нарядных женщин.

– Сегодня свадьба, – прошептала на ухо Пии одна из девушек, которая ночевала с ними в хижине.

– Свадьба? – округлила большие светлые глаза Пия. – Что такое свадьба?

– Да. Сегодня вы станете женами мужчинам, нашедшим вас, – ответила девушка.

– Стать женами? – изумилась Пия. – Нет, я не хочу становиться ничьей женой, – Пия так громко крикнула, что все обернулись.

Девушка потянула ее за руку.

– Если не хочешь снова отправиться в этот хлев, молчи и делай, что скажут.

Пия окинула умоляющим взглядом собравшихся. Кажется, всем всё было непочем. Все готовились к свадьбе. Среди женщин снова показалось и пропало то молодое лицо, похожее на ее мать.

В тот день с полудня до вечера длилось веселье. Еды было вдоволь: нанизанные на вертел барашки, козы, курица, рыба, разные сладкие отвары. Были даже сладкие хлебцы из пшеничной муки. Девушки радостно ели и пили, танцевали вместе с женщинами племени. Выглядели довольными своей участью. Кажется, всё было позабыто – родное племя, долина, матери, Черное Пламя. А Пия не могла проглотить ни кусочка, не могла отпить ни глоточка. Одна из девушек взяла ее под руку, желая включить в танец, но Пия так грозно на нее глянула, что девушка, не говоря ни слова, отошла и продолжила свой танец.

В ту ночь они собрались уйти в свою хижину поспать, но им не позволили. Они больше не имели права спать в этой хижине. С этой ночи каждая должна была спать со своим мужчиной. Девушки заинтригованно и с волнением ждали предстоящего. А Пия начала кричать и плакать. Она повторяла, что не хочет становиться женой, хочет вернуться в родное племя, долину, к своей матери, но женщины сначала рассмеялись, а потом разозлились и насильно поволокли ее в одну из хижин.

Пия ждала, стоя в углу. Боялась. Не понимала происходящего. Не знала, куда всё это заведет, но чувствовала себя в опасности. Сожалела. Оттого, что уговорила девушек отправиться в чащу, оттого, что не позволила вернуться с полпути, сожалела, что уговорила свою мать позволить ей отправиться в лес. Но было уже поздно. Из глаз лились слезы. Она тихо напевала свою песнь, молила о помощи, ждала чуда.

Открылась дверь и вошел огромный мужчина. Он бросил на Пию мельком взгляд и стал раздеваться. Разделся до исподнего и лег в постель. На несколько минут воцарилась тишина.

– Идешь? – сказал наконец чужой мужчина. Пия не ответила. – Приказываю тебе раздеться и идти сюда, – в голосе мужчины прозвучал гнев.

Пия молча разделась. Робко подошла к постели и села на краешек. В лунном свете, пробивающемся из дымохода, она выглядела прекрасной как ангел.

Мужчина схватил ее за руку и потянул к себе. Пия закрыла глаза и, повторяя про себя свою песнь, стала дожидаться окончания кошмара.

В ту ночь она не спала до самого утра. Чужой мужчина спал, рыча как лев. А как только наступило утро, оделся и вышел. Пия выбилась из сил от страха и плача. Даже встать с постели сил не осталось. Всё тело ныло. Она не понимала, что же всё-таки произошло. Не понимала, что же сделал с ней ночью этот увиденный впервые мужчина, но понимала, что отныне ненавидела всех мужчин.

Как хорошо, что Черное Пламя отдала всех мужчин племени врагу, – думала Пия. Теперь она упрекала себя за то, что раньше ненавидела за это Черное Пламя. Она думала, как же счастливо жила вдаль от этих диких существ, в своем племени.

Зашла одна из вчерашних женщин и насильно одела ее. Сначала ее искупали, затем повели есть. Девушки сидели за столом и снова выглядели довольными своей участью. Пия удивилась. Неужели с ними не случилось этой ночью то же самое, что с ней? Она попыталась узнать это при первой же возможности. Девушки утвердительно кивнули и продолжили есть и веселиться.

С того дня Пия ощущала себя несчастной. Днем она сидела тихо в сторонке и смотрела на спящих детей, женщин, а по ночам ложилась в постель с чужим мужчиной. Она ощущала себя ходячим чучелом. Ни деревья, ни цветы, ни бабочки – ничего этого она не замечала. Напевая под нос свою песню, она ходила по окрестностям и строила план побега.

Она уже пыталась несколько раз, но в первый раз пришлось вернуться из-за собак, а во второй заголосила одна из женщин и подняла на ноги всё племя. В третий раз она вышла из избы в полночь после того, как уснул мужчина. Ускользнув от внимания дозорных, она только-только вышла на путь, как услышала за спиной окрик «стой». Ее поймали и отвели в хижину, мужчина был в ярости из-за прерванного сна и потому вlepил Пие затрещину. У нее всё потемнело в глазах, съжившись в углу она проплакала до самого утра.

С того самого дня она больше не пыталась убежать. Влачила, как тень, безрадостное существование. Порой замечала среди женщин лицо, похожее на материнское, оно показывалось на миг и пропадало.

Она не могла сосчитать, сколько уже времени они здесь находились. Остальные девушки вели себя, будто полноправные женщины племени. Они, как и остальные женщины, занимались повседневными делами, купали детей, доили коз, готовили еду. Пия чувствовала себя плохо. Ни с кем не говорила, проводила свои дни, тихо сидя в сторонке. Каждый день казался ей длиною в год. Она не интересовалась ничем происходящим вокруг. Да и есть толком не могла. А в последние дни ее мутило. Как только она отправляла в рот кусочек, ее тут же тошнило и она вырывала. Это ее состояние повторялось несколько дней и тогда одна из женщин схватила ее за руку и поволокла к хижине знахарки. Знахарка ощупала ее, заглянула в рот, потыкала в область пупка, засунула пальцы во влагалище. Затем взяла с полки бычий рог и при-

ставила к ее животу. Вслушивалась некоторое время, затем прошептала что-то на ухо сопровождающей женщины.

– Ты беременна, – сказала сопровождающая Пию женщина, когда они вышли от знахарки.

– Что? – не поняла этих слов Пия.

– Ты беременна, – повторила женщина, – у тебя в животе ребенок.

– Ребенок в животе? – в ужасе округлила глаза Пия.

Ее отвели в другую хижину. Тут кроме Пии находились еще две женщины. У них несколько раздулся живот, будто к пупку был привязан мешок. Пия впервые в жизни видела беременных. У нее в животе ребенок – так сказала та женщина. Как так? Что ребенку там делать, кто и как поместил туда ребенка? Чем всё это закончится? Ей разорвет живот, когда ребенок подрастет? – эти вопросы совсем запутали Пию.

Ей предстояло оставаться в этой хижине, рядом с беременными. Она тому радовалась. Она избавилась от чужого мужчины, его мерзкого дыхания, его рыка, его прикосновений. Пия задавала женщинам вопросы, и получала ответы о ребенке, беременности, родах.

С каждым днем ее живот становился всё больше и больше.

Пия боялась. Внутри нее человек, он растет и однажды выйдет наружу. Всё это было для нее столь странно, непонятно и страшно.

Проходило время, живот становился больше, ей становилось хуже. По утрам у нее опухали ноги. Она не могла нагнуться и подобрать платье, надеть. В один из таких дней она ощутила в животе резкий толчок. Не поняла, что произошло. Испугалась. Крикнула и вжалась в угол. Случился второй толчок. Будто внутри проплыла рыба. Или вспорхнула крыльями бабочка. Нет, нет, будто прыгнула птица.

Пия, закрыв руками лицо, стала напевать свою песню.

В ту ночь кто-то разбудил ее, Пия испугалась, думая, что это чужой мужчина. Но когда открыла глаза, увидела напротив себя ту молодую женщину, похожую на мать. Попыталась понять, сон это или явь.

– Ты дочь Риты? – прошептала похожая на ее мать женщина.

– Да, – тоже прошептала Пия.

– Как мне этому поверить?

– Не знаю...

– У тебя есть что-нибудь на память от матери?

Пия на мгновение растерялась. Ведь она ничего не взяла с собой, когда ушла в лес. Откуда ей знать, что с ней случатся такие злоключения... Вдруг она вспомнила о своей песне. Ее глаза радостно блеснули.

– Песня, – молвила Пия, – моя песня, ветер, маки, – тихо прошептала она.

Похожая на мать женщина внезапно обняла ее за шею. Кажется, она плакала.

– Постарайся обвыкнуться здесь. Отныне тут твой дом. Ты подарить этому племени ребенка.

– Я хочу к маме, – всплакнула Пия, – я должна вернуться в родную долину, в родное племя, к своим. Мама ждет меня.

Женщина тихо встала и, ничего не говоря, вышла из хижины.

Женщина снова разбудила ее следующей ночью. Она велела Пие одеться и следовать за ней. А сама вышла из хижины, подстраховывая Пию. Пия, ничего не спрашивая, оделась и вышла. Они тайком покинули племя, не попадаясь на глаза дозорным. Пия очень погрузнела, не могла быстро идти, задыхалась. Женщина взяла ее за руку, чтобы помочь. Они немного отделились от племени. В мраке стояла телега.

– Не бойся, – сказала женщина, – это жрец соседнего племени. Я поручила тебя ему. Он проводит тебя до долины. В телеге есть еда и вода. Если начнутся боли в животе, обратись к жрецу, чтоб он остановил повозку. От тряски может случиться выкидыш. Надеюсь, ты доберешься к своим в целости и сохранности.

– А как же ты? – спросила Пия. – Они тебя убьют.

– Не бойся, я жена вождя этого племени. Женщины не имеют права послушаться меня. А мужчинам скажут, что ты умерла при родах. Всё равно ведь ты на сносях, это подтвердит и знахарка. Иди. Не медли. Передай Рите привет. Передай, что я ее очень люблю и за всё благодарю.

Женщина обняла Пию, вместе с жрецом они усадили ее на телегу.

Пия добралась до родной долины в полдень второго дня. На всем пути телегу трясло и ей казалось, что прямо сейчас ребенок выскользнет из нее как рыба. Она чувствовала покалывание внизу живота, порой тупую, порой острую боль. Но ее всё это не пугало. Она не могла поверить, что возвращается столько времени спустя, что наконец-то увидит долину и свою мать.

На подступе к долине жрец спустил ее с телеги, попрощался и уехал. Вот уже видна долина. Скорее всего одна из женщин заприметила силуэт на горизонте, потому и заголосила, перед подступом к долине собрались женщины, которые долгие годы не видели ни тени на горизонте. Они дожидались, прикрыв глаза ладонями. Пия медленно добиралась.

Всё вокруг было серым. Долина напоминала пустыню. Не видать ни одной зеленой травинки. Пия достала из-под платья маленький мешочек. Она тайком собрала в этом мешочке высушенные семена цветов и трав. Она открыла мешочек и шла, раскидывая семена по серой пустоши, которая некогда была цветущим полем. Стоя неподвижно, женщины наблюдали за ней.

– Мама, – крикнула Пия, почти добравшись.

Мать, узнавшая голос дочери, прорвалась сквозь строй женщин. Пия добралась до родного края. Мать ошарашенно побежала к ней и обняла. Мать и дочь, крепко обнявшись, тихо стояли перед женщинами племени.

Вдруг неожиданно для всех одна из женщин выбежала вперед и вонзила Пие в живот копьё. Пия застонала и повалилась наземь. Черное Пламя ринулась к ним. Ударила женщину с копьем, отбросила назад. Обагренная кровью, Пия лежала на земле.

Маленький котенок потянулся к лужице крови. Вытянул язык и стал лакать. Черное Пламя снова рванулась вперед и дала котенку такого пинка, что того отбросило ударом на стену хижины. Котенок упал затем на четыре лапы и дал деру в кусты.

В тот вечер после погребения окровавленного тела дочери Рита принялась готовить на поминки. Она тайком достала из-под груди мешочек. Рассыпала порошок по посудам с едой. Она готовила этот порошок из особых грибов. Если ночью не спалось, она брала щепотку этого порошка, размешивала в воде и спала как убитая. Она не жалела зелья, засыпала им всю еду. В эту ночь все будут спать глубоким сном.

После трапезы каждый ушел в свою хижину.

Рита зажгла подготовленные загодя факелы и спалила все хижины. Высушенные за долгие годы под солнцем солома и хворост мгновенно воспламенились. Она некоторое время наблюдала за этой картиной, а потом вошла в одну из горящих хижин.

На следующее утро на месте селения было одно пепелище. Две три дряхлые козы, бляя, бегали туда-сюда. Вдруг загрохотало в небе. Сверкнула молния. Впервые за долгие годы на долину полил дождь.

В ту весну долина расцвела. Всё вокруг покрылось зелеными травами. На полянах расцвели яркие цветы, алые маки. Но отчего-то в центре маков темнело черное пятно...

И каждый раз, когда дул ветер, в воздухе раздавалась песнь, будто травы, деревья, цветы распевали хором:

*По ту сторону этой мрачной долины,
Где-то вдали от деревьев и леса,
Где-то поднимется ветер и
Принесет нам наши грезы,
Принесет мечты...
Подуй же, ветер, подуй,
Принеси нам маков...*

Хрустальная лошадка

Отодвинув меню, откидываешься на спинку. Снаружи идет легкий дождик. Внутри гуденье, напоминающее пчелиное жужжание. Снующие вокруг девушки в коротких юбочках, с кепками на голове, маленькие дети, дергающие за подол мам, с головой ушедших в смартфоны, грузные мужчины, чьи плешивые головы гармонируют с выступающими животами... А в зале щекочущий ноздри запах сметанного соуса с сыром и чесноком.

Смотришь на часы. Без пяти два.

Смотришь в окно. Всё еще льет дождь. Спешащие прохожие, мокрый блестящий асфальт, сигналы машин.

Тишина, воцарившаяся в твоей голове... Безмолвие. Вялость.

– Ну как, выбрали? – мило улыбается девушка в кепке... Ее голос будто не добирается до тебя, звучит как из колодца. Ты читаешь по ее улыбающимся губам – ну как, выбрали?

– Почему тут все одеты в белое? – отвечаешь ты вопросом на вопрос.

Баааахх... – девушка в кепке в панике оборачивается к двери.

Резкий звук – грохот двери, дребезг окон, мгновенно запаниковавшие люди...

Баааахх...

Во второй раз. Толчок. Разбившиеся вдребезги посуда и оконные стекла, осколки на полу... Кричащие люди, детский крик...

Баааахх... В третий раз, второй толчок. Потолок грохнулся на пол.

Ты больше не слышишь криков... Люди, прорывающие толчею и выпрыгивающие наружу, плачущие дети, поджавшая хвост собака...

Влившись в толпу, ты выбегаешь наружу. Не думаешь даже, где оставила сумочку.

Баааахх... Баааахх... Толчки один за другим. Ты уже потеряла им счет. Ты почти выбралась, но тут кто-то хватается за твою ногу. Точнее, рука. Тянет за брюки. Ты на секунду замираешь.

Окровавленная рука тянется через порог и хватается за твои брюки. Ты теряешься. Рука отпускает твои брюки и протягивает тебе какую-то вещицу. Не медля ни секунды, ты нагибаешься и берешь этот предмет. Прижимаешь его к груди и спешно, не оглядываясь, выбегаешь из здания. Толпа снаружи напоминает разворошенный муравейник. Переполох. Не обращая ни на кого и ни на что внимания, отходишь и садишься на скамейку под одним из деревьев, и смотришь на ту самую вещицу, которую всё это время прижимала к груди – это стеклянная статуэтка лошади. Хрустальная лошадка высотой примерно тридцать сантиметров. На ее носу пятнышко крови. Вытираешь рукавом свитера. Пятно засохло – не вытирается. Мочишь рукав свитера слюной и пробуешь еще раз. Нет, пятно впиталось в стекло, не сходит. «Верните ее к жизни», – так сказал тебе вослед тот человек, протянувший стеклянную лошадку. Ты вспоминаешь это сейчас или слышишь прямо сейчас?

Что это за слова? Верните ее к жизни. Что это значит? Что делать с этой лошадкой?

Ты встаешь и, не обращая внимания на руины, людей и автомобили, не оборачиваясь, уходишь за угол и теряешься из виду...

На подходе к автобусной остановке чувствуешь какую-то тяжесть в груди. Через два шага неожиданно вырываешь фонтаном.

Шлёёпп...

Твои ноги погружаются в ледяную воду. Тебя пробирает дрожь.

Мама снова наполнила тазик холодной водой и поставила к твоей кровати. Женщина нашла способ разбудить дочь, страдающую сомнамбулизмом.

Встаешь, засунув мокрые ноги в пушистые тапочки. Ты проснулась. Надеваешь халат и проходишь на кухню. Собираешься было приготовить кофе, но это тебе в тягость. Апатия, длящаяся уже столько месяцев... Быть может, мама скоро решит и эту проблему. Матери – настоящие целительницы. Мама... Стать матерью... Материнство... Решение проблемы...

Ты соскучилась по аромату кофе. Ты любишь кофе именно за его аромат... В твоей географии отсутствует кофейная цивилизация.

Наклоняешься к ноутбуку, раскрытому с прошлого вечера. Включаешь экран. Сотни сообщений, уведомлений в папке «Входящие»... Нет желания. Ни к чему нет никакого желания.

Возвращаешься в спальню, подходишь к постели. Нагибаешься и заталкиваешь тазик под кровать. Бросаешься спиной на постель.

Тбилиси... Дождь. Незнакомое кафе. Незнакомый парень. Его улыбка... Он так красиво улыбается, что ты даже сейчас чувствуешь себя женщиной, когда вспомнишь его.

Он часто оборачивается в твою сторону, улыбается и улыбается...

Тбилиси. Второй визит. То же самое кафе... Снова случайная встреча.

На сей раз он за барной стойкой. На этот раз его волосы длиннее, чем в прошлый. Немного похудел. Улыбка та же. Он приветствует тебя взглядом. Продолжая улыбаться, что-то говорит, но ты не понимаешь иностранного языка...

Почти полночь. Звуки музыки, пьяный смех, танцующие грузинки, удушливый дым сигарет... И эта родная улыбка, ни на миг не покидающий тебя взгляд его глаз.

Ты подходишь к барной стойке. Спокойно заглядываешь ему в глаза. Он протягивает тебе коктейль. Берешь. Один, два, три... Забываешь считать...

Утихает пьяный смех, музыка медленно заканчивается, дым сигарет немного рассеивается... Бар закрывается... Снаружи дождливо. Кажется, скоро утро.

После обеда подходишь к ноутбуку.

Открываешь папку с сообщениями. 254 непрочитанных сообщения. Апатично, краем глаза проглядываешь часть. Беспокоят по поводу объявления, которое ты запустила прошлым вечером. Ты оборачиваешься и смотришь на статуэтку, стоящую на пианино в углу. Из щелей жалюзи солнечные лучи падают на нос лошади. Блестит пятно крови. Эта стеклянная лошадка тревожит тебя.

Каждый из 254 человек, написавших тебе, настаивает, что эта статуэтка принадлежит ему. Они радуются, что та нашлась. Не могут поверить, что нашлась. Среди них есть и те, кто вовсе не надеялся.

Некоторые даже изумляются, что статуэтка не сломана.

Одни утверждают, что потеряли ее в парке, другие – в поезде, а третьи – на остановке. Некоторые говорят, что не знают, где и как ее потеряли. Один вот пишет, что ее потерял ребенок в детсаду. Смешно. Как эта стеклянная статуэтка могла попасть ребенку в руки?

Тебе, и так выдохшейся, становится уж совсем худо. «Это последнее», – думаешь ты и открываешь последнее сообщение. Оно приводит тебя в изумление. Женщина по имени Хаят пишет, что эта статуэтка лошадки принадлежит ей и она потеряла ее во сне. Она еще спрашивает точности ради – у нее на носу есть крохотное красное пятнышко?

Ты застываешь как вкопанная. Еще раз перечитываешь сообщение, имя от правителя. Нет, всё верно, так и написано. Пробыешь пошевелить ногами: если это сон, пусть ноги погрузятся в тазик с холодной водой, чтоб ты наконец проснулась.

Нет, это не сон. Ты вдали от кровати, замерла, как статуя, перед ноутбуком. Вдруг из левой ноздри течет кровь.

Кажется, ты съездила в Тбилиси в третий раз. Странно, в каждый твой визит в Тбилиси идет дождь.

На этот раз его нет. Не знаешь, где его искать. Даже не знаешь, как его зовут.

Дворняги с пробитыми биркой ушами... Автомобили... Старая метростанция, по платформе которой ты ходила из угла в угол... Здание драмтеатра. Смеющиеся молодые люди, проходящие мимо. Церковный колокол... Незнакомые люди. Беспокойство и тревога, растущие в тебе...

Куда ты пойдешь? Что будешь делать?

Просыпаешься от звонка телефона. Осторожно встаешь с постели, чтобы ноги не погрузились в тазик, ищешь носки.

Сегодня у тебя с ним встреча.

Выпив стакан чаю, выходишь из дому. Уже выходя из подъезда, вспоминаешь, что не прихватила стеклянную лошадку. Возвращаешься обратно, нажимаешь на кнопку лифта.

...Идешь, крепко прижав статуэтку к груди. У входа в парк – так вы договорились, да?

Но это не похоже на парк. Ага, вот остановка. На пятьдесят метров влево от остановки – кажется, так он писал. Но на парк это не похоже. Ты проходишь остановку и решаешь идти в сторону кафе. Надо было взять его номер.

Поскальзываешься. Под ногами лужица рвоты. Кого-то только что вырвало. Тебе становится брезгливо. Зажимаешь рот рукой и идешь в сторону кафе. За шиворот попадает капля дождя. Ускоряешь шаг.

Вдруг замирают все звуки. Ты словно прорываешься сквозь безмолвие. Вокруг ни звука. Смешиваешься с толпой, стекающей в кафе. Твое внимание привлекает бумажка у входа – «клиническая смерть». Переворачиваешь бумажку – теперь на двери «биологическая смерть». Входишь внутрь.

За спиной раздается в панике – «верните ее к жизни». Ты хочешь обернуться, но наталкиваешься на кого-то, стеклянная лошадка выпадает из твоей руки на пол и разбивается. Смотришь на часы – два ровно.

Из носа течет кровь. Алая кровь капает на разбитое стекло.

– Ну как, выбрали? – улыбается одетая в белое девушка в кепке. Выбрали?..

РАХИМ АЛИЕВ
РАССКАЗЫ
Роман Сакины

Сеид пристально взгляделся в белую шелковую кофточку девушки: чистота и аккуратность радовали глаз. Грудь кофточки украшал крупный цветочный узор. Черные глаза девушки контрастировали с белой кофтой. Он был раздосадован на друга: совсем сбрендил этот Сафар, как девушку можно в пивную водить? Да, над входом написано «Кафе», но это место – пивная для рабочих, построенная на улице Балаханской после войны. Большевики преподнесли рабочим в дар эту новую пивную: целый день работаешь весь в поту и крови, а после пьешь пиво и прохлаждаешься.

Сафар разложил на столе еду, выпивку, сел. Сеид взглянул на него: тот не чувствовал никакого дискомфорта, ему было до фени, что он привел девушку в неподходящее место. Разливая водку, крепко держал бутылку в левой руке – так рука не дрожала. Поставив бутылку, взял рюмку, чуть приподнял.

– Будем здоровы, – сказал он и выпил содержимое рюмки мелкими глотками. Пара капель из уголка рта упала на лацкан пиджака.

Бросил в рот соленый творог и закурил. Они пили вдвоем, девушка не пила. Некоторое время спустя он представил девушку Сеиду. Ее зовут Сакина. Муж в России, есть дочь. Преподает в университете. Сафар улучил минутку и окинул взглядом девушку: среднего роста белокожая худая девушка с костистым бескровным лицом, казалось, вот-вот упадет в обморок. Когда она смотрела серьезно, глаза становились красивыми, а когда смеялась, те закатывались, напоминая глаза пьяного. После второй рюмки у Сафара развязался язык, он говорил без умолку...

Допили водку и встали, пошли к мастерской Сеида. На лице Сафара запечатлелась бескрайняя гордость, держа голову прямо, он вышагивал с таким достоинством, будто видел, что сокрыто за горизонтом. Сакина молчала, не говоря ни слова. Она обращалась к Сеиду на «Вы». Это нравилось ему, но и вызывало улыбку – к нему давно так не обращались. В мастерской Сафар принялся хвалить Сеида: уважаемый мастер, архитектор, дизайнер, художник. Заварили чай. Для Сакины эта полуподвальная мастерская была чем-то новым: на стенах постеры с голыми женщинами, какие-то покрытые патиной железяки. Посередине невысокий круглый черный столик, пахнет сыростью и сигаретами.

Провожая гостей, Сеид еще раз оглядел Сакину сзади: ниже спины та выглядела упитанной, а ноги совсем не спички. Видать, Сафар хотел показать девушке мастерскую не просто так: то есть, вот где можно побыть вместе. Сеид испытал зависть к Сафару за его наглость. «Вот как надо действовать», – подумал он.

Затем в течение месяца-двух у Сакины и Сеида случилось несколько незапоминающихся мимолетных встреч. Она приводила своих студентов на практику в тутошнюю школу. Пару раз заходила с Сафаром в мастерскую. Но дело не шло дальше распития чая и водки. Затем они пропали. Сакина ханым стерлась из памяти Сеида.

Прошло немало времени. Однажды около полудня Сакина пришла в мастерскую. Это был первый визит девушки без сопровождения Сафара. Сеид даже удивился. Она наспех припудрилась, надела чуть великоватое в плечах коричневое пальто. Она снова обратилась к Сеиду на «Вы» тоном светской дамы. Правда, бледное напудренное лицо девушки ему не понравилось – эта пудра совсем не к лицу светской даме.

Сеид терпеливо выжидал: сначала он подумал, что Сафар зайдет за ней. Но тот не пришел. Затем подумал, что она чего-то попросит, ведь Сеид на все руки мастер. Но просить она ничего не стала.

Сакина рассказывала о жизни с мужем в России, рождении дочери, об университете, о том, как они с Сафаром там преподают, как преподаватели берут взятки. Она отзывалась о Сафаре уважительно. Сняла пальто, под которым был пепельного цвета шерстяной свитер с широким воротом. Сеид бросил взгляд на часы: прошло больше четырех часов с ее прихода. Гостя все не собиралась уходить, сидит и словно ждет чего-то. Сеид встал и в шутку подошел к ней со спины, опустил правую руку ей на плечо:

– Какая дорогая у тебя одежда...

Девушка не шелохнулась, но Сеид заметил, что ее маленькие грудки взволнованно вздымаются. Сакину будто оглушили – и оглушили преждевременно. Он прошелся широкими ладонями по худым плечам девушки. Но та никак не отреагировала. Затем его руки опустились ниже. Грудки девушки оказались маленькими и мягкими, но соски крупными. Сакина не оказывала никакого сопротивления, так и сидела, не шелохнувшись. Но Сеид немного возбудился. Понял, что девушку не распалить. Он отошел от нее, взял с вешалки куртку и сказал:

– Схожу в магазин, скоро буду...

Девушка ничего не сказала. Сеид вернулся и положил на стол целлофановый пакет, из которого торчало горлышко бутылки с водкой. При виде его Сакина лениво встала и сказала:

– Мне пора, надо забрать дочку из школы...

Сакина надела пальто и пошла уверенным шагом. Сеид смотрел ей вслед: под пальто ее фигура не угадывалась, она создавала впечатление худой женщины. Сеид понял: она придет еще. Но та не пришла даже через две недели. Вместо этого каждый день под вечер в мастерской раздавались звонки. Когда он снимал трубку, на другом конце трубку вешали. Когда Сеид устал от этих звонков, он принес из магазина соседа Альпанаха телефон с определителем. Этот телефон в магазин Альпанаха установила его жена, чтобы не терять над ним контроля.

В тот же день раздался звонок. Как только Сеид снял трубку, на том конце дали отбой. Затем позвонили еще раз. Снова отбой, но номер тот же. Сеид записал номер в записную книжку, а определитель вернул Альпанаху, чтобы жена ничего не заметила.

Сеид терпел еще два дня. На третий день после первого же звонка он набрал тот номер, который высвечивался на определителе. На том конце сняли трубку, он поздоровался.

– Здравствуйте. Куда вы звоните? – вежливо спросил женский голос.

Это был голос Сакины с легкой хрипотцой. Как будто она говорила в закрытом помещении. Сеид позабыл все заготовленные попреки, но сказал:

– Сакина ханым, это Сеид. Давно вас не видно. Как поживаете? – завязалась прерывистая, запинаящаяся беседа.

Сеид, придав голосу доброжелательности, сказал:

– Заходите как-нибудь в мастерскую, соскучился...

– Завтра провожу дочь в школу и зайду...

Сеид не был злопамятным, но хотел хоть как-то проучить Сакину за эти надоедливые звонки. Утром зашел в магазин, закупился. А Сакина пришла ровно в то время, в какое и звонила. После небольшой преамбулы Сеид накрыл на стол. Поставил рюмку и для нее, налил. Знал, что пить она не станет.

– Бери, – равнодушно сказал он ей, когда поднимал свою рюмку.

– Я ни с кем не пью, – сказала она, подняв рюмку, и выпила вслед за Сеидом в знак особого уважения.

Сеид успокоился. Сакина выпила, значит, сделала шаг в его сторону. Затем она сказала, что выпивала с мужем, когда они жили в России. Рассказывала еще, без всяких нервов рассказала о русской женщине, с которой жил ее муж.

Сеид опешил: у этой девушки, выросшей в обычном шемахинском селе, не имелось никакой предвзятости по отношению к русским женщинам. Да, редкое явление. И пила она вровень с ним. Без всяких колебаний она прошла в маленькую комнатушку возле газовой плиты, села на двухместный диван, но раздеться не могла. Сеид заходил то так, то эдак, но понял, что девушка и вправду стеснительная, стесняется собственного тела. Это не понравилось Сеиду. До самого конца не дошли, Сакина ломалась, как девственница.

Потом, когда они вернулись в большую комнату, он заметил гримасу боли у нее на лице.

– Ты расстроилась? – спросил Сеид.

– Колики, – девушка приложила ладонь к низу живота, – пойду домой, прилгу...

Сеид проводил ее и спокойно выдохнул. Не любил он, когда дела наперекосяк шли. Да и от секса никакого послевкусия не осталось.

Проходили недели – Сакина выветривалась из памяти. Сеид был человеком гостеприимным, многие заходили в мастерскую, многие с ним устраивали посиделки, выпивали. Спустя четыре месяца, в последние весенние недели Сакина позвонила в мастерскую. Сеид тут же узнал ее хриплый голос. Она обратилась к нему «муаллим» и снова на «Вы».

– Когда зайдете? – спросил под конец Сеид.

– Завтра провожу дочь в школу и зайду, – ответила Сакина.

Обстоятельства первой встречи вылетели из памяти Сеида. Ему захотелось начать сначала. Он снова сходил в магазин, закупился. Сакина пришла в шерстяном свитере, в котором приходила в первый раз, вспотела. Но настроена жизнерадостно, лицо светится. Они выпили водки, закусили. У нее развязался язык, она рассказала, что с ней приключилось за эти четыре месяца. Оказывается, после последнего визита в мастерскую она попала в больницу, муж приехал из России, дал денег на операцию. Ее оперировали по женской части. Она сказала, что уже долгие годы страдает бессонницей. Глаза горят, а вот заснуть не получается. Удастся вздремнуть только под утро, и потому она мучается. После водки девушка казалась Сеиду пьяной, большие ее глаза закатывались, когда она улыбалась. Но на широком диване ее словно подменили: снова не хотела раздеваться.

– Я боюсь, боюсь, – повторяла она...

– Чего боишься-то?

Девушка не хотела отвечать. А Сеид начал понимать, что это обычное ее состояние. Они немного покувыркались, у Сеида пропала охота. Сакина, заметив это, поцеловала его в щеку.

– Не обижайся, ты мой собственный выбор, – сказала она и замолчала, не стала продолжать. Слово «выбор» показалось Сеиду довольно наигранным, будто его проносили со сцены. Не успел он додумать до конца эту мысль, как увидел, что девушка сама раздевается, скидывая одежду на пол. Она легла рядом с задумавшимся Сеидом и прошептала ему на ухо: – Боюсь коллик, не спеши, будь осторожен...

Но Сеиду совсем расхотелось, секс с большой женщиной показался ему невыносимым. Они долго лежали, не шелохнувшись. Затем Сакина положила широкую ладонь Сеида себе на пупок. Тело ее отдавало холодом. Она опустила голову на его плечо. Сеид почувствовал, как Сакина втягивает в себя запах его тела. Постепенно он начал ощущать на груди ее шумное горячее дыхание. Вся ее стыдливость улетучилась, она стала совсем другой, она с жадностью втягивала в себя его запах и будто задыхалась от этого. Эта поначалу смешная для Сеида игра возбудила его.

Но затем Сакина снова стала со страхом выскальзывать из-под него. Она как будто теряла себя. Страсть захлестывала ее, но Сеида близко она не подпускала. Он почти заставил ее отдаться. После Сакина снова стала обращаться к Сеиду на «Вы».

День спустя Сакина позвонила, рассказала, что бессонница выбивает ее из сил, доставляет мучения. Он примерно понимал причины – слышал от кого-то, что без мужчин женщинам не спится по ночам, ибо жизнь без мужчины претит самому естеству. Но говорить об этом ей он не стал, она и так страдала, беречь рану не стоило. Но по звонку было ясно, что Сакина знает о причинах своей бессонницы, ибо этот ее звонок – признание удовлетворенности от той возни в постели.

Но и от этого свидания в памяти Сеида ничего не отложилось. Потому у него рука не поднималась позвонить девушке. Они не искали встречи несколько недель. Потом Сеиду снова стали названивать после полудня. Они встретились. Почти допили водку, как Сакина стала говорить странные вещи: в прошлый раз, уходя из мастерской, она по дороге познакомилась с одним вором в законе. Этот вор в законе стал ее преследовать, угрожать по телефону, типа, ты должна принадлежать только мне, не то зарежу. Сакина рассказывала эти странные вещи с интересом.

– Он продолжает звонить?

Сакина кивнула, глаза покрылись поволокой.

– Дура, – продолжил Сеид, – никому не давай номера, ни с кем на улице не знакомься...

– Наверно, я подвыпила, – сказала она и по-детски рассмеялась, – но не хочу, чтоб он больше звонил, надоел совсем...

– Тебе пить нельзя, – сказал Сеид, держа в руке допитую бутылку.

– Без выпивки стесняюсь, не хочу забираться в постель, муж приучил меня в России, говорил, ты холодная...

Но в комнатке возле газовой плиты Сакина на сей раз оказалась вовсе не холодна. Забравшись на него, она умоляла:

– Стисни меня, прижми к себе, – а затем испустила громкий крик.

На этот раз Сеид остался девушкой доволен, у него развеялись подозрения по поводу того, что она тайком встретится с вором в законе. Он немного похвалил Сакину. Девушка рассказала ему о деталях своей операции. Хирург, Фирангиз ханым, имела степень доктора медицинских наук.

– Я тебе там все почистила, теперь будешь дико страстной! – сказала Фирангиз ханым после операции.

Сеид рассмеялся. Поднялось настроение. Но когда увидел синяки на ее теле, расстроился. Эта девушка то невинная овечка, то львица, подумал он.

– Вору в законе скажи, что вернулся муж и чтоб он больше не звонил, – стал он наставлять ее на прощание. – А если все же позвонит, вешай сразу трубку, пускай проваливает...

Вор в законе и вправду отвалил. Но у них появился пунктик: каждый раз после водки Сакина рассказывала, как уходя от него и будучи навеселе, знакомится на Балаханской улице с мужчинами. Да и другую тему для разговора найти не получалось. Потому-то Сеид слушал с интересом все эти признания. На следующий раз Сакина рассказала о водителе автобуса.

– Ему тридцать четыре, холост, выбрал меня. Любит меня, такие слова по телефону говорит!

– Он младше тебя, ничего не выйдет, забудь... – серьезным тоном сказал Сеид, допив последнюю рюмку.

Но Сакина поддерживала отношения с новыми знакомыми. Видно, нуждалась в них, эти острые ощущения занимали ее. Сеид скупился на ласковые слова, не делал девушке любовных признаний, а Сакина будто назло рассказывала о встречах с Сафаром в парке, о его ласковых речах. Эти речи напоминали старое вино.

Как-то Сакина рассказала об ордубадце, который держал «Кафе». Сказала, что жена у него там, в деревне. Здесь он ищет себе нормальную женщину. Сакину любит, ему сызмальства нравятся худенькие женщины с миндалевидными глазами. Он часто приглашает ее в свое кафе. Сам он мужчина видный, тридцати восьми лет. Есть два ребенка, жена окончила восемь классов, а с Сакиной он хочет начать новую жизнь.

Ближе к весне Сакина забеременела. Как назло, муж давно не приезжал, бизнес прогорел. Они продали дачу в Мардакяне, две городские квартиры. Непременно надо было делать аборт. Сакина снова обратилась к Фирангиз ханым. Но та, кажется, совсем спятила: предложила Сакине родить, а потом отдать ребенка ей. Видимо, собиралась заработать на ребенке. Фирангиз пригласила Сакину в ресторан на бульваре. Девушка отзывалась об этой встрече как о чем-то романтическом, но Сеид в этом ничего романтического не усматривал. Доктор рассказывала о своем коллеге и любовнике докторе Эльбрусе, который был младше ее на пятнадцать лет. Они вдвоем морочили ей голову, чтобы Сакина оставила ребенка.

Дело кончилось тем, что Сакине сделали аборт на четвертом месяце. Деньги пришлось дать Сеиду. Он подозревал, что врач тянула с делом, чтобы заполучить больше денег. Сначала он предполагал, а потом убедился. Но Сакина всему этому не придавала значения и даже продолжала созваниваться с Фирангиз ханым.

Прошли годы. Сеид с Сакиной порой не встречались по три-четыре месяца. Когда она однажды позвонила, он знал точно: приезжал ее муж, остался на пару недель, потом уехал. После его ухода Сакина была сама не своя.

– Улетел вчера утром, – говорила она, – глаза устремлялись куда-то вдаль, потом в них появлялись слезы. – Так по нему соскучилась...

Через три года после начала отношений они стали друзьями, которые виделись раз пять в год. Сакина приходила к нему еще и для того, чтобы выговориться. В такие минуты Сеиду становилось жаль ее: бедная, лучшие годы своей жизни провела без мужчины. Он считал трагедией ее продолжающуюся бессонницу, поражался ее своеобразной преданности своему мужу. Сакине не нравились его колкости в адрес мужа, она называла его хорошим человеком... Муж ее, кажется, и вправду был человеком хорошим – он часто высылал ей небольшие суммы и, хотя у него то появлялись деньги, то пропадали, каждый раз в свой приезд отдыхал с ней в сельских районах. Девушка рассказывала Сеиду о Шеки, Галаалты, Наброне. Но в итоге тот всегда возвращался к русской, которая была старше него самого. Русская с Сакиной сдружилась, обсуждали по телефону здоровье своего мужчины.

Жизнь постоянно подкидывала сюрпризы отношениям Сеида с этой девушкой. Однажды Сакина снова забеременела, а у мужа в эту пору было туго с деньгами. Сеид совсем разнервничался, так как это была внематочная беременность: если опоздать с операцией, Сакина может умереть от кровопотери. Наконец, нашелся врач, оперирующий лазером. Сеид с трудом собрал деньги и дал девушке. А сам утешился тем, что это окончательное решение проблемы, Сакина впредь не забеременеет.

Но эта радость длилась недолго. Следующей весной Сакина снова забеременела. Обратилась ко многим врачам, те рекомендовали срочно оперироваться. А хирург, оперирующий лазером, испарился. Сеид день и ночь крыл его матом. Сакина после длительных обследований сказала Сеиду, что тот врач удалил только одну маточную трубу, а должен был обе. Если беременность случилась в одной трубе, то обязательно случится и в другой. А в частной клинике сказали, что тот хирург арендовал тут кабинет, а теперь переехал, забрав все аппараты, мы понятия не имеем, где он. Сеид подозревал, что они врут.

Ситуация сложилась непростая: Сеид дал Сакине столько же денег, как и в прошлом году, но на эти деньги нигде не оперировали, цены выросли вдвое. Люди совсем совесть потеряли, а Сеид потерял деньги. Затягивать не стоило. Сакина вынужденно пошла на операцию в отдаленном от Баку городке. Чуть не умерла – хи-

руг не знал, что у нее плохая свертываемость крови. Но даже потеряв много крови, она не умерла, ибо ей свыше суждено было остаться в живых.

Все эти дела напугали Сеида. Пару месяцев они общались только по телефону. Затем Сакина раза три заходила к нему в мастерскую. Затем пропала года на два-три. После смерти матери у нее случилась тяжелая депрессия. Муж забрал ее с дочерью к себе в Россию. Там они выдали дочь за одного родственника. Один знакомый поэт выслал ей из Баку в Москву две тысячи, на эти деньги она и вернулась в Баку. В России муж начал пить...

На следующем свидании Сакина рассказывала, что тот поэт действительно ее любит, предлагает ей переехать с ним в Турцию. Она снова вспомнила Сафара. Тот уже скончался. Сеид внимательно слушал все эти рассказы о приключениях, ему было интересно. Но он упрекнул ее за то, что она влезла в долги. Напрасно она ставит себя в зависимость. Хотя Сеид понимал, что тут одними словами не обойдешься. Потом девушка снова пропала.

На тринадцатый год их знакомства Сакина снова позвонила Сеиду. Ему шел сорок шестой год. Наутро ее привез в мастерскую личный водитель на серебристом четырехглазом мерседесе. Они, как в прежние времена, выпили водки. Сакина принесла с собой две бутылки русской водки. Сказала, что муж перенес операцию на сердце, больше не пьет. Управляет рынком одного русского прокурора, и теперь у них снова есть деньги.

– Так что больше не называй его торгашом, у него высшее образование, он мой джаник, я на все ради него готова.

Сакина рассказала о том, сколько тратит, сколько денег потеряла. Когда дошло до постели, она настояла, чтобы они отправились на новую квартиру, купленную мужем. Сеид нехотя согласился. Они поехали на новую квартиру на ее мерседесе. Квартира выглядела нарядной, как музей.

Они легли на новехонькую двуспальную кровать. Простыни тоже свежие, хрустящие. Сакина поправилась, похорошела, но появился небольшой второй подбородок, и он портил ей лицо. Однако тело ее было упругим, чистым. Она без устали говорила. Секс оказался повтором того самого первого раза, может, даже хуже. Как, где, когда – все смазлось. Сакина в постели оглохла, не слышала его слова, не считалась с его желаниями... Так спешила, будто сейчас постучатся в дверь. И сама смуталась, но не подала виду. Не стала портить маленький праздник. Сеид молчал, но ему не нравилось, когда складывалось вот так. Когда он встал, собираясь уйти, Сакина достала из сумки пачку купюр и протянула Сеиду.

– На, тать, это из денег торгаша, – сказала она полушутя.

Сеид смутился.

– Не возьму его денег... – проговорил он. Сеид был человеком порядочным, понимал, что все эти годы муж так или иначе заботился о Сакине.

– Все тратят, и ты тать...

Сакина сказала это с детской непосредственностью. Будто умоляла. Сеид протянул руку и вытянул одну сотку.

– В следующий раз ходим в ресторан, – рассмеялся он.

– В следующий раз отправимся на дачу. Мой джаник купил новую дачу...

Сакина усадила Сеида в мерседес, но сама садиться не стала. Машина привезла его на Балаханскую улицу.

– Я дядя Сакины, – сказал по дороге пожилой шофер. – Хороший она человек...

Сеид тоже пробормотал какие-то теплые слова. Желания беседовать не было. Прошло два-три месяца, Сакина не появлялась.

Однажды на телефон Саида пришла смска из Турции: «Я навсегда переехала

в Стамбул с Явру Акбашем. Он любит меня по-настоящему. Здесь у него бизнес и дом. Не ищи меня. Ты меня никогда не любил. Сакина».

Саид все силился, но так и не смог вспомнить, кто такой этот Акбаш. Утром вспомнил: пару раз он слышал его настоящее имя – Манучехр. Он младший брат того самого поэта, который одолжил две тысячи Сакине. Манучехр писал модернистские картины. А бизнес в Турции принадлежал старшему брату.

Сеид вспомнил еще вот что: Сакина как-то рассказала ему, что до замужества, еще будучи девушкой, хотела сбежать с одним врачом, у которого было трое детей. Даже чемоданы собрала, но ничего не вышло.

Интуиция подсказывала Сеиду: она позвонит еще.

Ночные гости

Зияд-киши узнал их в темноте. Одна заходила утром. Переговорила с директором и ушла. Тот сказал, что они вечером придут искупаться. Теперь их было двое. Одеты бедно. Одна толстуха, другая худая, как жердь. Толстухе лет двадцать пять-двадцать семь. В черной изношенной юбке, желтой кофте с цветочным узором. Худышка в домашнем халате в черный горошек. Потрепанная жизнью, лет под сорок. В руке красная торба. Лицо худое, костлявое, глаза мелкие, нос заостренный. Как будто страдает коликами. Зияд-киши встретил их у широких железных ворот гаража... Внимательно посмотрел в смуглое лицо толстухи с отвисающей челюстью. С прожектора напротив падал свет им под ноги. Гости поздоровались и вошли. Двор большой, припарковано машин десять-двенадцать. Большие прожекторы по углам и на стенах освещали весь двор.

– Дядя Зияд, мы пришли в баню...

Пожилой сторож промолчал, и в ту же секунду понял, что это нехстати.

– Добро пожаловать, рады вас видеть, заходите. Пойду включу газ...

Гости прошли в комнату Зияд-киши. Комната больше походила на помещение в учреждении, а не на закуток сторожа. Это была контора бывшего гаража. Две комнаты напротив, в одной старая кровать и диван, во второй стол посередине, газовая плита на две конфорки. Еле слышимый запах машинного масла.

Старая баня, которую разжег Зияд-киши, предназначалась для работников гаража, чтобы те могли сполоснуться после работы.

Старик утром выписывал дорожные талоны пяти исправным машинам в гараже, а по ночам сторожил. Иногда как старый автомобилист находил и приносил старые запчасти. Живущие по соседству хорошо его знали.

Осматриваясь в гараже, Зияд-киши шагал в сторону конторы. Стояла светлая безветренная ночь. Дойдя до конторы, задумался: эти гости пришли не только за банькой. Что еще их интересует? Худышка пару раз уже приходила купаться. Но всегда приходила днем и просила разрешения у директора гаража Гани, старого друга Зияд-киши. А теперь они вошли чуть ли не без спроса. Как только вошел Зияд-киши, худышка сказала:

– Гани сказал, что придет в девять... Видать, дела вышли. А может и зайвится...

Зияд-киши с Гани были ровесниками. Обоим за шестьдесят. Зияд-киши невысокого роста, широкоплечий, лысый. Глядя на жирную, красноватую кожу его лица, ему вряд ли можно было дать этот возраст. Одежда поношенная, но чистая. При виде гостей он переполошился, желая услужить. Все равно ведь разговор не клеился. Да, он видел худышку в гараже, но общения не было.

За стаканом чая кое-как прошел час. Гани все не приходил.

Говорить было уже не о чем.

Гости взяли торбу, разрисованную цветочным узором, и прошли в баню.

Когда вернулись, Зияд-киши снова налил чаю, потом начал чистить картошку. Гости и не собирались уходить. А ночи у сторожа длинные. Когда запах жарящейся на масле картошки разошелся по комнате, гости перешли в наступление. Прибрали на столе, помыли пару грязных тарелок, граненых стаканов, нарезали хлеб. Зияд-киши поставил на стол едва початую бутылку водки. Достал откуда-то квашеную капусту.

...Зияд-киши разлил водку в три стакана – гости переглянулись. Сторож налил им на доньшко армуду.

– После баньки чуток можно, – потянулась к стакану худышка. А за ней и подружка. После второго захода у гостей развязался язык. Худышка стала громко говорить и смеяться. После третьей Зияд-киши больше предлагать не стал. А гости выпили без всякого предложения. Потом гости начали пошло шутить, рассказывать скабрзные анекдоты. А под конец завязался спор. Не обращая на Зияд-киши никакого внимания, женщины стали ругаться. Зияд-киши пробовал установить перемирие, но без толку. Когда хмель немного отпустил, толстуха принялась басовитым хриплым голосом напевать шансон, покачиваясь на стуле.

Толстуха еще не допела, когда худышка прошла в соседнюю комнату и упала на диван. И сразу же отключилась. Толстуха наконец допела, немного помолчала. Затем вдруг вскочила, подошла к сидящему на табуретке Зияд-киши, обхватила его сзади и прошептала:

– Холодно мне.

У Зияд-киши пересохло в горле. Не знал, что сказать, как себя вести. Волосы толстухи пахли мылом. Зияд-киши почувствовал на спине теплоту мягких, выпуклых грудей женщины.

– Раздеться? – еще раз прошептала женщина.

Зияд-киши не мог ответить. Он не мог разобрать в шутку или всерьез предлагает себя женщина.

Зияд-киши кивнул на худышку, отключившуюся на диване.

– Да ну ее, ее и пушкой не разбудишь. Даже если увидит – похер.

...Чуть спустя они лежали на скрипучей железной кровати Зияд-киши. Свет в комнате выключили, а в соседней – там, где ужинали – оставили. Этот свет, похрапывающая на диване худышка, и скрип кровати раздражали Зияд-киши. Не давали ему сконцентрироваться на теле лежащей рядом голой молодухи. Он чувствовал жаркую, мягкую женскую плоть. В темноте он провёл широкой грубой ладонью по ее мясистой спине. Они пролежали так с полчаса. Зияд-киши не возбуждался.

– Ты замужем? – спросил он, чтобы хоть что-то сказать.

– Развелась.

Зияд-киши делал большие паузы между вопросами.

– Почему?

– Сукой он был. Относился к своей законной жене хуже, чем к шлюхе подзаборной. Бил меня каждый день.

– А чего ты за него вышла?

– А кто меня спрашивал? Он умыкнул меня на свадьбе соседки, затащил в машину – и все дела. Отвез к сестре своей. Потом к себе. Неделью спустя пришла моя мама, сказала: «Дочка, возвращайся домой». Между нами ничего не было. Но я не вернулась. Сказала, кто ж поверит, что я еще девушка? Собрались небольшой компанией. Его мать отвела нам комнату. Он с самого первого дня слова ласкового не говорил. Не хотела я его. Бил, а я молчала, терпела...

– Почему расстались?

– Сыну нашему шесть месяцев было, я его кормила. Тут слышу во дворе шума. Вышла, вижу, этот козел зашел в баню к сестре, хотел ее изнасиловать. Я забрала ребенка и вернулась к маме.

Оба замолчали. Зияд-киши стало жаль эту женщину, но слов подобрать не получалось. Он еще немного помолчал, потом спросил:

– Как ты обходишься одна? После такого муженька одной тяжело...

– А я все равно ничего не чувствую в постели с мужчиной. Мне без разницы, есть мужчина или его нет... Я ничего не чувствую.

Зияд-киши не это имел в виду. Он интересовался бытом, хлебом насущным.

– Что, правда? А чего тогда с мужиками спишь?

– А что делать? Мать с отцом пенсионеры. Я старшая. С голоду подыхать?...

– Кто тебя всему этому научил?

– В соседнем подъезде была одна. Теперь она моя лучшая подруга. Я слышала, что она этим занимается. Сама к ней пошла. Нажала на звонок. Все ей рассказала.

– С одной стороны, правильно, с другой – нет. Честь надо ведь блюсти.

Зияд киши помолчал.

– Ребенка впроголодь держать?

– Хреновые времена пошли.

– Может, работу мне подыщешь?

– Откуда? Есть она, эта работа?

– Ну, значит, есть у меня работа. Аренду не плачу, долю не выдаю.

– Ты так говоришь, чтобы распалиться?

– Да нет, просто болтаем. От тебя не распалиться. Вот она, – кивнула толстуха на худышку, – в этих делах мастак.

– Ты тоже научись, больше зарабатывать будешь.

– Нет. Тут еще везение важно...

Опять помолчали.

– О муже расскажи, – сказал Зияд-киши. – Как жили... Что запомнилось?

– Что его помнить-то? Не целовал, не ласкал, слова доброго не говорил. Два года вместе прожили, а все не по-людски.

Опять помолчали. В тишине послышалось хриплое дыхание худышки на диване.

– Холодно мне, оденусь.

– Как хочешь.

– Давай ее разбужу, может, она с тобой справится.

– Далеко живешь?

– Да. В поселке. Все равно на автобус опоздала. Да и денег на дорогу нет. Один «мамед» в кармане заваялся, на автобус дали...

Толстуха пошла будить храпящую худышку. Та проснулась, села. Поняв, чего требует от нее товарка, стала неспешно раздеваться. А толстуха прошла в ту комнату, где они ужинали.

Спустя полчаса толстуха услышала скрип кровати. Зияд-киши весь в поту лежал возле худышки и молчаливо возносил благодарности этой изможденной женщине.

– Вот ты вспотел!

– Мне за шестьдесят, не шутки.

– Люди и в семьдесят женятся.

– Были б деньги – и в восемьдесят можно.

– Зияд-киши, – сказала худышка, когда гости собрались уходить, – проводи нас, пойдём...

– А Гани ждать не будете?

– Нееет, у нее ребенок маленький дома, ждать не сможем...

Зияд-киши запустил руку в карман и протянул что-то худышке. Затем с дрожащими при ходьбе коленями проводил их до ворот. Вернулся и подумал о том, что завтра скажет Гани; чувствовал себя выдохшимся.

Назавтра Гани даже не заикнулся о женщинах.

Последний звонок

Как только девушка села в профессорские «Жигули», тут же шутливо поздоровалась, затем от души рассмеялась. Беспричинный смех девушки пришелся ему по душе. Еще по телефону он понял, что она очень молода, и теперь переживал, как у них сложится разговор. Лезть за словом в карман он ненавидел.

– Знаете, почему я рассмеялась? – сказала Амина, глядя на Велизаде через зеркало.

– Ты смеешься над обстоятельствами нашей встречи. Вот сейчас спросишь, что я о тебе думаю.

– Вот-вот, именно.

– Ничего не думаю. У меня расстройство мозга, думать не могу. И еще, такие вещи с ходу неясны, со временем прояснится.

Как только вошли в дом, Велизаде сказал девушке то, что говорил всем:

– Снимай обувь, надевай тапочки, – а потом добавил: – Добро пожаловать. У кого ты взяла мой номер?

– Я не в школе, хватит говорить учительским тоном.

– Это мой обычный тон, – пристально посмотрел Велизаде ей в лицо. У нее было маленькое, но костистое лицо, большие глаза светились смелостью. При разговоре обнажались не только зубы, но и десны.

– Товарищ профессор, что это за лекарства? – кивнула девушка на стопку лекарств на столе.

– Я человек старый, мне пятьдесят семь, живу на лекарствах.

– На больного не похожи, глаза у вас светятся, как у кота. Но дом ваш мне нравится, мне его нахваливали. В чистоте все держите.

– Садись, где нравится, – Велизаде указал девушке на диван. – Я ведь архитектор.

Они сидели на выходящей в сад широкой веранде на втором этаже. Этот дом в поселке Пиршаги принадлежал семье жены Велизаде, скончавшейся четыре года назад. Внизу раскинулся большой сад, а с окна второго этажа просматривалось море.

– Кто для вас наводит тут порядок? Машаллах, не у каждой женщины увидишь такую аккуратность! – Девушка без спроса встала и прошла на кухню: на газовой плитке стояли чайник и кастрюля. Увидев грязные тарелки на маленьком кухонном столике, девушка будто обрадовалась, снова без спроса взяла и стала мыть их.

Велизаде всему этому поражался: обычно ему приходилось упрашивать своих гостей подсобить ему, и эти упрашивания давались непросто. Велизаде прекрасно знал: интересующиеся искусством женщины не проявляют никакого интереса к делам кухонным. Гости обычно интересовались его проектами, эскизами, которыми была наполнена гостиная, просили каталоги с работами. И задавали наивные вопросы. Но Амина зашла на кухню по собственному желанию, мыла посуду, а Велизаде прислушивался к звяканью ложек и тарелок, молчал и боялся, что может нарушить эту гармонию.

– Разрешите привести кухню в порядок.

– Боюсь тебя утрудить.

Девушка навела на кухне чистоту: вымыла все вплоть до ножей, протерла белую кухонную мебель.

Велизаде остался ею очень доволен: эта девушка – настоящая находка. Он, по большей части, жил здесь, на даче, а в городскую квартиру ездил раз-два в неделю. И больше всего его волновали чистота и порядок в этом дачном доме. В последнее время его нервы совсем сдали – как только он замечал небольшой непорядок в комнатах или дворе, падал духом и не мог работать.

Амина закончила свои дела, пришла и встала перед Велизаде, который, сидя за столом, листал свежую газету.

– Не каждая справится с моей работой, – улыбнулась она. – Руки у меня золотые. Жаль, досталась идиоту, – девушка вела себя с Велизаде, как проказница.

– И кто этот идиот? – посмотрел Велизаде на девушку поверх очков.

– Нельзя все узнавать при первой встрече. Если все разузнаешь в первую встречу, любовь испарится. Мое время вышло, я отпросилась с работы на час. Работаю в пансионате, вы иногда заходите к тамошним врачам, когда плохо себя чувствуете. Вот откуда я вас знаю. Сегодня время вышло, делами сердечными займемся в следующий раз. Я позвоню, когда снова смогу отпроситься. Не обижайтесь?

– Да нет, что ты, – Велизаде снял очки, отложил газету и встал. – Как можно обижаться на такую красавицу? Чует мое сердце, мне придется тебя удочерить.

– Машаллах, красивый ты мужчина, и не скажешь, что тебе под шестьдесят. Я молодняк терпеть не могу.

Амина еще раз оглядела его: высокий рост, круглое лицо, сияющие голубые глаза. Посмотрела на медного цвета кожу, которая просматривалась в расстегнутом вороте. Кожа была чуть сморщена, но отдавала здоровьем и силой. Велизаде наполнил киногероя.

– Давай поцелуемся на прощание, – девушка подошла, взяла его за левый локоть, встала на цыпочки и слегка поцеловала в губы.

Велизаде собирался сказать, что они не успели осмотреть его рабочий кабинет, посмотреть на его работы и эскизы, но осекся.

Девушка попрощалась и вышла, но затем добавила:

– Опаздываю. Подбросишь на машине?

– Прости, ей-богу, совсем из памяти выскочило.

Когда девушка сошла, Велизаде сказал:

– Найдешь время, позвони.

...Амина родилась в этом приморском поселке. Мать заболела послеродовым психозом и умерла два года спустя. Вся забота об отце, который не женился во второй раз, о двух братьях, легла на ее хрупкие плечи. Старший брат два года назад женился, домашними делами теперь занималась невестка. Амина устроилась на работу в регистратуру поселкового пансионата. Отец работал на нефтепромысле близ поселка, был необщительным человеком небольшого роста. Отец и братья очень ценили Амину, никогда не обижали, так как та сызмальства взяла на себя всю заботу о них.

Начав работать в пансионате, Амина поняла, что оказалась в чудном, доселе невиданном мире. Поначалу девушка, не зная ничего, кроме ведения домашних дел, чувствовала себя в этой среде чужой. Но она слышала приятные слова, колкости, предложения гостей-мужчин, и ощущение чуждости ушло. Вместо этого выявились такие ее врожденные качества, как смелость, независимость, жизнелюбие. Амина наблюдала за внешним видом, поведением, речью гостей и понимала, что те пришли из мира, который она не видела и не знала. Жгучий интерес к этому миру охватил все существо восемнадцатилетней девушки.

Восемь месяцев тому назад невестка радостно ей сообщила:

– Поздравляю, сегодня приходили тебя сватать, какой-то мужчина говорил с отцом, кажется, они близко знакомы. Будь счастлива.

После этих слов у Амины внутри будто что-то оборвалось. Да, отец и братья любили ее, но считаться с ней не собирались; за час-полчаса после «соглашения», они поставят ее в известность, мол, тебя хочет взять замуж один хороший человек, мы дали согласие, дай Бог счастья. После этих слов Амина не имеет права перечить, ей следовало промолчать, опустить голову и ничего лишнего не говорить.

Так все и вышло.

Спустя четыре дня после встречи с Велизаде Амина при первом же случае позвонила ему. Ей понравились его дом и двор, чистота и аккуратность. Этот дом очень отличался от их дома, а внутри приятно пахло.

Велизаде снова заехал за ней на своей машине. На этот раз девушка прибралась в комнатах, постирала его грязную одежду.

– Знаешь, кто этот идиот? – сказала она в машине, когда они возвращались. – Моему жениху двадцать семь лет. Его дядя учился с моим отцом в одном классе, он один из самых состоятельных в нашем поселке. А племянничек – идиот из соседнего поселка. Он пока даже за руку меня не брал. Один раз вышли на встречу, так он мне поперек горла встал. Этот шельмец говорит: «Не обижайся, на работу тебя не пущу, дома будешь сидеть». Сам он сапожник, в обувном цехе работает, я уже успела его возненавидеть.

– Почему? – не задумываясь, задал вопрос Велизаде.

Но девушка долго молчала, а когда он посмотрел на нее через зеркало, увидел, что та утирает слезы. Он испытал сожаление.

– Когда я не работала, мне все было невдомек, я ничего не хотела, занималась домашними делами, и ни о чем особо не думала. А теперь, возвращаясь домой, я тут же принимаюсь что-то делать, места себе не нахожу. До работы в пансионате я была настоящей домашней девушкой, но после того, как я увидела другую жизнь, возвращаться на кухню ужасно. Ты человек умный, помоги мне найти какой-нибудь выход.

– Тебе стоит вернуть кольцо, расторгнуть помолвку, вот и все, – ответил профессор.

– Тоже мне выход, – задумалась Амина. – Если верну кольцо, как отцу в глаза буду смотреть? Да и брат меня зарежет. В нашем поселке на такие вещи плохо смотрят. Об этом и говорить нечего.

Велизаде понял, что задел девушку за больное место. В молодости он и сам попал в схожую ситуацию: семейная жизнь тяготила его, но бросить семью смелости не хватало. Он чувствовал, что жить иначе не готов. Он совсем расстроился и дал себе слово больше не звать к себе домой эту девушку – все эти разговоры приводили его в уныние. Амина будто прочла его мысли.

– Ты теперь думаешь, – пробормотала она, – мне своих проблем хватает, а тут еще и она со своими...

– Знаешь, в чем твоя проблема? Тебе не следовало выходить из дома. Понимаешь? Не устраивать себя ни на какую работу. Ты стала чужой родному дому, отцу, братьям, родным и близким, вот теперь и маешься. Лучше уходи с работы, сиди дома, поначалу будет тоскливо, но потом и это пройдет...

– Вы, мужчины, все одинаковы, – девушка обиделась, и сама не заметила, как перешла на «Вы». – Женщин за людей не считаете. Остановитесь, я хочу сойти...

– Ладно, извини, – Велизаде притормозил, – я постараюсь что-нибудь для тебя придумать.

Машина подъехала к пансионату и остановилась на всегдашнем месте. Но девушка не стала сходить. Они оба молчали. Велизаде неплохо разбирался в женщинах, потому и молчал, не произнося ни слова. Минут десять спустя девушка приподнялась с заднего сидения, поцеловала его в щеку и сошла.

Когда Амина пришла к нему в третий раз, он отвел ее в свой кабинет, показал эскизы и проекты. Амина холодно оглядела кабинет и сказала:

– Я ничего в этом не смыслю, – она кивком указала на модель частного дома. – Из этого выйдут хорошие игрушки. Подарите, когда у меня появится ребенок?

Велизаде показалось, что это шпилька в его адрес, но, когда Амина досказала и равнодушно вышла из мастерской, он понял, что это не всерьез.

Выйдя из мастерской, Амина тихо прошла на кухню, зажгла газовую плитку и громко позвала:

– Давайте пить чай.

Велизаде смущенно постоял в мастерской минуты три-четыре. Он хотел сказать ей какую-нибудь грубость. Но последние слова Амины заставили его передумать. Он вернулся и сел на широкий удобный диван. Амина стояла в дверях кухни и смотрела на него. После того, как Велизаде удобно уселся, Амина тихо подошла, села к нему на колени, не прикасаясь руками, поцеловала в щеку и сказала:

– Не обижайся, терпеть не могу, когда мужчины рисуются.

Велизаде промолчал. Потом начал ласкать и целовать девушку.

Перед уходом Амина спустилась во двор за виноградными листьями.

– Я девочкам сказала, что иду за листьями для долмы, вот они меня и пустили.

Велизаде отвез девушку на всегдашнее место.

– Дорогой профессор, – сказала та, сойдя, – счастливо оставаться. Я позвоню на следующей неделе, – затем пошло хохотнула. – Между нами говоря, ты такой же, как и другие мужчины, но ты мне нравишься.

Девушка сделала несколько шагов, обернулась и прощально помахала рукой.

Амина позвонила спустя ровно двадцать один день. Она звонила из больницы.

– Кто-то заметил меня в твоей машине, настучал брату, а тот дал мне по башке, лежу с сотрясением. Я и так дурой была, а теперь совсем сумасшедшая.

Они долго перешучивались.

– Что теперь я могу для тебя сделать? Может, помощь какая-нибудь нужна? – сказал наконец Велизаде.

Услышав эти слова, Амина расплакалась, ничего не смогла ответить, повесила трубку.

После того как профессор потерял с ней связь, он представлял себя тамадой на ее свадьбе.

Вкус свободы

Этот странный случай произошел два месяца назад, но почему-то забыть его не могу. Кажется, боюсь, как бы он не повторился. Прошло уже несколько недель, но, как только вспоминаю тот день, сердце начинает колотиться, колотиться бешено, точно как в тот день. Инцидент случился неожиданно, всего-то за два дня. Я б никогда не подумал, что такое может со мной случиться, что я стану так бояться самого себя.

Главной причиной стало то, что я заболел. За какие-то несколько часов я очутился в больнице. Прямо диву даюсь. В выходной съездил на дачу, первая неделя марта, это была вторая поездка после зимы. Я взял с собой среднего сына, тот учился в девятом классе и был заядлым дачником. Погода была облачной, но безветренной, не шевелился ни один листик. Мы азартно взялись за работу.

Около одиннадцати пришел старший сын, сказал, что привез свежей печенки, можно сделать шашлык. Мы еще не приступали к котлетам с сыром, которые прихватили с собой. «Давай мы поработаем, – сказали мы ему, – а ты займись шашлыком, сам всё нарежь и приготовь». Я соревновался со средним сыном, кто больше отработает до обеда. Мы так увлеклись, что не заметили, как шашлык уже был готов. Старший сын подозвал нас к столу, мы сели, и я увидел, что он поставил бутылку водки. После работы я порядком проголодался. Средний мой еще не пьет. Потому бутылку мы распили со старшим, съели всё, что прихватили с собой из дому.

Встав со стола, мы продолжили работать. К нам присоединился и старший. Пять минут спустя я почувствовал усталость. Немного поработав лопатой, ощутил тяжесть во всем теле, оно так отяжелело, что я не мог устоять, пошевелить конечностями. То есть, мог пошевелить, но еле-еле, будто тужусь поднять тяжеленный сундук. Я отбросил лопату, сел.

Налил из термоса стакан чаю. Дети позабыли обо мне на некоторое время. Они перешучивались и работали. Я выпил чаю, и ощутил, как эта тяжесть переходит в живот. Живот так отяжелел, что мешал нормально дышать. И с каждой минутой мешал всё сильнее, мне становилось тяжело дышать. Казалось, мой живот сам собой вздувается, не уместается в своих пределах. Тут я ощутил, что мне совсем не хватает воздуха. Я тут же ослабил ремень, но помогло не очень. Я чувствовал, как нарастает тяжесть в животе, как она медленно сползает вниз. Мне дышалось так тяжело, будто внутри лежал огромный камень, который медленно рос, хотел прорвать живот и вырваться наружу.

Прошло минут десять, но дышалось так же тяжело, я лег на старую кровать. Постарался унять дыхание, но начал задыхаться сильнее. Чуть спустя вспотел, даже старый палас на сетке койки промок от пота. Спина горела огнем.

Я крикнул, подозвал сыновей, попросил воды, затем сказал, что весь горю, спина полыхает. Подошел младший, приложил руку к лопаткам, сказал, что те ледяные. Я крикнул, мол, проверь хорошенько, ведь даже палас пропитался потом. Тогда меня поднял старший, приложил руку, снова помог лечь и сказал, что нет никакого пота, спина твоя холодна. Тогда я понял, что горю от температуры.

В восемь вечера того же дня, я находился уже в больнице, в палате. Жена сидела прямо напротив, а старший сын стоял. До сих пор помню страх на лице жены, видимо, мне было совсем худо. Помню только то, что увидев страх на лице жены, я ощутил, что дышать нечем. Я вдохнул, но этого оказалось мало, потому втянул в себя побольше, глаза расширились, чуть ли не выходили из орбит. Даже сил дышать не осталось, я совсем обессилел, а сердце готово было остановиться.

Рано утром я снова пришел в себя, открыл глаза и увидел, что жена по-прежнему сидит рядом. Она исхудала за ночь, лицо совсем съежилось. Я спросил, который час, только чтобы что-то сказать. Тут же подумал, что хотел сказать совсем другое, хотел, чтобы она знала – я в порядке. Она бросила взгляд на часы, сказала, без десяти шесть.

Я понял, что наступило утро. Слегка пошевелил левой рукой, хотел вынуть ее из-под одеяла, но рука выше локтя сильно болела, я тут же понял, что это от бесперебойных уколов. Живот больше не болел. Живот, о котором я не думал до сорока одного года. Я ел всё, что можно было разжевать, даже не думал, куда оно всё уходит. Что же теперь со мной приключилось, почему я так сдал всего за день?

Подумав об этом, почувствовал себя лучше. Вот прямо сейчас могу встать и отправиться домой. Это решение так окрепло во мне, что я начал уверять жену: я выздоровел, как только придет старшая медсестра, заберу свою одежду, пусть она тоже прямо в эту минуту отправляется домой. Жена поначалу не согласилась, затем задала пару вопросов, поверила, что я чувствую себя лучше, встала и ушла.

А я тут же погрузился в глубокий здоровый сон, и как только проснулся, почувствовал, что ушла вся боль, оглянулся вокруг. Наша палата была четырехместной. Моя койка стояла в самом углу, возле умывальника. В палате имелось всего одно маленькое окно, за окном виднелась верхушка платана, а еще окна последних этажей пятиэтажек вдоль дороги. В нашей палате слышался шум проезжающих мимо автомобилей.

Мое прежнее решение, решение уйти из больницы, осталось где-то позади, будто я принял его не четыре часа, а четыре месяца назад. Теперь я не находил в себе никакого сопротивления болезни, я смиренно, безропотно принял этот факт. Вместо сопротивления болезни во мне назрело иное чувство: мне было жалко себя, я был опечален, что всего за день настолько отдалился от простой, повседневной, здоровой жизни. В нашей больнице, в палатах, где друг подле друга лежали самые разные больные, жизнь остановилась, будто мы вышли из строя и остановили свое функционирование, отстранились от жизни.

Захотелось встать, захотелось выглянуть в окно. Я и сам понимал, что это странное желание, ведь я тысячу раз видел эту улицу за окном, каждый день проезжал на троллейбусе по этой улице и шел в музыкальный техникум, где преподавал историю, и никогда не думал, что вот этот обычный вид улицы вызовет во мне сегодня такой интерес. Я сел в постели. Сейчас я видел и четвертый этаж здания, но крона платана просматривалась не больше. Тут я заметил в изножье кровати, на белой простыне, сложенную квадратом, аккуратно выглаженную больничную одежду и будто что-то отыскал. Я протянул руку к одежде. Места уколов по-прежнему ныли. Раскрыл темно-коричневого цвета одежду и радостно надел. Я так радовался, безделье забылась. Подошел к окну.

Снаружи дул легкий ветерок, ветви деревьев в больничном дворе тяжело покачивались, на них только-только раскрылись листки. Под солнечными лучами эти крохотные листки отливали золотом, они тяжело покачивались, поблескивали. Мне почудилось, что и тихая погода снаружи, и зазеленевшие деревья, и бархатная земля живы, они дышат, и что они давно дремали, но ожили именно в это утро, в утро того дня, когда я попал в больницу, ожили и приобрели податливость, присущую всему живому.

Я смотрел на пятиэтажки, выстроенные в ряд перед больницей. Они стояли настолько впритык, что походили на цельное строение. Окна на некоторых балконах открыты, на некоторых развешена одежда. Внизу, под окнами, по тротуару шли редкие прохожие, и я ощущал к ним зависть. Возле тротуара мчались «Жигули» и «Волги», я смотрел им вслед и думал: куда же они направляются? У меня никогда не было личного автомобиля, может, именно поэтому проезжающие внизу автобусы казались мне интереснее, трогательнее. Я видел, что они набиты пассажирами, и мне становилось тоскливо, очень тоскливо. Ибо для меня движение жизни олицетворяли не редкие «Жигули», а набитые пассажирами автобусы. Всё движение в моей жизни, все рокировки начинались с этих автобусов и всегда ими заканчивались. Вдобавок, в автобусах всегда много людей, их перемещение с одного места в другое и есть само движение жизни.

...Примерно двадцать лет назад, когда я проходил военную службу, порой я оказывался дежурным возле полковых ворот, когда въезжали и выезжали машины, мы открывали им ворота. Возле ворот, где я дежурил, проходила большая магистраль. Утром с семи до девяти здесь проезжали междугородние автобусы, отправляясь в самые разные уголки страны. А я, глядя на них ранним утром, испытывал те же чувства, что сейчас, видел, что прямо под носом кипит жизнь, живут люди, движутся, и я не могу прекратить им завидовать. Отсюда в Азербайджан ехал лишь один автобус, в Кировабад. Он проезжал мимо полковых ворот без двадцати-пятнадцати минут восьмого утра, а я начинал его ждать с семи. После того, как он проезжал, мне хотелось плакать.

Междугородние автобусы выглядят странно, грузно, пассажиры в них тоже сидят по-особому, по-особому смотрят из окна на идущих мимо прохожих, дома. Каждый раз, глядя на них, я думал, что можно к ним присоединиться, это не сложно. Стоило захотеть, и я сел бы в такси, отправился бы на автовокзал, и сел бы на один из автобусов. Я мог это сделать, если бы захотел. Но делать этого не стоило, это было бы глупостью. Верно, в этих автобусах чувствуешь себя абсолютно свободным. Но ведь если бы я сел в них, до меня не добрался бы ни один патруль, я мог бы идти куда бы ни захотел. Но я бы никогда этого не сделал.

...Теперь, спустя двадцать лет с тех самых пор, я стоял перед окном и заново переживал те самые чувства. Меня снедала тоска, я чувствовал себя в стороне от течения жизни, зрителем, будто вышел из игры и сейчас только глазел на нее. Но до жизни подать рукой, я слышал ее голос, видел ее движение, и эта ее близость усиливала царящие внутри тоску, печаль, от которых тяжело дышалось.

Вдруг я отвел взгляд, осмотрелся в палате. Напротив входная дверь. Слева от двери умывальник. К стене прислонен небольшой столик. Его покрывала желтоватая клеенка, с краю солонка, одна-единешенька. Во всем облике стола сквозила болезненная желтизна, будто его изготовили прямо в больнице и никогда не доставали из этой комнаты на чистый воздух, на солнечный свет.

Продолговатое лицо спящего возле окна больного заросло щетиной, его кожа обгорела под солнцем, понятно, что это человек деревенский. Он налысо постригся недели две назад, ежик на голове отрос на ту же длину, что и щетина на лице. На второй койке лежал старик с закрытыми глазами. Лицо его тоже было желтым, оно настолько исхудало, что кроме тонкой шафрановой кожи да выпирающих костей черепа ничего больше не просматривалось. Понятно, что у него нет сил даже глаза открыть. Больной на третьей койке лежал лицом к двери, можно было увидеть только седые волосы да небольшую проплешину на макушке.

Я сел на свою койку и посмотрел в сторону окна. Рамка посерела от пыли и грязи. Стекла были двойные, края почернели от пыли, еле-еле пропускали солнечный свет, понятно, что ставни заперты, их не открывали годами. Вдруг мне опять стало не хватать воздуха. Я ощутил сырость палаты. Кроме этой сырости пахло еще пылью, спиртом и йодом. Всё это смешалось и воздух стал спертым, и я, каждый раз вдыхая, ощущал тяжесть этого воздуха и спертость. Поэтому старался как можно меньше вбирать в себя этот воздух, как только выдыхал, мне не хватало воздуха, и спешно выдохал еще раз, но и на сей раз не в полную грудь, боялся, как бы эта спертость не осталась у меня в легких, повреждая дыхательные пути. Мне казалось, если глубоко вдохну, моментально почувствую внутри тяжесть.

Я вскочил и вышел из палаты, поспешил наружу, пошел туда, где хранили домашнюю одежду больных. Спустя пять минут я уже надел свою одежду, достал из кармана три рубля, дал старой толстой медсестре и чуть ли не выбежал во двор. Я не чувствовал никакой боли, был тем же самым человеком, что и до болезни. Но во мне произошел один сдвиг: будто всё – деревья, солнце, воздух, асфальт, прохожих – я видел впервые после долгого перерыва, смотрел на всё это азартно, жадно. Я вышел из больничных ворот, пришел к остановке.

Оглянувшись, всё казалось мне знакомым, но и всё казалось мне интересным, будто я попал в знакомый, прекрасный мир, от которого давно отдалился, и интерес к этому миру был большим, огромным.

Я долго так простоял. Смотрел на подъезжающие автобусы, сходящих и садящихся пассажиров. Не хотелось ни о чем думать. Мне доставляло удовольствие вот так стоять. Я даже не знал, сколько времени прошло. Насытившись этим безмолвным застывшим спектаклем, я задумался лишь об одном: «Что делать дальше?»

Но на ум ничего не приходило, я так и продолжал стоять. Затем подумал: вместо того, чтобы ломать голову о том, куда идти и на какой автобус садиться, лучше отправиться к коллеге, товарищу, который тут живет, в близлежащем поселке. Всё равно я не смог бы решить, садиться на автобус или нет, это точно.

Мой товарищ, такой же, как я, учитель, жил поблизости. Позади остановки располагался техникум связи, а позади техникума пустырь. Товарищ жил в поселке, разбитом на этом пустыре без всякого плана. Каждый раз, когда я к нему заходил, мы распивали бутылку водки, беседовали по душам. Он по специальности был журналистом, в молодости писал стихи. В последнюю нашу встречу он поднял завершающий тост и сказал, что в периодике опубликовано двадцать два его стихотворения. Но в музшколе этого никто не знал. Он был женат и разведен дважды. Теперь жил один, преподавал в нашей музшколе эстетику.

Я шел к другу и знал, что тот дома. По пятницам уроков у него нет. По пути я представлял, как задушевно мы станем беседовать и я начисто позабуду о своей болезни.

Честно говоря, я вспоминал о нем только, когда хотелось выпить или становилось тоскливо, перед моими глазами вставал его неубранный, но тихий дом, и мне отчего-то верилось: как только к нему зайду, вся моя печаль улетучится, пройдет вся тоска-грусть.

С этими мыслями я подошел к двери друга. Увидел, висит замок. Не смог в это поверить, подошел ближе и толкнул дверь, посмотрел на замок сблизил. Призадумался, но на ум ничего не приходило, я чувствовал только раздражение и досаду. «Что делать?» – еще раз пронеслось в голове. Я довольно долго простоял у порога, кажется, дожидаясь друга или принимая решение. Теперь вспоминаю, что мне тогда не хватало терпения ни думать, ни уходить прочь. Потому я и застыл там как вкопанный.

Дом друга находился на окраине поселка. Я повернулся спиной к двери и посмотрел на серую пустошь вокруг. Перед забором друга проходила грунтовая дорога, по ту сторону дороги громоздилась свалка. Дальше свалки находилось озерцо, куда стекали сточные воды, даже камыш там рос. На свалке копошились крупные красные куры. Я так и продолжал смотреть на этот пейзаж, не находил в себе желания что-то предпринять, начинал тосковать. Надо возвращаться, я уже немало тут простоял, а друг всё не появляется, я всё отчетливее понимал, что надо идти отсюда прочь, прочь от этой двери, прочь от порога. Идущие мимо прохожие тоже внимательно на меня глазели, наверно, видели тут впервые. Но я продолжал стоять и не мог принять решения идти. Сила в теле и ногах имелаась, тело мое не обессилело. Но внутри поднималось и крепло мягкое безволие. Из-за этого безволия я не хотел пошевелиться, стоял как вкопанный, равнодушно глядел на свалку, беззаботно разгуливающих там кур. «Что делать?» – снова пронесся в мозгу этот вопрос, но следом за ним ничего не пришло. Куда идти, ничего на ум не приходило, а какое-то конкретное дело казалось чем-то далеким, ирреальным.

«Что делать?» Вопрос постепенно рос перед глазами, начинал обретать какое-то особое значение. Немного спустя я ощутил, что этот вопрос превратился в большую преграду между теперешними минутами моей жизни и последующим, будущим временем, и что я должен перейти через эту преграду, чтоб жить дальше, должен дать прямо сейчас решение, должен удалиться от этого порога и куда-то идти. Но куда? Куда идти, чтобы очутиться в более интересном, более значимом, чем этот порог, месте, чтобы войти в более насыщенную полосу своей жизни? Где эта насыщенная полоса? Что, какое место может спасти меня от бессмысленности, настигшей меня перед этой дверью? Может, отправиться домой? Нет-нет. Нет... Только не домой. Я не думал о причине нежелания, только становилось неважно. Потому что каждый день, выходя с работы, я много думал, старался что-то найти, чтобы хотя бы раз не идти после работы домой, а куда-нибудь еще. Но обычно мне не удавалось ничего интересного отыскать.

Может, отправиться на работу? Моя работа – чудной мир. Как только переступаю порог, тотчас всё забывается. Ни тоски, ни радости, ни печали, ни раздумий. Всё забывается вплоть до отбоя, тихо протекают и время, и жизнь, и подумать об этом протекшем времени я могу только после выхода. Но идти на работу нельзя, нет. Подумают еще, что я не в больнице, обманываю их, заподозрят неладное. Подумают, что прикидываюсь больным. Да и что делать на работе? Пересуды, пустая болтовня, мелкотравчатость. Нет, нет. Не на работу.

Думая обо всё этом, я заметил, как растет внутри беспокойство, как вопрос «что делать?» становится сложнее, запутаннее, начинает действовать на нервы. Эта нерешительность, бесцельность угнетали меня, внутри поднималось что-то, похожее на нетерпение и страх. «А куда тогда идти, куда ж идти?» – начал я беззвучно повторять про себя. Может, к живущей тут поблизости тете? Нет, нет! Может, сесть на такси и отправиться к другу студенческих лет, тот тоже живет поблизости. Нет, нет!

Я достал из кармана телефонную книжку, я быстро проглядывал знакомые номера, переворачивал страницы. Вдруг понял, что не хочу останавливаться ни на одном из этих номеров, совсем не хочу думать, звонить им или нет. Да и о визите к тете и сокурснику я тоже думать не стал, потому что никакого желания не осталось. Как только в голову приходило навестить одного из знакомых, я тут же думал о визите к кому-нибудь другому, понимал, что не могу задержаться ни на одном из адресов, не хочу никуда идти, и тот страх или похожее на страх чувство внутри – это именно страх направиться по одному из конкретных адресов. По сути я боялся постучаться к кому-нибудь из знакомых, и именно это служило причиной тому, что я застыл как вкопанный. Я боялся последующей жизни, той жизни, которую предстояло прожить после ухода от гостей, меня пугала вся последующая жизнь, меня пугало будущее, оно казалось бесперспективным, угнетающим. Всё это время я думал, что мой страх – итог того, что я не могу решить, куда идти. Но сейчас стало ясно: я боюсь идти в дома и места, которые мне знакомы. Видимо, в каком-то отдаленном уголке мозга все знакомые места – дома, пивные, чайханы, кинотеатры – интуитивно были сопоставлены и оценены, и был выведен результат: все они одинаковы, все обещают одно и то же, и именно потому все они вызывают во мне одинаковый страх. Я, кажется, боялся последующей жизни, предстоящие мне дни, месяцы, годы вызывали страх. Почему меня охватил этот страх? Я не собирался перебирать прожитое за сорок один год, не делал никакого рационального вывода. Тогда откуда взялся этот страх? Не знаю. Наверно, этот страх сидел где-то в глубине моего сознания, и моя внезапная болезнь пробудила и вынесла на поверхность этот страх, который охватил всё мое существо.

Откуда-то вспомнилось, что в молодости, если охватывала тоска, я гулял, чтоб развеяться. Как только я это вспомнил, сразу пошел от двери, начал идти в сторону остановки перед больницей. Я тяжело переступал, проходящие мимо поглядывали, но мне эти взгляды были нипочем, мне по боку была бы даже ругань, я продолжил бы себе идти, не останавливаясь, ведь уже устал стоять на одном месте, да и напугало меня это. А теперь я шагал, был свободен, мог идти, куда захочу. Но никуда идти не хотелось, эта свобода мне не была нужна, наоборот, она доставляла мне муку, висела камнем на сердце. Я ощущал, как отступает охвативший меня страх, но его место занимало вовсе не похожее на страх стеснение, будто кто-то стискивал мне сердце, отчего сбивалось дыхание.

Что же случилось? Что со мной стряслось? Что за странный страх, почему со мной так? Что же, в конце концов, произошло? Допустим, меня нигде не ждали – ни дома, ни где-то еще, – разве из-за этого стоит испытывать страх? Почему же я боюсь, разве стоит? Только потому, что оторван от привычной жизни, стал абсолютно свободен, теперь меня нигде не ждут, теперь у меня нет никаких дел, целей, планов, внутри чисто и пусто, я свободный, совершенно свободный человек?

Выходит, я боюсь своей свободы, отсутствия работы, бесцельности, праздности? Глупости, ей-богу, глупости. Мне ведь тяжело было в палате, я пытался выбраться, как птица из клетки. Тогда почему я старался оттуда выбраться? Значит, это было глупое желание?

Я добрался до остановки. Я невольно остановился и, как только остановился, сразу ощутил тот тупой, тяжелый страх. Куда же мне идти? Что делать в такой ситуации? Страх возрос вдвое, хотелось плакать, внутри накипело. Мне надо заплакать, чтобы облегчить сердце, чтобы вынуть засевший там страх. На глазах выступили слезы. Никуда идти не хотелось. Но стоя на месте, я испытывал страх. Когда чуть не полились слезы, я стал отходить от остановки, не хотелось, чтобы меня видели плачущим. Изрядно отойдя, я с трудом зарыдал, а потом вдоволь наплакался, ощущая одиночество, от которого звенело в ушах. Я сам себе диву давался. Я не умел плакать, но сегодня почему-то плакал, как ребенок, рыдал, не мог успокоиться...

Вдруг вспомнил, что меня, наверно, обыскали в больнице. Как только я об этом подумал, всё решилось разом, бесследно ушли беспокоящие меня вопросы. Я перешел через широкую заасфальтированную дорогу и вошел в больничный двор. Чувствовал, что с каждым шагом прочь от остановки тает, уменьшается, отпускает страх внутри, и по мере этого становится легче дышать. Я спешно отправился в приемную и сдал одежду, надел больничную и ни о чем не думал, выполняя все эти действия, только ощущал, как отпускает страх в груди. Спустя пять минут лег на свою койку в палате. Никто меня ни о чем не спросил, кажется, никто и не догадался о моем уходе. Я лежал и смотрел на спинку койки, чувствовал себя так, будто спасся от очень страшной напасти, радовался, будто нашел решение какой-то ужасной проблемы, ощущал умиротворение в груди. Будто я стоял на самом краю пропасти и чудесным образом спасся, а радость росла с каждой минутой.

Немного спустя в палату вошла жена, она улыбалась. Я понял, хоть жена моя расплнела, у нее совсем расплылась фигура, я ее очень люблю. Она подошла совсем близко и спросила шепотом, где я был. Я не нашелся что сказать, потом невольно произнес: «Пошел вкусить свободы». Она не поняла, но добавлять ничего я не стал, только улыбнулся. Жена покачала головой. В ту секунду меня переполнила нежданная нежность. Я взял руку жены с выступающими венами и потянул к себе. Поначалу она не сопротивлялась, но, когда я поднес руку к губам, поняла, что хочу поцеловать, и тут же убрала и снова прошептала:

– Шутник же ты!..

Не помню, когда меня выписали из больницы. Но после этого случая я стал тихим, надломленным внутри человеком.

Розовощёкая

Гасан поначалу ее не узнал. На женщине было черное платье с крупным цветочным узором красного цвета, оно плотно облегало ее округлое мясистое тело. Увидев парня издали, она улыбнулась. Улыбка вызвала у Гасана воспоминание о том, что он видел женщину семь месяцев назад в учреждении, где работал. Женщина отчего-то частенько появлялась в их конторе: ее звали Земфира ханым.

Женщина подошла и протянула руку Гасану: ему не нравилось, когда женщины здоровались за руку, но тем не менее он покорно протянул свою. Они расспросили друг друга о житье-бытье, как добрые знакомые. Еще в прошлой конторе Земфира ханым ласково обратилась к нему с просьбой, сказала, не проводишь меня до кабинета директора? Гасан покорно сопровождал женщину на десять-двенадцать лет старше, чем он, до кабинета директора, и не решился искать второе дно в этой странной просьбе. Он помнил, что тогда она собиралась съездить на Кубу.

Они, беседуя о том о сем, и опасаясь того, что в конторе о них поползут слухи, добрались до директорского кабинета. А на прощание Гасан не рискнул предложить ей встречу. Кажется, Земфира ханым тоже уловила эту нерешительность.

Земфира ханым преподавала в ВУЗе, защитилась недавно, Гасан слышал на работе от девушек, что она еще студенткой вышла замуж за какого-то пожилого мужчину из родного района, но на последнем курсе супруги расстались. Свою дочь она оставила в родительском доме в районе, чтобы та, как говорится, не путалась под ногами. Теперь она ждала открытия галантерейной, чтобы купить пуговиц. До конца перерыва оставалось полчаса. Они принялись прохаживаться по окрестным улицам, чтобы убить время. О чем бы Гасан ни говорил с женщиной в итоге всё сводилось к очень серьезным темам, и он падал духом. Как только он это ощущал, старался придать своим речам максимальное безразличие, иронизировал, не договаривал, обрывал свои слова и мысли.

Однако Земфира ханым внимала с большой заинтересованностью, и в то же время не скрывала симпатии к этому высокому, круглолицему, усатому парню двадцати пяти лет, и даже порой выказывала притворное изумление. Беседа вдовой женщины и неженатого парня наконец добралась до сути – к вопросам семейным. Женщина говорила с внутренней убежденностью, чуть ли не пламенно:

– Надо выходить замуж за такого человека, чтобы у него не было ничего кроме тебя, чтобы он отдал тебе всё свое.

– Но, говорят, женщины не любят беспомощных, слабых мужчин.

– Гасан-муаллим, вы молоды, но довольно хитры. Беседовать с вами непросто, – Земфира ханым постаралась сдаться, показать, что парень намного превосходит ее.

Дальнейшая беседа свелась к жалобам. Земфира ханым рассказывала о своей домовитости, о том сколько времени тратит каждый день на готовку, о том насколько сладок сон, и как она не может наспаться. Израсходовав тему, она переключилась на свою работу над диссертацией. Наконец, Земфира ханым купила пуговицы, они сели на метро и сошли на станции «Аврора». Как бы ни упрашивал ее Гасан, она не дала ему авоську с курицей. Гасан решил на прощание дать ей свой телефонный номер, пусть звонит, если хочет, можно встретиться. Но выяснилось, что у Земфиры ханым нет ни рабочего, ни домашнего телефона. Парень растерял интерес, он уже не мог поддерживать беседу.

– Видишь вот тот незастекленный балкон, это мое окно, – эти слова вернули Гасана в реальность, он увидел виноградный плющ, закрывающий третий этаж и тут же выпалил:

– Да у вас настоящий навес... наслаждаетесь, значит... – но тут же понял, что манерничает, однако ответ Земфиры ханым оказался совершенно неожиданным:

– Балкон у нас тесен, квартиру выдали недавно из фонда, сами сейчас увидите...

В однокомнатной квартире женщины царили чистота и порядок, свойственные быту одиноких людей, всё лежало по местам. Одна стена комнаты открывалась на балкон, ко второй был прислонен шифоньер, к третьей буфет, а к четвертой диван-кровать. Гасан уселся на диван и стал осматриваться в комнате. Стены совсем выцвели. Он включил транзистор на журнальном столике и тут же поймал приятный джаз, прибавил чуть громкости и стал слушать.

Земфира ханым прошла на кухню, когда открылась дверь ванной, Гасан понял, что женщина переодевается. Он представил Земфиру ханым в легком домашнем халате с широким воротом и без рукавов. Затем представил как легко расстегиваются пуговицы на халате. Женщина вернулась в комнату и повесила платье в шифоньере, Гасан внимательно посмотрел на ее домашнюю одежду. Это было сплошное платье из розового местного ситца в мелкий белый горошек. Она сняла корсаж и потому живот сильно выпирал. Сопревшие и раскрасневшиеся от жары толстые большие щеки выглядели почти алыми на фоне розового платья. Земфира ханым в домашнем платье немного съежилась, растеряла привлекательность, стала похожа на обычную неухоженную домохозяйку.

– Сейчас принесу вам чаю, – сказала она ласково, отчего-то не глядя на Гасана, – вы, наверно, голодны, а курица долго готовится.

– Да, немного голоден, – постарался холодно и безразлично сказать Гасан.

Женщина снова прошла на кухню. Оттуда раздавалось звяканье посуды. Немного спустя она вернулась, достала из шифоньера большую пуховую подушку и протянула Гасану. «Усаживайтесь», – сказала она и по-прежнему не глядя ему в лицо, прошла на кухню. Почему Земфира ханым дала эту подушку? Наверно, тут какой-то намек. А, может, нет никакого второго дна, просто так дала. Гасан раздумывал об этом и ему показалось, что есть какая-то связь между этой подушкой и тем, что ее муж был старым.

Гасану надоело сидеть в одиночестве, он прошел на кухню. Женщина мыла грязную посуду. Он оперся на дверной косяк и стал наблюдать за ней. Земфира ханым тоже бросила на него мельком взгляд и отвела глаза. Гасан начал говорить только чтобы что-то сказать:

– Чем столько мучиться, лучше поест колбасы, – сказал и подумал, что напрасно прошел на кухню, нельзя к ней подходить, когда она моет посуду, тем более обнимать и целовать в шею.

Земфира ханым не догадывалась о мыслях парня, но слова Гасана ей, примерной домохозяйке, пришлось не по душе. Она стала говорить о том, как некачественна, безвкусна еда в столовых. Разговор зашел совсем в другую сторону.

– Мне противны люди, выходящие за другую национальность, женящиеся на другой национальности. Столько наших девушек прозябают в одиночестве, а парни женятся на других национальностях. – Женщина сказала последнюю фразу с особой интонацией, то есть, я могу говорить смело даже на такие интимные темы, – как они вообще могут к ним подступаться?!

По словам Земфиры ханым выходило, что если б наши парни не женились бы на других, то один из них давно бы стал кандидатом в ее вторые мужья.

– Наверно, это продиктовано тем, – Гасан попытался в очередной раз продемонстрировать свою находчивость, – что они тебе не нравятся. В этом-то всё и дело. А брезговать дело десятое...

Ответ парня пресек и эту тему. Ему совсем расхотелось обнять женщину сзади, охоты говорить тоже поубавилось. Наблюдая за ней исподтишка, он понял, что, если поцелует Земфиру ханым в мясистую шею, то почувствует на губах солонатовость, а в нос ударит запах пота.

Вдруг раздался звонок в дверь. Идя к двери, Земфира ханым бросила на Гасана недовольный взгляд и покачала головой. Гасан стоял не шелохнувшись. Затем из коридора послышался голос Земфиры ханым:

– Здравствуйте, Векиль-муаллим, пожалуйте, заходите, у нас гости.

Гасан поздоровался за руку с высоким, начавшим плешиветь мужчиной примерно того же возраста, что и Земфира ханым. По ходу разговора выяснилось, что он аспирант сорока лет, часто заходит в эту квартиру, а сам, скорее всего, неженат. Земфира ханым не стала объяснять кто такой Векиль-муаллим, и потому Гасан постарался вести себя с ним как со старым приятелем. Начал рассказывать, что в их учреждении сотрудники бьют баклуши, что нет никакой связи между теорией и практикой, и о причинах всего этого. Но Векиль-муаллим не понял, почему Гасан всё это рассказывает. Хозяйка была на кухне, потому они беседовали вдвоем. Гасан говорил и говорил, а плешивый аспирант кивал в такт головой и частенько приговаривал: «Разделяю ваши соображения». Векиль-муаллим многие свои фразы начинал словами «Знаете ли...» И, вдобавок, сильно растягивал конечный звук «и». Все его фразы напоминали дурной перевод. Земфира ханым поставила на стол курицу, в готовку которой вложила всё свое умение, и тут Гасан подумал, что самое главное сегодня для Земфиры ханым заключается в том, чтоб ему понравилась приготовленная ей курица. Он не мог понять почему так думает, не мог рассудить.

– Гасан-муаллим, знаете ли, я, – с глубокой убежденностью начал говорить Векиль-муаллим, – могу долго говорить об уникальном поварском таланте Земфиры ханым... Это можно объяснить многим...

– Векиль-муаллим, я прошу вас, – перебила его Земфира ханым, – отставить такие разговоры.

Стол был накрыт, но никто не приступал к еде. Хозяйка немного растерялась, сама ни к чему не притрагивалась, но говорила Векиль-муаллиму:

– Векиль-муаллим, прошу, приступайте, остывает. Гасан-муаллим, кажется, еда вам не нравится.

– Почему не нравится, смотрите, как я съем и вашу порцию. Мы сидим будто на официальном приеме.

Эти слова пришлись Земфире ханым по душе, она с изумлением посмотрела на Векиль-муаллима:

– Векиль-муаллим, ей богу, видите, какой искренний парень? – эти ее слова понравились и Гасану.

На маленьком журнальном столике было тесно для тарелок. После того, как Земфира ханым допила куриный бульон, она, стесняясь, попросила разрешения съест курятину прямиком с общей тарелки. Трапеза близилась к концу, хозяйка указала на бутылочку коньяка в буфете:

– Гасан-муаллим, хотите коньяку?

– Только если захочет и Векиль-муаллим, – обернулся Гасан к аспиранту, – кажется, этой бутылочке неудобно среди того хрусталя.

Векиль-муаллим воспользовался случаем и стал произносить длинный и искренний тост.

– Думаю, мы не ошибемся, если выпьем этот тост за хозяйку нашего стола Земфиру ханым, за расцвет ее научной и педагогической деятельности, – он поднял рюмку на уровень носа и протянул в сторону хозяйки, – Земфира ханым, будьте здоровы, долгих лет жизни, расцветайте, лучитесь, а мы станем, как говорится, подпитываться вашей энергией...

Земфира ханым, уставившись на стол, слегка улыбалась, стеснялась смотреть на мужчин.

Немного спустя она с Векиль-муаллимом стала обсуждать недавнее застолье, тамошних знакомых. Затем Гасан, продолжая скучать, завел речь о приключении, которое случилось с девушкой, с которой была знакома и Земфира ханым. После речь зашла о том, красива или нет одна женщина, которую знали Земфира ханым и Векиль-муаллим. Когда Гасан встал, спор прекратился:

– Гасан-муаллим, Гасан-муаллим, куда ж вы, почему встали? – снова постаралась выказать свою обеспокоенность хозяйка.

– Разрешите вымыть наши руки, – спохватился Гасан, прошел прямиком в ванную, надо бы выпить чаю и уходить только потом.

Гасан стал собираться после чая, Земфира ханым попросила принести ей книгу одного модного писателя.

– Гасан-муаллим, – сказала она на прощание, – вы уже знаете, где я живу, заходите чаще, после четырех я всегда дома.

Спускаясь по ступенькам молодой человек ощутил спокойствие, чувствовал как его отпускает по мере того, как он удаляется от здания, хотя не знает, куда держит путь. Через пару блоков его внимание привлекли три девушки-подростка, прогуливающиеся во дворе. Две девушки уже обабились, а третья, хилая и в очках, говорила подругам командным тоном:

– Я вам не позволю, вы не имеете морального права...

Сложно было понять, что девушка имеет в виду, но ее резкий тон привлекал внимание. Интерес в парне вызывали две другие девушки, крепко сбитые. Вдруг Гасан ударился ногой о тротуар, чуть не упал, еле-еле удержался и перестал глазеть на девушек. Уходя дальше, он понял, что не хочет думать о Земфире ханым.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

НОВЫЕ ИМЕНА

АЛИЯ

Знаешь, мне сегодня приснился странный сон.
Будто я умерла и лежу, обернувшись в саван,
И люди роятся вокруг, суетятся, галдят, рыдают.
Толпа незнакомых, чужих мне людей.
Но только тебя в толпе той нигде не видно.
И от этого сердце щемит так уныло и так обидно.
Я проснулась. За окном выпал снег.
Похожий на тот самый саван.
И мигрень опустилась мне на затылок
тяжёлым, глухим ударом.
И это случается каждый день,
Как заколдованный круг повторяется.
Моя потускневшая, пустая реальность...
Где всё окрашено в боли оливковый цвет,
Где я тихо встречаю рассветы и провожаю закаты.
Где тебя рядом нет.
Видишь, какой беспорядок вокруг? Посмотри.
Мысли разбросаны, в зеркалах отражения стёрты,
На полу вдребезги разбиты мечты и желания.
Зола от сгоревших в камине писем то там, то тут.
Мой мир в беспорядке,
потому что тебя в нем давно уже нет.
Ты бы собрал все мысли аккуратно в коробку,
Разбитые окна бы заменил,
расставил бы стулья, камин растопил,
Полы бы подмел, стены покрасил бы снова.
И за бардак обязательно меня б пожурил.
С улыбкой ласково, совсем не строго.
А я бы спросила – «не хочешь кофе?
Я сварю тебе с сахаром и молоком
и корицы добавлю немного».
Ты б улыбнулся и просто кивнул в ответ.
А я б говорила громко, с тобою наперебой,
Совсем, как сейчас говорю, не смолкая,
захлёбываясь словами и мыслями.
Ты меня слушаешь? Ну конечно же, нет.
Я огляделась кругом.
Стулья разбросаны, света нет.
Я сижу у окна и всё говорю о том, чего нет,
С твоим портретом, висящим напротив,
Нарисованным, правда, не до конца.
Но я как-то совсем не против.
Это ли важно, если тебя рядом нет.
Знаешь, меня бессонница мучает...
И уже который вот день...

Приходит, садится по ночам у кровати
И читает мне вслух какие-то чужие письма...
Нет, постой. Это же ты писал мне когда-то. Разве нет?
Ветер по-волчьи завывает за окном моим одиноким.
Зовёт меня погулять в тихую холодную ночь.
И я скитаюсь с ним бездумно по улицам, считая заборы,
Проливаясь на них слезами, в паре с монотонным дождём.
Рвутся в клочья лоскуты непокорных мыслей, рвутся нещадно.
Трещит по швам серое облако моей бесконечной тоски по тебе.
Почему ты оставил меня одну с этими одинокими мыслями
И с бесшабашным ветром, который то и дело холодит мои пятки?
А вместо тебя маячит непроглядный туман
где-то там на горизонте за морем.
Знаешь, у пустоты сегодня безумная поздняя трапеза.
Она в темноте поедает жадно куски моих неоправданных ожиданий.
Смакует, жуёт и заглатывает их большими порциями.
Подбирает кривыми пальцами крошки оставшихся воспоминаний,
Запивая всё это бокалом слабой прозрачной надежды.
Я ищу тебя среди развалин, полуразрушенных осиротевших домов,
В фотографиях, разбросанных на полу в чьей-то гостиной,
И даже на кладбище прочитанных и больше ненужных книг.
И в окнах чужой квартиры напротив.
Какой-то бородатый дед, притворившись сегодня отшельником,
Рисует на белой стене геометрические фигуры.
Замкнутый круг бесконечных страданий, пирамиду, случившихся бед,
Треугольник обид и овал несбывшихся желаний.
Усталость наваливается на мои плечи, нажимая с силой на руки.
Забери меня. Забери с собой далеко.
Мне не важно куда....
В нарисованную страну, или в придуманный мир из старых газет.
Мне честно без разницы. Лишь бы там сбывались желания.
Забери меня. Забери с собой далеко.
Туда, где я буду дружить с ветрами и вплетать в волосы солнце,
Туда, где сиреневые облака приносят покой и радость.
Туда, где ромашки цветут и зимой.
Туда, где тот самый дед, с мозолистыми руками,
Нарисует мне параболу счастья.

2018

Об авторе: Алия. Литература всегда была ее главной страстью в жизни. А книги она лет с десяти называет, не иначе как своими самыми близкими друзьями. Литература для Алии это возможность бесконечных путешествий, открытий и приключений. Возможность прожить тысячи жизней в разных временах и эпохах. Ее воспитали такие авторы как Герман Гессе, Франсуаза Саган, Франц Кафка, Кобо Абэ, Эрих Мария Ремарк, Габриэль Гарсиа Маркес, Эрве Гибер и Жан-Поль Сартр. А писать для нее значит говорить с миром, общаться с людьми и возможность поделиться мыслями с не знакомым, но родным и близким читателем. В своем творчестве Алия отдает предпочтение прозе. Она является автором пяти книг, а также публиковалась на таких сайтах как roeziya.ru, litmir.club и litfond.net. Стихи пишет последние пять лет. Она решила попробовать себя и в этом жанре, так как считает стихи более эмоциональным и кратким выражением чувств и происходящего во внутреннем мире автора в данный период.

КАВКАЗСКИЕ ОЧЕРКИ

Владислава Стшельницкого

Житомир. Издание Юзефа Стшельницкого. 1860.

Разрешено издание при условии обращения в Комитет Цензуры по изданиям, с правом установленного количества экземпляров. Киев, 18 мая 1860 года.

Цензор Ор.Новицкий В Издательстве А.Квятковского и Ком. в Житомире

I

«Счастлив тот, кому есть с кем проститься!» повторил я мысль поэта, закладывая ногу в стремя. Грустно мне было, очень грустно! Я отдал бы все самое дорогое, самое милое из воспоминаний моей юности, за одно лишь дружеское «badz zdrow»¹, за одно лишь пожатие руки. Вот вам изображение, место которое я покидал. Гладкая, широкая равнина, в центре которой ручеек, похожий на серебряную нить на бархате, – вокруг безлюдные чащи, ущелья и горы; на одной из самых высоких гор мерцают вдали белые стены поднебесного города Шуша.

Начало нашей дороги не представляло интереса. Мы ехали берегом речки, которая с явным недовольством, подобно неподготовленному студенту, идущему в школу лениво, протекала по своему каменному руслу. По сторонам – горы, не отличающиеся особой индивидуальностью, большие и малые не скалистые и не плодородные, именно такие, какие мне не особенно нравятся. Я думаю, что если уж горы, то горы, уходящие вершинами в облака, блистающие ледяным покровом, ну, а если степи, так именно такие, какими должны быть степи. Высокие горы возносят мысль обозревающего к своей высоте, а безграничные степи уносят ее далеко за границы видимого пространства.

Средние позиции подобны людям со средними душами, которых Данте даже в аду лишил присутствия. Вид среднего в природе наводит на сон. Я бы давно заснул назло Мустафе, который придумывал разные остроумные шутки и фантазии, чтобы развеселить меня. Вскоре прямо перед нами показались развалины Аскерана. На двух противоположных склонах два серых мрачных замка, соединенные между собой высокими стенами, протянутыми через все ущелье. Башни подобны скелетам каких-то великанов из древних сказок, окна – глазам в черепной коробке, которые давно уже не видят, но наводят страх. На стене, на башнях и на развалинах дикие заросли, подобно кипарисам на могилах прошлого!

Развалины! Это драгоценности для путешественника, который задумал свои впечатления записывать в дневник. Эти самые развалины помнят Митридата, а может быть даже самого Александра Македонского. Возможно из какого-то из этих окон похищенная красавица высматривала своего возлюбленного, который карабкался на своем храброе конопе по этим скалам, посылал ей свои вздохи и условными знаками общал ей о близком счастье.

Несомненно, вдохновленный этим замком, я мог бы подарить одним из самых волшебных сказаний. Я обратился к проводнику с вопросом, древний ли это замок? «О! Древний!» «А, к примеру, сколько ему будет?» «Больше пятидесяти лет. Его построил Панах-хан, чтобы это горное ущелье защищать от Меликов, которые вон на той стороне кочевали».

¹ Badz zdrow – здравствуй (польск.)

Пятьдесят лет! И нет легенды! Отношения Панах-хана с Меликами представляют важный, архиважный период в истории Карабаха¹; в свое время я расскажу тебе об этом – ну что ж? Для легенды, пожалуй, эта история еще молодая. Она еще не покрылась той бесценной плесенью, которая историческим событиям придает особое значение.

Внук Панах-хана Мехти-Кули-Хан еще жив и является Ханом *in partibus infidelium*². Живет в своей деревне, в Ахдаме; мы проезжали через нее.

Уважаемый и любимый всеми старичок, благодетель для близких, мягкий для подданных! Он получает большие доходы с наследства, огромную пенсию, которую ему выплачивает правительство, по щедрости своей он с этим едва справляется.

В садах Ахдамских в гуще плачущих ив и винограда возносятся несколько бесформенных пирамид. Это усыпальницы предков Мехти-Кули-Хана. Вскоре еще одна пирамида появится среди них, и ивы грустным шелестом своих ветвей будут обращаться к путникам с просьбой о поклоне в память последнему Карабахскому Хану.

В одиннадцатом часу мы прибыли в Хиндарх. Эта деревня похожа на все другие деревни в этой части Карабаха, насколько я мог разглядеть ее в лунном свете. Камышовые дома были больше похожи на хлев, чем на человеческое жилье; между ними тутовые и виноградные сады. Всюду беспорядок: куча мусора возвышается пирамидально в центре улицы, здесь же собаки расправляются с бараньей костью. Наше появление вызвало столько шума, криков, лая собак, что мы чувствовали себя как в обвале. Кое-где появлялись люди за заборами, увидев нас, они мгновенно исчезали с возгласом: *bir-Urus*³, произнесенным с особой таинственностью. Мы подъехали к хате *Yuz-basay*, то есть сотника. Спускаюсь с коня, двери плотно закрыты, хозяева спят; стучу, кричу, умоляю, угрожаю, Мустафа изо всех сил мне помогает – ответа нет. Я уже отчаявшись решил выломать камышовник и штурмом взять халупу, но тут Мустафа обнаружил неприятеля в другом месте. Юз-баши со всем семейством своим почивал высоко в беседке на подмостках, опирающихся на четыре высокие жерди.

– Дай мне проводника, – прокричал я, – тогда уеду.

– Нету, – отозвался голос с высоты.

– Как это? В целой деревне нет людей?

– Люди есть, коней нет.

– Найдешь, если захочешь. У меня *Kağız*⁴ от *Duwana*⁵. Слышишь? У меня *Kağız*.
Давай проводника.

Молчание.

Продолжались просьбы, угрозы, однако никакого ответа мы так и не получили. Тут я заметил лестницу, прислоненную к подпоркам, и начал подниматься вверх, чтобы с глазу на глаз с Юз-баши объяснить ему мои права и его обязанности. Я был встречен как настоящий победитель крепости: женщины и дети увидев человека в незнакомом обличье, подняли крик, а было их тут более полдюжины.

– Тихо, вороны, я вас не съем. Где хозяин?

– Нет ни одного коня, господин, – произнес, поднимаясь с места, Юз-баши. –
Валлах нет!

– Ну, ослы могут быть?

– Хм, пойду посмотрю, вот только *chuha*⁶ надену.

¹ «Карабах – мусульманская провинция, которую Падшах уступил России в силу трактата, заключенного в 1812 году. Прославился великолепными конями». См. *WE.Str.2 elniski. Bey-Bulat.Kiyev, 18 may, 1860q., s.56 odsylacz 5.*

² *In partibus infidelium* (лат., «в стране неверных»), римско-католич. епископы, носящие титул по епархиям, которые уже отпали от католичества.

³ Один русский.

⁴ *Kağız* – (азерб.) бумага.

⁵ *Divan* – (азерб.) суд.

⁶ *Чуха* – (азерб.) кафтан.

Я спустился, не догадываясь ни о каком коварстве Юз-баши. Но стоило мне только ступить на землю, как лестница стала подниматься вверх. Сверху послышался смех всей семьи хором и голос Юз-баши.

– Ну теперь нам уже никто не помешает спать!

– Посмотрим, – ответил я, раз уж на то пошло. – Мустафа! Заряди ружье и начинай стрелять господам на добрую ночь.

После нескольких минут канонады, я громко спросил:

– Мустафа много еще патронов?

– Патронташ полный и еще в мешке запасы.

– Хватит на всю ночь?

– Хватит.

– Ну тогда стреляй подряд.

Я закурил сигару, присел на пенек, с твердым решением продолжить наступление до тех пор, пока обитатели крепости вынуждены будут сдаться. Злословия посыпались на мою голову сверху как огненный дождь, я сомневаюсь, что варшавская торговка могла бы в этой области красноречия сравниться с татарской женщиной. Дети плакали и пищали.

Наконец, Юз-баши понял, что сопротивление не удалось, он спустил лестницу, сошел на землю и, встав передо мной в позе кающегося грешника, начал мне объяснять невозможность поисков коня или осла в эту пору ночью.

Я вынужден был согласиться, потому что иного выхода не было, и между нами был заключен следующий договор: я останавливаю стрельбу и даю Юз-баши нужную сумму для доставки продуктов для себя и Мустафы, а также корма для коней. Юз-баши согласился предоставить нам хижину для ночлега, а утром на рассвете снабдить нас конем и проводником. Условия договора были выполнены до последнего. Домик был такой большой, что вместил всех нас: и меня, и Мустафу, двух верховых коней и мула.

Однако только мы распаковались, на сцене появился новый неприятель и теперь уже не мы, а он начал войну. Это были комары. Кто же путешествовал в жарких краях, тот может себе представить, что это за отвратительные существа.

Хищные птицы, которые стаями преследуют человека, не смогли бы так измучить его, от них отделаться можно. Против комаров нет оружия! Они нас атаковали со всех сторон: в ноздри, в глаза, в губы. Не помогал дым из трубок, ничего не помогало.

– До Юз-баши в беседку на высоте комары не долетают, – сказал Мустафа, – надо бы вновь начать стрельбу, мог бы гостям подыскать места получше.

– Оставь его в покое!

Над головой ползали скорпионы и еще, что-то большое, а на земле Вальпургиева сходка! – там пробежит ящерица, там жаба скачет, в другом месте фаланга передвигается за червем. Известно, что укусы фаланги, если не принять меры, смертелен.

Кроме всего этого, Мустафа успел выпить мой чай, съел мой ужин и, соорудив себе ложе на возвышение из разного хлама, захрапел чудесным образом. Что касается меня, то я провел ночь как в танце Святого Витта, размахивая и руками, и ногами против воздушных и земных захватчиков.

Оставалось два часа до рассвета, когда мы двинулись в путь.

Проводник из Хиндарха пристыдил меня красотой своих dospехов, конем своим, который был наилучшей Карабахской породы. Вероятно, среди коней, где он их искал, немало было и плохих. Пожалуйста, поверьте Юз-баши.

Холод пробирал нас так, что пришлось закутаться в бурки.

Такая погода – один из капризов местного климата, в самую жаркую пору лета, в знойные, палящие дни, ночи – холодные до невыносимости!

В действительности это приятно, но для здоровья небезопасный каприз; не привыкший к зною иностранец, приветствует ночь как минуты облегчения, застилает постель на открытом воздухе, и с великолепием как буйвол в речке отдается ободряющему холоду. Утром просыпается с головной болью, засохшим языком и с тяжестью в суставах – температура! Местные жители знакомы с коварными приметамы ночи, однако и среди них смертность непропорциональна, и отнести ее к чему-то другому невозможно, как только именно к перепадам от жары к холоду. Заря еще не показало, небо было чистое, месяц в полной красе, звезд на небе как маковых зернышек и такая тишина в этих краях бесконечная, такое молчание, что, наверно, слышно было бы, как трава из земли растет. На гладкой, зеленой равнине, насколько возможно было охватить ее взором, переливались серебристые полосы света от росы, пропитанной лугами. И, о чудо! Среди этой глубокой тишины воздух, казалось бы, должен быть полон чего-то: птиц, летающих без крыльев и поющих без голоса, и душа вырвалась к своим невидимым братьям!

Я был восхищен, вдохновлен! ... Воображение; это тот творческий лучик, который человека поднимает к Богу, он, напрягаясь в голове, звучит как тончайшая струна контрабаса. Если бы этот Мефистофель Мустафа не прерывал бы моих ощущений безвкусными анекдотами, я бы точно написал элегию. Я бы сравнил эти степи с увядшим сердцем моим, которые было испепелено зном желаний, опустошено вихрем страстей. Эти звезды, прощающиеся со светом, подобны были моим воспоминаниям, а бледный месяц – моим надеждам, которые все еще иногда призрачные свои лучики украдкой посылали на чело мое, испещренное преждевременными морщинами.

Я приготовился уже к перебранке с Мустафой, как вдруг проводник наш соскочил с коня и, опустившись, приложил ухо к земле. Мы остановились.

Где-то вдали послышался лязг оружия, топот коней и пение приглушенное, однообразное, похожее на шелест волны наплывающей на прибрежные камешки, звук такой необъяснимо милый.

Через секунду проводник объявил, поднявшись с земли:

– Здесь добрые люди, едем!

– Откуда это заключение?

– Это невозможно быть разбойником и любить стихи.

Вскоре несколько людей и наездников выплыли из темноты.

Действительно, это были спокойные как мы путники. Один из них, чтобы скоротать время себе и товарищам своим начал декламировать отрывок из Шах-наме – О! Кто не слышал персидскую поэзию из уст коренного Перса, тот не познал истинных чудес поэзии. Это – Квинтэссенция великолепных звуков, созданных природой, это – гармония, которой могли бы позавидовать сами Музы и боги Олимпа!

Я сошел с коня, – солнце только взошло и сразу начало сильно припекать. Была еще одна причина для спешки; я за собой не оставил ничего, абсолютно ничего приятного, а здесь передо мной была перспектива проведения нескольких приятных дней в товариществе капитана С., с которым меня давно связывала старая дружба. Сколько у нас было общих воспоминаний? – память со времен поэзии нашей, не той поэзии, которую записывают чернилами на бумаге, а той, которая шальными отголосками молодости вписывается в историю нашей жизни!...

С тех самых пор многое изменилось. Некоторые из наших друзей и знакомых пошли за своей судьбой, других сама судьба поволокла за собой, некоторые погибли, сражены не саблей Азраэля. А сколько мы прошли дорог, как изменились все наши взгляды! Время прокладывает борозды на лице нашем, обозначает границы, переступать которые невозможно.

Ветры бешеные не дали встретиться нашим лодкам, – обе были далеко от берега, и мы все плывем и плывем!...

Старший друг – это всегда жемчужина, а тем более на такой дороге, где жалкий закуток нужно штурмом брать!.. Хотел бы я увидеть здесь одного из тех господ, которые так много говорят и пишут о гостеприимстве восточном: восточной вежливости, любезности. Пожалуй, можно согласиться с гостеприимством какого-то Турка, Араба, Черкеса, но не с гостеприимством Востока.

Наши превратные представления о Востоке происходят больше всего оттуда, что путешественники наши добровольно поддаются оптическому самообману, основываясь на какой-то частице, крыше, крыльце, колоннаде или кирпичике вместо целого дома. Вот если кто-нибудь концом носа уткнется в границы Азии, то считается сразу же опытным ориенталистом – без промедления издает книгу и с каким-то явно академическим преувеличением высказывается об этом Востоке!

Восточное небо, восточное гостеприимство, восточные обычаи, – повторяют они на каждой странице.

Господа! Господа! Побольше скромности и доброй веры! Посмотрите на карту! Перед вами 80.000 квадратных метров пространства, не считая Египта и Варварских берегов, которые также обычно относят к Востоку. А еще страны, раскинутые по этому огромному пространству, различающиеся между собой как от земли до неба, а также люди, отличающиеся от вашего ядовитого муравейника.

О! Господа! Чтобы объять этот Восток и понять его, необходимо что-то более значительное, чем съесть несколько обедов, и выполнить несколько молитв в монастырях Палестины или занимать годами должность коновала при дворе Мехмета-Али.

Большая деревня Agzabet¹, в которую мы завернули около десяти часов, раскинулась на плоской, безлесной равнине. Протекающая рядом река Кюр, с заросшими берегами, доставляет Агджебеди и другим соседним селам воду в каналы и деревья для строительства. Поверхность здешних хижин весьма ненадежна, вероятность того, что с первой же зимой все население этой деревни выдержит морозы, сомнительно. Однако суровости зимы незнакомы Карабахским равнинам, а летом большая часть жителей поднимается в горы. Именно этим и объясняется беспечность в строительстве жилья.

Агджебеди – это место, изобилующее садами, в которых больше всего виноградников и тутовых деревьев. Виноград едят гроздьями или сохраняют для продажи; вино, как известно, мусульмане не производят, тутовники же идут на прокорм шелкопрядам.

Производство шелка и шелковых тканей здесь повсюду, оно сосредоточено в руках отдельных деревенских семей, местный шелк здесь не отличается тем совершенством, которого достигают большие предприятия. Из Карабахских шелковых материй шьют особо прославившиеся *dzidizim*², *shalwary*³. Первыми покрывают тюфяки, а предназначение других ясно из самого названия. Эти изделия отличаются особой прочностью. В общем, положение жителей деревни можно назвать сносным. Обязанности, которые они выполняют, весьма незначительны, большую часть своей жизни они посвящают излюбленному бездельничанью. Торговля людьми здесь неизвестна, кнут – неизвестное орудие. Заметка для востоковедов, к разделу о Восточной тирании.

Мне показали жилище Халил-бека, с которым мы были давно знакомы.

Я застал его в саду, занятого особо важной работой, омовением, очищением от нечисти греховной. Он выполнял этот обряд по-суннитски, проводя рукой снизу-вверх, Шииты же свои грехи обмывают сверху вниз.

Халил-бек относится к небольшому числу проповедников Омара, которые малочисленны в этих краях.

¹ Агджебеди – деревня в Карабахе.

² Джеджимы – шелковые ковры домашнего производства (азерб.).

³ Шалвары – (азерб.) Шаровары.

Здесь к месту было бы вспомнить о Суннитах и Шиитах, которые появились по причине одной из жен пророка Айше, которая создавала интриги между правящим халифом и Али, зятем пророка Мухаммеда. Теперь знамя халифов находится у турецкого султана, которого (Шииты) Персы совершенно не признают, и, наконец, эти две секты до сегодняшнего дня испытывают друг к другу такую ненависть, как те известные политические партии у Гулливера, которые спорили между собой о том, каким концом разбивать яйца. Но стоит ли об этом говорить, ведь это вещи хорошо уже всем знакомые.

После неторопливо совершенного намаза, Халил-бек поздоровался со мной с особым уважением к старому kupaки (товарищу). Я провел у него самую жаркую пору дня, вознагражденный за прошлые неудачи и готовясь к будущим.

К вечеру мы добрались до Кюра.

На этой стороне никакого жилья не было, а на другой вдоль берега тянулась деревня, из которой бек вышел мне навстречу. Кюр в этом месте примерно около 50 саженой в ширину – в период летнего разлива река значительно поднимается, однако высокие берега не пускают ее на равнину.

Напротив Зардоба (название деревни) со дна реки выступает маленький островок, покрытый карликовыми деревьями, свежей травой и цветами – настоящий рай для глаз, которые устали блуждать по голым степям, выжженным зноем. Поэт не мог бы придумать наилучшего места для себя и для своей возлюбленной, чем этот островок. Это, как сказал бы любимый наш, так не одобрительно оцененный критиками, Тадеуш Я.Заблочкий:

*Оазис бесконечно источающий запах цветов,
Где приятный ветерок охлаждает мой летний жар.
И жажду утолит сок винный гранатов...*

Я не думал, что последняя строка может так точно описать действительность, однако совсем недалеко я увидел кустарник дикорастущего граната. Жаль, что этот островок временами бывает затоплен Кюром. Кюр – историческая река. У ее берегов, основатель персидской монархии от имени которого и произошло название реки (Кюр – Кир), положил конец своим захватам. У берегов Кюра Помпей громил Иберов и Албан, здесь же бывал и Александр сын Филиппа, были и Нуширван, и Митридат, и хромой Тимур, и великий Аббас, и Надир-шах. И великое множество других еще исторических желудков малых и больших напивалось ее мутными водами! Кони мои паслись недалеко от меня, Мустафа осаждал местные власти, стараясь получить проводника, а я тем временем, расположившись на берегу реки, размышлял про себя о древних, добрых временах.

Шумные племена, которые промелькнули в этих краях, подобно туману, предстали передо мной в своем диком величии, в своем стоязычном грохоте, ржании коней, бряцании ножей, стрел и рогатин. Я уносился за ними мысленно, наблюдая, как они шли заселять наши северные равнины, как некоторые, отделившись, шли на запад, чтобы сыграть предназначенную им роль в этой исторической драме, племена, которые из рук чудовища Римского выбили незаконное владение жезлом мира.

Где же вы сейчас, бич и гром Всевышнего? Вы, которые весь мир держали в страхе?.. В книжке глупого студента, в голове эрудита, который распределяет свое время между вами и засушенными червями!..

Кюр вместе с Рионом носил на себе корабли из Греции, Генуи, Венеции, нагруженные редкостями Индии. Направление это, как непригодное, заброшено, сюда Васко-да-Гама направлялся на экваториальных исполинах. Сегодня купеческие флаги путешествуют по другим дорогам, и исторические личности направляются другими путями.

Кюру осталось только память о прошлом великолепии. И видно, как Кюру тоскует, он затаился илом во многих местах, похудел, стал никчемным до неузнаваемости.

Sic transit gloria mundi... Так проходит слава мирская...

Ночь была темной от затянувшихся туч; до ближайшей деревни было неблизко, я, однако, не хотел ночевать от страха бушующей жары, с утра небо должно было проясниться.

Но уввы, наш belet¹ никак не мог сравниться с предшествующим. Это был огромный, некрасивый мужик на тощей кляче с тремя ногами, четвертая для симметрии просто висела.

С самого начала он сразу же сообщил мне, что провожать нас по этой длинной дороге до конца не входит в его планы.

– Господин! – сказал он. – Деревня близко, очень близко!

– Правда? А недавно говорил, что не близко?

– Куда там! Разве вы не видите эти огоньки, – вот и деревня показались.

Темнота не давала возможности увидеть даже уши коней, не то что отдаленную от нас деревню.

– Тем лучше для тебя, быстрее вернешься, – ответил я.

Ошибившийся в расчётах, он решил использовать другой способ. Он спросил Мустафу, как меня зовут. Мустафа придумал какое-то татарское имя, по звуку похоже на мое.

– О! Красивое имя, красиво звучит. Все имена гаснут перед этим именем, пение соловья не может сравниться с этим звуком. А кто он, чем занимается?

– Nəkim².

Мустафа часто представлял меня врачом, т.к. это единственная профессия, которая возносит европейцев в глазах его земляков, придает им особое значение.

– Nəkim? Да, я слышал об этом. О, он известный врач, воскрешает умерших. Во всем Ширване нет человека, который не восхвалял бы его.

Начались дифирамбы моему коню, оружию, одежде.

Уважаемый belet использовал все свое остроумие, однако как же был удивлен, что все это никак не отзывается в моем сердце. Он приблизился ко мне.

– Господин, у меня две избы, две коровы с телятами, одна жена с ребенком, осел, ослица и эта кобыла.

– Я тебе завидую!

– Все это ваше, и жена ваша, и дом ваш, и скот ваш, что бы у меня было такого, что бы было не вашим?

– Спасибо. Я все отдам тебе назад, как только меня до Кюрдамира доведешь.

– Хм! Я сам твой пикер, чем же могу быть больше?

Наконец он осмелился вспомнить о возвращении домой. Почувствовав мою непреклонность, он обратился к последней попытке: приотстал от нас, начал ехать вольным шагом, так, чтобы мы не могли за ним наблюдать. Он был уже далеко от нас и собирался к возвращению в сторону своего дома. Погоня была несложной. Пойманный, он застонал плачущим голосом:

– Извини меня, господин! Прости! Я дерьмо съел!

Однако кляча о трех ногах не могла служить дальше.

– Пусть он провожает нас пешком, – сказал Мустафа. – А для верности привяжем его веревкой.

– Пешком? Ай, ай, да что ты такое говоришь? Ни мой отец, ни мой дед не ходили пешком. Пешком в такую даль? Я не дойду, умру по дороге, лягу и умру!

¹Белет – bələd. (азерб.) проводник.

²Nəkim – (азерб.) врач.

– Кнут воскресит. А что же ты говорил, что деревня недалеко, и огоньки мигают, и деревья видать.

– И далеко, и близко. У кого конь на четырех ногах, тому близко. По этой дороге очень близко, здесь невозможно заблудиться, это королевская дорога.

Поехали без него.

Спустя час езды королевская дорога разделилась на две ветки, – какую выбрать.

Дорожка, идущая направо, казалось чуть побольше протоптана; мы выбрали эту дорогу, но вскоре она стала сужаться и вновь разделилась на несколько тропинок в разные стороны.

У нас не было другого решения, как только подчиниться инстинкту коня. Мы ехали неизвестно куда, уже пропали последние следы, мы ехали по дороге без следов; наконец показались впереди заросшие берега Кюра.

Кюрдамир не мог находиться на этой стороне, самый близкий от него пункт находится около Зардоба; мы повернули налево в надежде, что в этом направлении можно будет добраться до другой ветки королевской дороги.

Спустя некоторое время мы решили остановиться, чтобы дать отдых коням. Это решение не пошло нам на пользу. Так мы потеряли направление, которого до сих пор придерживались.

Четыре стороны света раскрылись перед нами и ни одна из них не желала признаться нам, какая она? Восточная, южная, западная или северная? В какую сторону двинуться? Заблудившийся рыцарь недолго бы думал об этом, однако нам нужно было доехать до Кюрдамира, но мы не знали, где он находится, перед нами, за нами, или где-то в другой стороне? Это была большая загадка, подобная раскинувшемуся перед нами пространству.

– Поехали! – сказал Мустафа.

– Но куда?

– Есть тот, кто нас проводит.

– Кто это?

– Tagdyr¹. Нам бы вновь добраться до Куры, там безопаснее, а так по этой безводной пустыне можно блуждать два дня и две ночи и не найти человеческого следа. Наш невидимый проводник Tagdyr счастливо довел нас до берегов Куры.

Мустафа влез на первое попавшееся дерево и закричал в кулак, подражая вою шакала – и так он повторял это действие на каждом возвышении, которое попадалось на нашем пути. Я ему помогал снизу, мы трубили от всего сердца, но долгое время результата не было.

Наконец где-то в отдалении нам удалось услышать лай собак... Суша!..

Направляясь в сторону лая собак, мы обнаружили кочевье татар². Солнце потихоньку поднималось на небосклоне. Кочевники не спали.

Наше прибытие как всегда выявило свой результат, – детвора, завидев нас, умчалась с криком, женщины тоже; однако спустя некоторое время, верные инстинкту любопытства присущего сестрам Евы всех веков и всех краин, начали подсматривать на нас из щелей палаток. Мужчины были смелее.

– Куда едешь? – спросил я одного из них, заметив, как он выводит корову.

– Кюрдамир!

– А далеко до Кюрдамира?

– Десять agaszow³.

От Зардоба было девять. Вот полученная польза за бессонную ночь.

¹ Tagdyr – судьба (азерб.) Təqdir ilahi – помощь от бога.

² Татары – в XIX веке так определялась национальность азербайджанцев.

³ Ağac – старинная мера измерения расстояния.

Хозяин коровы вывел также верблюда и коня. Верблюду привязали по бокам седла и две корзины, в которых разместилось двое детей.

Сверху соорудили нечто вроде домика, в нем восседала за занавесками дама, закрытая с головы до ног чадрой, помимо этого лицо ее также было покрыто густой белой сеткой. Это добавление в наряде, как мне кажется для сокрытия лица от моих неверных глаз, т.к. это покрытие в быту употребляется очень редко. Остальная поклажа досталась корове. Отец семейства сел на коня – и они двинулись. Мы, немного отдохнув, вскоре догнали их.

За два часа до Кюрдамира наши спутники остановились на отдых. Не колеблясь, мы решили ехать сами, главным образом потому, что король-дорога в этом месте была широкой, размеченной и до вечера было еще далеко.

Кюрдамир – это огромная деревня, простирающаяся на милю, утопающая в садах. Кюрдамир прославился своим виноградом, на Шемахинском базаре, летом, в вечернюю пору можно было услышать призывы продавцов: «Ау, Kürdämîr üzümü, бәһ, бәһ!»¹ Несколько лет назад жил в этой деревне некий Эфенди, ученость и праведная жизнь которого известна была не только в Ширване, но и в соседних краях. Путешественники из разных стран посещали его, одни для обогащения духовного его беседами, другие для того, чтобы, вернувшись домой, похвалиться перед своими: мы видели знаменитого человека. Пожертвования, которые ему со всех сторон преподносили, хватало ему для его мирской жизни. Однажды весной 1823 года навестили его двое из Дагестана, теолог... чернокнижник... Гостили они два месяца, и все это время познавали обычаи мусульманские, впитывали в себя элементы, противные заветам пророка. Вернувшись в Дагестан, они начали проповедовать учение, приобретенное в Кюрдамире, но оно не отвечало моральным правилам. Слово «война» прозвучало в горах Дагестана. Так было заложено начало Мюридизма в Дагестане. А об Эфенди ходит предание о том, что, вернувшись из Мекки, где он пребывал год и четыре месяца, он обнаружил любимейшую из трех своих жен находящейся в послеродовом периоде!..

– Он, наверное, заколол ее кинжалом или приказал зашить в мешок и утопить или, может быть, сбросить со скалы?

– Совсем не так! Святой человек никогда не носил кинжала, утопить ее он не мог, т.к. в Кюрдамире нигде нет глубоких водоемов, не мог ее также сбросить со скалы, потому что эта деревня располагается на равнине.

– Значит задушил?

– Нет. Расцеловал жену, а новорожденного принял с чувством огромной радости.

– Сказки! Сказки! Как это может быть, чтобы супружеские взаимопонимание зашло так далеко и где? На Востоке! Во что превратила восточная ревность эти гаремы, решетки и чувственных евнухов? Сказки!

– Но послушайте до конца! Эфенди Кюрдамирский, находясь у святого гроба, имел там столик на трех ножках, который его каждую ночь тайком привозил к любимой жене воздушными дорогами, а на рассвете вновь доставлял в Мекку.

В Кюрдамире мне пришлось пройти еще один урок терпения. Мы проехали вдоль и поперек через всю деревню, но не встретили ни одной живой души. В садах то тут, то там показывались отдельные фигуры, но наши оклики оказывали противоположный результат тому, что мы ожидали. Фигуры моментально пропадали и, расступив земля! Мы впустую стремились получить доступ к какой-нибудь хижине. Каждая хижина в Кюрдамире стоит отдельно в центре своего сада и ее не так-то легко обнаружить среди деревьев, кустов, каждый сад окружен вырытым вокруг рвом, окопом и забором из колючего терновника.

¹Ах, кюрдамирский виноград, бах, бах – (азерб.) превосходная степень восхваления.

Мы проехали вдоль по лабиринту узких и трудных для проезда улочек. Везде та же самая пустота. Мустафа потерял терпение.

– Где бы достать языка, – произнес он от злости скрежеща зубами, – я боюсь, как бы нам не пришлось ночевать в овраге. Пойду на разведку.

Он слез с коня и с большими усилиями добрался до ближайшего сада. Через несколько минут я заметил его преследующим маленькую девочку, которая убегала от него со скоростью антилопы. Наконец, они оба исчезли в кустах, вскоре раздался такой ужасный визг, который заставил подскочить даже моего коня.

– Съем, – загремел Мустафа, – живой съем, проглочу с ногами, если сейчас же не проведешь меня к Юз-баши.

Крик девочки заглушил угрозы Мустафы, он становился все громче и внезапно стих. Мустафа вернулся.

– Ну, и что ты там набедокурил?

– Умерла?

– Что, что, как умерла? Верно упала в обморок от страха. Ой, Мустафа, ты и шагу не сделаешь без приключений.

– Она сейчас оживет, как только увидит, что меня рядом нет. Вот и побежала. А, хватайте, ловите!

После нескольких следующих приключений, вновь безуспешных, мы решили ехать дальше в надежде увидеть жилье, более доступное для общения. Через пару вёрст от деревни, мы вышли на зеленую лужайку, со всех сторон окруженную деревьями; недалеко от этого места находился канал. Соединяясь с другими маленькими каналами, он доставлял воду всей деревне.

– Остановимся здесь, – сказал Мустафа после недолгих размышлений, – приближается ночь, дорога нам незнакома, и кто знает, как далеко нам еще придется ехать!

– А кони наши, кони! Мы ехали целые сутки совсем не останавливаясь.

– Все будет, вы отдохните пока под деревом. Я вам говорю, что все будет в порядке.

Я прислушался к его совету, потому, что сам ничего лучшего придумать не мог и вскоре крепко заснул.

Меня разбудили шум и крики сотен голосов.

Открыв глаза, я увидел Мустафу стоящего около канала в окружении толпы Татар. Некоторые старались столкнуть его с места, Мустафа защищался стволом карабина.

– Чего вы хотите? – спросил я.

Несколько человек повернулось в мою сторону и с криком начали объяснять мне, в чем дело. Я ничего не мог понять из этого хора голосов; наконец один из них успокоив кричавших людей, объяснил причину их возмущения.

– Сын пса и сын греха, который назвал себя *nikierem* (Nökər – слуга), хотел неизвестно с какой целью раскопать канал и оставить нас, правоверных жителей деревни, без воды. Кто-то из деревни заметил это и собрал весь народ, вот мы пришли сюда, чтобы предотвратить беду.

Говорящий закончил свою речь обещанием, что об этом поступке он доложит высокому начальству.

– А кто ты есть такой, что все так высокопарно объясняешь? – спросил подскочивший к нему Мустафа.

– Юз-баши.

– А! птичка, именно ты нам и нужен.

...

Владислав Стшельницкий (1820-1846)

Выпускник Киевского Университета.

Представитель литературной группы «польских кавказских поэтов».

Среди них Т.Л.Заблоцкий, М.Бутовт-Аджейкович, Л.Янаишевский и другие сосланные на Кавказ (Азербайджан, Грузия) за участие в национально-освободительном движении против царского самодержавия. Тяжелая военная служба в штрафных батальонах царской армии была бессильна против творческих инспираций поэта он постигал культуру, историю Азербайджана, заброшенный в глухую, отдаленную область страны в Карабах, лишенный общения с близкими по духу людьми, поэт испытывал на себе неприязненные взгляды азербайджанцев, прятавшихся от поляка, облаченного в форму солдата царской армии с возгласами «urus gəldi» (русский пришел!). Бесправное, жалкое положение азербайджанского народа, хозяина несметных богатств, живущего на лоне прекрасной, девственной природы в нищете и духовной отсталости, вызывало самые глубокие чувства сострадания к нему. Описание Азербайджана от Карабаха до Ширвана находит свое отражение в поэзии и прозе в «Кавказских очерках», небольшом прозаическом произведении Вл.Стшельницкого, написанном в форме путевых рефлексий. Творчество Вл.Стшельницкого и других поэтов «Кавказской группы» имела преимущественно рефлекторный характер – Им близки и созвучны были герои, у которых была воля, свобода, родина. Для сосланных на Кавказ поэтов горы были ступенью к свободе. «Я полюбил тебя, моя новая отчизна! Но отчего же печальным сердцем кричу: Боже! Дай хоть убеленному седеной увидеть пора родного дома!» – писал польский кавказский поэт Т.Л.Заблоцкий. В творчестве В.Стшельницкого значительное место занимает история Карабаха, описание его древних храмов и крепостей: «руины – это сокровище для путешественника, который решил описывать свои впечатления. Эти развалины могли помнить Митридата или даже Александра Македонского». Произведения, написанные в 1839-1841 годах, были созданы в Шуше, Аскеране, Шемахе, Баку, Кюрдамире.

Стшельницкий долго жил в Карабахе, в Ходжалы, Хиндархе, Агджебеди. Еще в XIX веке, в книге, написанной польским писателем, дается точная историческая справка об этом крае: «Карабах – мусульманская провинция, которую Падишах уступил России в силу трактата, заключенного в 1812 году. Прославился великолепными конями». См. WE.Str.2 elniski. Bey-Bulat. Kiyev, 18 maya, 1860q., s.56 odsylacz 5.